

Т. Чоргоп
Десница
Пращур

Спасая мир, герои уже изрядно покалечились, а проблемы не кончаются. Эхо древней войны Тьмы и Света за господство во Вселенной, кровная вражда, старые долги... Нав Ромига просто хотел бы вернуться домой, но сил и средств у него всё меньше. Или ему только так кажется?

«Чёрного кобеля не отмоешь добела.»

Остаться в живых Наритьяра Младший, ныне — единственный, не рассчитывал. И даже не надеялся: с того самого мига, как Наисветлейший круг затянул его и принялся творить из меченного солнцем — живое воплощение солнечной стихии. Да, дивный сон, наваянный Зачарованными Камнями, стоил того, чтобы увидеть и умереть. Ничего слаще, прекраснее, восхитительнее в жизни мудрого уже не будет. А воплотить в жизнь все эти сияющие видения, привести Голкья со всеми её обитателями к подобной благодати... Нет, Наритьяра не настолько спятил, чтобы следовать стопами Великого Безымянного. Пусть даже он видит, как избежать ошибок предшественника. Это-то, как раз, легко: предшественник был слишком нетерпелив, он принуждал вместо того, чтобы воодушевлять и убеждать, он слишком легко попирали законы... Но нет!

Солнечным Владыкой Наритьяре не бывать, а быть ли ему вообще? Быть ли ему живым? Откупаясь клочьями собственной шкуры и души от одичалых стихий по дороге к Камню, погружаясь в беспросветный мрак Наитемнейшего круга, Наритьяра и на это не надеялся. Однако, он не только вошёл в круг, но и вышел.

То есть, выполз, на четырёх. Однако спел Летучую, разом исцеляясь от всех немощей и ран. Вернул себе истинно двуногий облик. Обвёл шалым взглядом тех, кто ждал его, и позвал их праздновать: в трактир, к Ласме и Груне!

Уже по пути с Ярмарочной горы Наритьяра кое-что вспомнил и послал зов чужаку, которому обещал побратимство. Встретил пустоту. Спросил Нельмару — услышал, что Иули сгинул в круге. Опечалился, закручинился...

Затяжное буйство стихий повергало охотников в недомогания, путало мысли, будоражило чувства. Старшая жена кузнеца Лембы, Тунья, маялась бессонницей. Она до отупения устала за эти дни, а уснуть не могла и сонными зельями пользоваться опасалась. Чтобы не страдать впустую, бродила по дому. Проверяла, подпитывала колдовской силой амулеты и защитные знаки на стенах. Все одарённые домочадцы занимались тем же самым, по очереди. Все, кроме самого сильного колдуна и главы дома, кроме самого Лембы! Его призывали мудрые и готовят к посвящению. Думая об этом, Тунья лишь зубами скрежещет от бессильного гнева!

Нет, хранительница Вилья пока жива, но получила нож в брюхо и, как болтают ещё, некий урон своему колдовскому дару. Совет Мудрых спешит-спешит посвятить преемника, которого Вильяра выбрала сама и назвала при свидетелях. За это Тунья готова растерзать знахаркину дочь руками и зубами, в мелкие клочья! И в то же время — отчаянно желает мудрой скорейшего выздоровления. Скорее, скорее, пока Лемба — ещё Лемба, а не Вильяра Младший! Дурёха Аю уже льёт по нему слёзы, воет, как по мёртвому, а Тунья надеется. А сама-то ведь — тоже дурёха! Думала, что не сильно привязалась к мужу. Уважает его, гордится им, вовремя раздвигает ноги, а потом рождает детей, но не сходит с ума по любезному, как Аю... Не сходила, пока не дошло, что вот-вот потеряет его!

Наставления и подготовительные обряды займут, самое меньшее, луну. У Вильяры есть

ещё время очухаться и сказать своё веское слово Совету, вернуть лучшего кузнеца клана туда, где ему надлежит быть: в дом Кузнеца. Если только знахаркина дочь не воспользуется случаем забрать себе того, кого называла женихом в юности, с кем кувыркается на шкурах всякий раз, когда приезжает в дом! Неужели, мудрая не пожелает сделать любезного равным себе, подарить ему бесконечную жизнь и новую судьбу? Уж сама-то Тунья, на её месте...

Охотница яростно рычит, потому что она — не на месте мудрой и никогда не будет! Слишком слаб её колдовской дар, даже если родовая ветвь хороша. Не выберут её никогда, и Лемба не выберет, когда станет мудрым, и когда задумается, в свой черёд, о преемнике. Сам-то он будет жить вечно: если не погибнет в схватке со стихиями... В схватке — почти на равных!

Тунию учили не завидовать мудрым: учили — не выучили. Охотница отлично понимает, почему её новые соседи искали незаконного посвящения. Даруна и Нгуна рассказали ей об этом, и о цене — тоже. Нет, убивать и живоедствовать Тунья не желает. Но может быть, есть другие пути?

Обойдя дом снизу доверху, Тунья решила сходить к Зачарованному Камню: восполнить силы и поглядеть, как оно там, снаружи? Голкья уже не дрожит под ногами, не давит натужным нутряным гулом, от которого не спасают никакие чары. Вдруг, зарницы тоже погасли, и молнии не бьют с вершин холмов в небо?

Правда: морозная ночь светла и нежна. Воздух сладок, снег искрится радугой. Не нужно особого дара, чтобы понять: стихии, наконец, умиротворились! Вернее, умиротворили их те, кто прошлой ночью от заката до полуночи пели песнь Равновесия. Рыжий Наритьяра и чужак Нимрин. Тот самый чужак, которого Тунья послала выгребать навоз из-под шерстолапов, а потом этот чужак весь дом от незаконников спас. А после, говорят, пел великие песни наравне с мудрыми, а закончил — Величайшей. Почёт ему и хвала, и долгое эхо в сказках. Жаль, не вышел он из круга. Или не жаль?

Соседушка Нгуна, безъязыкая болтунья, головная боль всех, кто не силён в мысленной речи, поведала о стычке своих охотников с мудрыми, которые подстерегали чужака у Камня. Нет, не с почестями встречали те мудрые благодетеля — убить желали, истребить с лица Голкья! Охотники пытались их прогнать, да куда там! И Вильяре не пожалуешься, и прошмыга Латира куда-то сгинул, не отвечает на безмолвную речь, будто помер. Значит, к лучшему, что Зачарованные Камни забрали себе чужака, и мудрые не свершили незаконие, не запятнали снег невинной кровью... Мудрые — едва не свершили незаконие: подумать-то страшно! Ох, и скверно начинается зима...

Охотница миновала крутой подъём от верхней калитки, выбралась на ровное место — замерла под звёздами, наслаждаясь тишиной. Мысли всё ещё черны и тревожны, а тело ликует, в каждой жилочке звенит радость. Так бывает, когда на охоте близко разминёшься со смертью.

— Я жива! Мы живы и будем жить! — произносит Тунья вслух, неизвестно к кому обращаясь. Может, к Зачарованному Камню? Ну и что, что он никогда не отвечает... Ток силы от него уже ощутим, но лучше подойти поближе.

Вспышка света у Камня — наподобие недавних зарниц — ударила по глазам. Тунья зажмурилась, прикрыла лицо ладонью. Выглянула из-под руки, проморгалась — увидела: кто-то двуногий, нескладно длинный, тощий, голый с невообразимой скоростью мчится ей

навстречу по тропе от Камня.

— Стой! — приказала охотница, вскидывая самострел, подарок Лембы.

Неизвестный, вроде, начал замедлять шаги, но всё равно приближался опасно быстро. Один удар сердца, и Тунья нажала рычаг, спускающий тетиву...

— Тунья, не стреляй! — выкрикнул двуногий, ловко уходя от стрелы, и замер на месте. Выставил вперёд пустые руки, заговорил нарочито ровно, успокаивающе. — Тунья, ты же меня знаешь. Ты же меня помнишь. Уголёк к углю, навоз...

— К навозу! — фыркнула охотница, жадно разглядывая выходца со щуровых троп. Конечно, теперь она узнала и голос, и облик, но... — Нимрин, какие кричавки тебя драли!? Когда Лемба подобрал тебя на тракте, ты был гораздо целее.

— Целее. А если ты непустишь меня в дом, я замёрзну совсем.

Правда, он уже так стучит зубами, что речь стала неразборчивой.

— Беги туда скорее, калитка не заперта. Я догоню, — сказала ему Тунья.

Не дослушал — рванул с места. С той же невероятной скоростью ускакал вниз, сверкая голыми пятками и ягодицами. Тунья развернулась и припустила за ним быстрой охотничьей побегой.

Она нашла Нимрина сразу за порогом. Чужак сидел на полу, скорчившись, и тряся, как прошмыгин хвост. Даром, что безошибочно выбрал место, где сильнее всего тянет тёплым сквозняком снизу.

Тунья затворила и заперла калитку. Стянула с себя куртку, бросила ему.

— Надевай, а то смотреть на тебя холодно, — потом уже спросила. — Чего ты дальше-то в дом не пошёл? Тебя же этим путём водили. Забыл дорогу?

Он сцапал одежду на лету, нырнул руками — в рукава, головой — в ворот, натянул подол на поджатые ноги. Зябко передёрнул плечами, уставился на охотницу снизу-вверх.

— Распорядительница Тунья, прежде, чем идти в дом, сначала выслушай меня. Меня могут разыскивать...

— Чужие мудрые, чтобы тебя убить, — закончила за него охотница. — Я знаю, Нгуна сказала мне. Эти незаконные колдуны искали тебя у Камня над Синим фиордом, а потом куда-то ушли. Если они не потеряли твой след, если заявятся сюда, то ни я, ни Зуни им тебя не выдадим. Поганцы легко разогнали от Камня охотников Даруны и Нгуны, но только потому, что охотники не желали зимнего кровопролития. Совсем другое дело — ломиться в дом. Нет, Нимрин, не беспокойся, отсюда они тебя не достанут.

— А изнанкой сна?

Тунья пожала плечами:

— Говорят, даже умелому сновидцу нелегко пройти туда, где он не бывал наяву. Колдуны, которые тебя искали — они все дальние. Они наш дом не знают. Но главное, они не узнают, что ты здесь! Никто им этого не расскажет. Никому пока лучше не знать, что ты здесь. Мало ли, кто кому чего сболтнёт... Ты ведь потому и сидишь на пороге, не спешишь дальше?

— Да, поэтому. Кстати, Тунья, ты сказала, вы с Зуни меня не выдадите. Ты и Зуни. А Лемба?

— А Лембу собрались посвящать в Вильяры Младшие, — охотница судорожно вздохнула, давя всхлип. — Он сейчас в Пещере Совета, готовится к обряду.

Нимрин тоже нахмурился:

— Хорошо, что, хотя бы, во Младшие! Но почему так быстро?

— Лемба сказал, у каждого клана теперь будет по двое мудрых. Так решил Совет. Лучше бы они себе главу уже выбрали, да всякую погань поприжали! Ты ведь песнь Равновесия спел, а они? Убивать тебя заявили! Ни закона в уме, ни благодарности в сердце! Что за мудрые такие? Скажи, ну зачем им дано всё, что им дано? Почему не извергают их стихии посвящения?

Нимрин помолчал, потом очень тихо, будто бы размышляя вслух, сказал:

— Это *ваши* мудрые, Тунья. Вам решать, почему, и зачем они вам — такие.

— Но наша Вильяра — не такая! — тут же вскинулась охотница. — И Лемба таким не будет.

Нимрин улыбнулся, как-то очень грустно.

— Тунья, может, ты всё-таки проведёшь меня в дом, чтобы никто не видел? Имей в виду, сам я колдовать не могу, совсем.

— Да тут и колдовать не надо, все спят. Вставай, да пошли.

Однако пока спускались в жилую часть дома, «морозную дымку» она всё-таки спела. И провела чужака в свои покои, в закуток с отдельной лежанкой, где иногда ночует Рыньи. Сегодня-то племянничек внизу, у своих драгоценных шерстолапов... Видно уже: не выйдет из парня кузнеца! Зато скотник, наездник и скотский лекарь — прирождённый. Нет, придётся старому Рамуи ещё кого-нибудь из младшей родни на обучение присылать...

Тунья заперла дверь в коридор и зажгла яркий светильник — подарок Нгуны. В ответ на короткую песенку стеклянный пузырь вспыхнул, будто маленькое солнце. Нимрин невнятно ругнулся, прикрываясь от света рукой:

— Тунья! Предупреждать же надо!

— Прости, я не подумала... У тебя что, что-то с глазами?

— Ожог у меня там. Светом обожгло.

То-то он спотыкался, пока сюда шли!

— В темноте не видишь, от яркого больно? — уточнила Тунья, встряхивая светличковый светильник. «Солнышко» она погасила сразу.

— Насмотрелся на яркое, больше не могу.

— Может, принести тебе капли? От «снежной слепоты» хорошо помогают...

— Охотникам, — перебил он её на полуслове. — Спасибо тебе, Тунья, но лучше не надо. Я не знаю, как на меня сейчас подействуют ваши зелья, а проверять не хочу.

Тунья не стала настаивать: бывает, даже какому-нибудь охотнику не впрок то, от чего хорошо всем другим. А Нимрин — чужак. Но всё-таки, как хозяйке дома не беспокоиться, если гость нездоров? Он же с трудом сдерживает дрожь, и весь в каких-то тёмных пятнах и струпьях. Синяки и ссадины? Ожоги? Обморожения?

— Нимрин, скажи, какая помощь тебе нужна? Ты сам это знаешь?

— Давай, попробуем полумрак, тепло и покой. Если не поможет за сутки-двое... Вильяра лечила меня песнями.

— А пить и есть ты хочешь?

— Есть — позже, воды — сейчас.

— Холодную или согреть?

— Дай, как есть.

Тунья налила из большого кувшина в пиалу, подала ему и смотрела, как он пьёт, очень

старательно держа посудину обеими руками, а всё равно постукивая краем о зубы. Допил и растянулся на лежанке. Охотница глянула на эту битую тушку — тяжело вздохнула и укрыла шкурами голые, тощие, лишайные ноги. Куртку свою она у него заберёт потом. А взамен выдаст перешитый подарок Рыньи. Вот только добавит в узор ещё кое-что от себя...

В тепле и условной безопасности охотничьего дома Ромигу сразу начало развозить. Пока он брёл за Туньей бесконечными коридорами и лестницами, держался из последних сил. Утолил жажду, прилёг — силы и кончились. По ощущениям, которые начали его догонять, всё тело — сплошная магическая травма. Не удивительно: после того, что он делал, и что с ним происходило во время песни Равновесия!

Он отпустил себя то ли в сон, то ли в обморок со слабой надеждой, что отдохнёт — полегчает. Навы живучие. Сразу не умер, значит, выживет и восстановится, иначе быть не может... То есть, бывает, ему известны примеры. Но рядом нет ни эрли, ни других навов, сведущих в целительстве, ни даже Вильяры, у которой неплохо получалось его лечить. Значит, либо Ромига отлежится до состояния, когда сможет помогать себе сам, либо не повезло. И даже эмоций по этому поводу нет.

Бредовый кошмар длится, длится, длится... Девочка-подросток бессильно плачет, дрожит от боли под тяжкими до удушья, но почему-то совсем не греющимися шкурами. Что с ней приключилось? Звери порвали? Затоптал шерстолап? Сорвалась со скалы, собирая травы? Чужой охотник, беззаконный поганец из вовсе пропащих, ударил её ножом? Гибельные картины мелькают под закрытыми веками, волны смертного ужаса и ужасающего бессилия накатывают одна за другой, будто все эти беды происходят с ней разом, одновременно. Нет, так не бывает, чтобы всё сразу! Но слишком больно, слишком страшно, слишком плохо, чтобы вспомнить, с которой из бед она не разминулась на самом деле. Она умирает, умирает и всё никак не умрёт.

Ну зачем, зачем её не отпустили на щуровы тропы? Кто-то, наверное, мама и старый Латира, собрали воедино то, что от неё осталось. Зашили и перевязали раны, спели все нужные песни. Но больно! Как же больно, душно и холодно! Кажется, кто-то сидит рядом, кто-то зовёт её, но почему-то не по имени. Несчастливая Яли не понимает этого зова и не хочет ему внимать. Что бы ни произошло с ней, она искалечена страшно, непоправимо: тело всегда понимает про себя такие вещи. Усилия целителей оттянули умирающую от края, а зря. Девочка хочет забыться глухим сном, сбежать от боли и ужаса — навсегда.

Кто-то зовёт её по имени, орёт и рычит на два голоса. Чья-то рука отвешивает ей оплеуху. Потом ещё одну. Девочка открывает глаза лишь затем, чтобы сказать: с умирающими так нельзя! Она дочь знахарки, она точно знает.

Однако на ней нет никаких ран. Нигде не болит, и тяжесть шкур больше не давит. Только всё равно ей как-то странно и нехорошо. Зрение мутится, она едва узнаёт логово старого Латиры. Мудрый встряхивает её за плечи, приводя в чувство, мать возится у очага, заваривает травы.

Латира начинает девочке за что-то выговаривать — о, ужас! — она не понимает ни слова. Речь слышит, а все звуки будто кто-то перемешал, перепутал. Лишь своё имя она различает отчётливо: Яли. Пытается ответить — рта не способна раскрыть, ни даже замычать, как немая. И в уме, для безмолвной речи, слова никак не складываются. Страх заставляет её зажмурить глаза, тряхнуть головой — резкое движение будто лавину срывает, она бьётся и корёжится в мучительных судорогах. Латира удерживает её, разжимает зубы. Мать льёт в рот какую-то горечь...

Старый Латира встряхивает её за плечи, приводя в чувство. На этот раз он выглядит сильно постаревшим, и одет иначе. Матери рядом не видно. Логово, вроде, не изменилось, но разглядывать недосуг.

— Яли! — мудрый снова твердит ей что-то, а она опять не понимает ни слова, кроме своего имени, и отвечать не способна. Однако не испугавшись сразу до умопомрачения, она пытается объяснить с ним жестами, без слов... По указанию Латиры смотрит на свои руки... Почему у неё руки взрослой женщины?

Леденя от ужаса, Яли ощупывает себя, находит в ухе незнакомую серёжку, потом в кармане — зеркальце. Рассматривает своё отражение, медленно узнаёт... Эту женщину в зеркале зовут уже не Яли дочь Уюни, а Вильяра мудрая.

Будто утопленники со дна, всплывают воспоминания, как одно становилось другим. Старый рядом терпеливо ждёт, пока она осознает себя заново. На его лице сочувствие — и застарелая усталость, след хлопот или горя. Вильяра хочет расспросить своего наставника, что происходит? Она теперь способна говорить, но они по-прежнему не понимают речи друг друга. Латира жестом показывает, что ему пора идти. Он достаёт из сундука снизу бусин, выбирает одну: пёстрый морской камушек. Выплетает из узора на своей куртке длинный чёрный шнурок и привешивает камушек на шею Вильяре.

Вильяра только сморгнула, а старого уже нет рядом. И она вспоминает, что с ним произошло, вспоминает всё до конца. Стискивает бусину-подарок в кулаке, сжимается в комок и плачет: по Латире, по матери и немножко по себе, прежней. Они ведь только что были рядом, совсем как живые, они касались её, а она — их...

Сон. Всего лишь сон... Нет, не пустой сон — колдовской, мудрая умеет их различать! Ей помогали, помогли вспомнить себя. Теперь она знает, что произошло. Знает: ей нужно поскорее очнуться, чтобы исцелить раненое тело. Очень надо, но она не может: слишком больно, душно, холодно, и сил никаких нет.

Она снова подросток. Она снова умирает — тонет в зыбучем песке в полосе отлива. Опять бред: с Яли никогда не случилось подобного. Знахаркина дочь была умной, осторожной и тогда уже не слабой колдуньей. Но тут, как последняя дурёха, поленилась вовремя подняться за силой на гору, к чёрному Камню. Вместо этого захотела вкусных ракушек с дальней косы. И пошла за ними в одиночку, и увязла. Не по колено, не по пояс — зыбун тянет её всё глубже, сжимает грудь, смыкается вокруг горла, подступает ко рту, к ноздрям... Крики никто не услышал или не рискнул прийти на помощь утопающей девчонке. Когда первая волна прилива перехлестнула через голову, она в панике забилась — и сразу ушла в песок с головой, но не умерла и не проснулась.

Очутилась... Нигде! И никем, наверное: тела нет, даже призрачного. Зато все мысли и чувства наружу, будто потроха. Пронизывающий взгляд из ниоткуда, острее ножа. Она — добыча душекрада?

Безмолвный голос, неожиданно ласковый, а главное, заговорил понятными словами: «Не пугайся, беляночка! Я не сделаю тебе хуже, чем уже сделали поганые исчадия Тьмы!» — полузабытое, полузапретное имя стихии голос помянул так, будто щурами ругнулся. — «Я знаю, моё присутствие неуютно тебе, но я не душекрад. Меня не надо бояться, я стараюсь тебе помочь.»

«Кто ты?» — спросила Вильяра мысленно, и её услышали, поняли, ответили.

«Я — Пращур. Тот самый, из твоих любимых сказок.»

«А откуда ты знаешь, какие сказки я любила в детстве?»

Смех, безмолвные колокольцы: «О, это же ясно видно, когда держишь кого-то на ладонях!»

«А как ты меня держишь, о Пращур, на деснице или на шуйце?» — спросила Вильяра, припоминая те сказки.

«А тебя сейчас только в горсти можно удержать, беляночка. Только в обеих руках сразу. Но я дам тебе силу, чтобы тебе хватило очнуться, а остальную ты потом сама добудешь. Иди скорее, тебя там зовут и ждут.»

«Спасибо тебе, о Пращур!»

«Иди!»

И она упала откуда-то с заоблачной высоты — в себя. В себе оказалось худо... Отвратительно! Больно до слёз: теперь понятно, что именно и отчего у неё болит. И озноб, и слабость, и тяжёлые шкуры, которыми её укутали-придавили... Сквозь смрад болезни — запахи жилого дома: совсем-совсем незнакомого, не в угодах Вилья... А вот это уже не ясно, кому и зачем понадобилось?

Вильяра кое-как разлепила веки — встретила заботливый взгляд женщины, которую едва не приняла за мать... Нет, не она, но так похожа! И за руку держит знакомо, цепко: выслушивает биение крови в жилах.

Целительница, кем ей быть ещё, тут же радостно затараторила:

— Приветствую тебя, о мудрая Вильяра, в доме Травников, в угодах Альди! Я — Талари. До посвящения в мудрые ты могла бы звать меня четвероюродной сестрой. Наши с тобою прабабушки... Ой, нет, после мы посчитаемся роднёй, а сейчас я скорее сообщу мудрому Альдире, что ты, наконец, очнулась. Он так ждал! Так ждал! Спрашивал и переспрашивал так часто, что у меня от безмолвной речи уже голова болит. Да ничего, для добрых вестей и головы не жалко!

Пока новоявленная родственница, закатив зрачки, общалась с Альдирой, мудрая изыскивала в себе колдовскую силу для «летучей песни». Увы, самый быстрый и действенный способ исцеления оказался ей сейчас недоступен. Слабыми, непослушными пальцами Вильяра нащупала повязку, туго охватившую тело. Попыталась пошевелиться — едва не взвыла в голос. Вспомнила, как резала сама себя, как прошёл нож. Скрипнула зубами, с трудом выровняла дыхание. Прикинула, как латала бы подобную рану на ком-нибудь другом. Пожалуй, мудрого она вытянула бы: мудрые — живучие. Охотник бы умер, наверняка. Что и как делали с ней самой, она не помнит и не вспомнит, её там уже почти не было.

Альдира ворвался в комнату с улыбкой до ушей. Кто бы подумал, что степенный, суровый колдун умеет так ярко и заразительно радоваться! Вильяра улыбнулась ему в ответ: пересохшие губы тут же потрескались и закровили. Она облизнула их и попросила пить. Безмолвной речью, так проще.

Мудрый переглянулся с целительницей, та утвердительно кивнула и подала ему посудину с длинным изогнутым носиком. Альдира присел рядом с Вильярой и осторожно, по капельке, стал её поить. Жажда требовала залпом выхлебать море, но знахаркина дочь сама знала, что нельзя. Судя по воспоминаниям и ощущениям, ей придётся заново учиться пить, есть и ходить. Но можно же всё-таки испробовать быстрый путь?

«Альдира, ты отнесёшь меня к Зачарованному Камню? Мне не хватает сил на «летучую», а времени разлёживаться — нет. И ты ещё зачем-то утащил меня из моих уголков...»

«Туда, где я совершенно уверен в целителях. Между прочим, к самой близкой твоей родне,» — продолжил её речь Альдира. — «Как же я рад, Вильяра, что ты, наконец, очнулась! Три дня мы все тут сомневались, выживешь ли ты.»

«Ты отнесёшь меня к Камню, Альдира?»

«Да, но чуть позже. Сначала мы с Талари споём над тобою пару песенок, а ты попробуй

потихоньку нам подпеть.»

Вильяра попробовала, и ей очень не понравилось то, что она при этом ощутила. Колдовская сила текла сквозь тело, не как всегда: непривычно и неправильно. Простые детские песни вроде бы действовали: утолили боль, уняли беспокойство, но...

Альдира с целительницей тоже заметили неладное. Судя по хмурым лицам и напряжённым взглядам друг на друга, они заспорили безмолвной речью.

— А вслух? — тихо, но решительно выразила своё недовольство Вильяра. — Что вы увидели на мне, кроме телесной раны?

Альдира поморщился, Талари развела руками:

— Мы не понимаем этого, о мудрая Вильяра.

— Твой Нимрин сильно напортачил, когда колдовал над тобой, — угрюмо добавил Альдира.

— Или другой Иули, умирая, слишком крепко заклил тебя на дурную смерть, — не согласилась с мудрым целительница.

Они ещё немного поспорили об искажениях ауры, Вильяра послушала их, а потом переспросила в третий раз:

— Альдира, ты отнесёшь меня к Камню? Я хочу спеть «летучую» и выздороветь. Хочу положить конец вашим спорам. Мне нужно домой, к Вилья. Кто там сейчас присматривает?

— Стира, — ответил мудрый. — Он присматривает за угожьями и готовит к посвящению твоего преем... то есть, твоего будущего напарника и ученика. Кузнеца, я не запомнил, как его покачто зовут.

«Покачто зовут», значит?! Говорить вслух было тяжело, безмолвной речью — тоже. Вильяра молча проглотила вопросы и возражения. Да, она при свидетелях назвала кузнеца Лембу своим преемником. Однако Вильярой Младшим, напарником и учеником, она его совершенно не представляет. Хотя... Нет, всё это нужно обдумать, обговорить и решить позже, во благовремение.

— А старый Латира... Он... Совсем сгинул?

— Когда твой Нимрин сделался Повелителем Теней, то призвал мудрого Латиру в полной силе и разуме. Но после песни Равновесия, воплощённые Тени ушли, и друг наш тоже не задержался в мире живых. Он обещал мне, если сможет, вернуть тебя со щуровых троп.

Вильяра улыбнулась, сквозь набегающие слёзы:

— Он, правда, помогал мне... А Нимрин? Ты говоришь, он спел песнь? А потом?

— Чужак не вышел из круга. Наритьяра вышел, а он — нет.

Странно: прежде из кругов выходили либо двое, либо никто. Но трёх раз мало для уверенности, что бывает только так. Альдира больше ничего не сказал ни о чужаке, ни о Наритьяре, ни о песни Равновесия, и в этом умолчании Вильяре померещилась какая-то неприятная тяжесть. Но на расспросы у неё сил не было. Она просто прикрыла глаза и послала зов своему воину. Нимрин не ответил, но и ледяной, смертной тяжести колдунья не ощутила. Не потому ли, что сама чуть жива?

— Альдира, послушай... Сколько раз мне тебя спрашивать? Отнесёшь меня?

Мудрый отвёл взгляд, тяжело вздохнул и признался:

— Прости Вильяра! Мне страшно брать тебя на руки. Ещё страшнее нести изнанкой сна. Я так боялся тебя потерять, что до сих пор все поджилки трясутся. Но нам надо идти, ты

права. Скажи, куда мне тебя лучше отнести?

— К любому Камню, куда ты легко найдёшь дорогу. Не надо пугаться из-за меня, о мудрый Альдира. Мне больше по сердцу твоя радость.

И всё-таки Альдира боялся, сомневался, хотя не мог докопаться до корня своих сомнений и страхов.

Молодая колдунья, воспитанница Латиры, задела его за живое с первого раза, как он заметил её. В беленькой северянке сошлись воедино черты, которые он ценил в женщинах, и всё, что он уважал, чем восхищался в сёстрах по служению. Опасное слово: сёстры. Урождённых сестёр братья не валяют по шкурам, это незаконно. Зато с сёстрами по служению не только на шкурах дозволено кувыряться. Их и в круг с собою зовут, чтобы принять больше колдовской силы. А сёстры, за тем же самым, зовут в круг своих братьев по служению. Все мудрые равны перед охотниками, равны перед стихиями, это закон. И та повадка, что заставляет охотника в миг опасности заслонять собою мать своих детей, уже не про них, не для них. Но и между мудрыми случается сердечная приязнь, когда рана друга или подруги кажется больнее своей. С Альдирой вдруг случилось такое: даром, что пока не уверен, взаимно ли?

Не так, ох, не так привести бы ему Вильяру к Зачарованному Камню! Привести бы её сюда весёлую и здоровую: за руку. А не на руках, когда каждый шаг отдаётся болью, одной на двоих.

— Положи меня здесь, Альдира, и подожди.

— Ты не пойдёшь в круг?

— Нет. Не сейчас.

Решение Вильяры разумно. Она слишком слаба телом, и Камень ей незнаком, и явились они сюда без должного почтения: изнанкой сна. Мудрый бережно опускает свою укутанную в шкуры ношу на снег, садится рядом, они вместе поют приветствие Камню. Вильярин голосок тих, словно шелест сухого былья, но поёт она складно, и Камню нравится.

Хотя, после песни Равновесия все Камни успокоились и стали щедры на силу. Альдира быстро задрёмывает, угревшись в тёплом и ровном потоке. Он устал, ужасно устал за три дня препирательств в Совете. Он многое не рассказал Вильяре: пусть сперва исцелится, потом узнает. Вновь избранный временный глава Совета Мудрых молча ждёт, отдыхает, копит силу впрок.

— Альдира, отойди в сторонку, я попробую спеть «летучую».

Мудрый вздрагивает, пробуждаясь от дрёмы. Тревожное предчувствие снова колет ему сердце, но рассудок, хоть разорвись, не замечает признаков опасности. Альдира встаёт, отходит на двадцать шагов, скрипя настом.

«Летучая песнь» коротка: миг — из кокона шкур взвивается белый сияющий вихрь. Столп снега и ветра пляшет по горе, разметая искристую пыль. Вильяра-вихрь почтительно, посолонь обходит Камень и тут же, озоруя, залепляет Альдире снегом глаза. Возвращается на прежнее место, чтобы вернуть себе двуногое обличье...

Вскрик: короткий и болезненный! Альдира метнулся к оседающему в снег телу. Пока добежал, колдунья сжалась в комочек, скуля от боли. Из-под повязок остро пахнуло свежей

кровью. Как? Почему? Альдира на миг растерялся, не понимая... Безмолвная речь Вильяры торопливо забила в висках:

«Альдира, скорее! Тащи меня к целителям. Рана от собственной руки, в круге Зачарованных Камней, нанесённая не по обряду. Я ранила себя, и снова ранила. Я дура! Как я не догадалась, что Летучая мне не поможет...»

— А я-то дурак! — хлопнул себя по лбу Альдира. Почему не вспомнил Зунгиру и кровь, капающую с его руки после каждой Летучей песни? Почему не подумал, что сборище бродячих алтарей в Пещере Совета сойдёт за настоящий круг? И не оправдывает Альдиру что сам он тех Камней не видел, а очнулся, когда они уже ушли...

Больше всего Альдира боялся не донести Вильяру живой. Боялся, что целители из дома Травников справятся с её раной хуже, чем Нимрин в прошлый раз. Зря боялся! В шесть рук они сделали лучше. А пел над нею мудрый сам. Тут уже не до страхов и сожалений: удержать бы. Удержал. И снова вынужден был уйти в Пещеру Совета, оставив раненую под присмотром Талари.

Вильяра ошиблась, жестоко ошиблась. Заплатила за ошибку новой болью и вновь пребывает нигде, никем. Снова слышит ласковый голос Пращура:

«Торопливая беляночка, быстро ты ко мне вернулась!»

«Я должна была сообразить, я — дура!» — отчаянно корит она себя.

«Ты умная девочка и сильная. Ты пострадала, зато сбросила отметины, что оставил на твоём теле выродок Тьмы. Теперь тебя лечат наилучшие целители из ныне живущих. Ты выжила. Ты встанешь на ноги и вернёшь свою силу.»

«Да! Только Летучую песнь я больше не пропою.»

«Это будет разумно — не петь её больше. Твоё служение станет сложнее, но тебе дадут младшего напарника. Ты сможешь посылать его туда, где опасно, где без Летучей никак не обойтись. Всё будет хорошо, беляночка.»

На взгляд мудрой, вовсе не хорошо... Но не со сказочным Пращуром же об этом спорить! Лучше она задаст ему вопрос: а вдруг, ответит?

«Пращур, о Пращур, говорят, ты знаешь всё, чего не знают даже Тени. Неужели нельзя изгладить эту рану с моей сущности? Чтобы я возвращалась из Летучей не с распоротым брюхом?»

«Зунгира мудрый так ничего и не придумал. Как однажды, сгоряча, порезал себе ладонь в круге, так и возвращается каждый раз.»

«Пращур, я знаю о Зунгире! Но царапина на ладони — не страшно. А моя рана смертельна без быстрой помощи. Нимрин спас меня в первый раз, Альдира во второй. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы я обошлась без третьего?»

«Ищи, беляночка! Если ты поймёшь, чем ещё, кроме тяжести, отличается твоя рана от раны Зунгиры, ты сделаешь первый шаг по пути исцеления. Вспомни хорошенечко, как ты себя ранила, это важно.»

Последнее, что Вильяре хотелось бы вспоминать: хоть наяву, хоть во сне, хоть в этом странном небытии! Нож в кулаке, судорожно стиснутые пальцы, чужая воля твёрдо ведёт её руку. Колдунья режет себя, отчётливо сознавая происходящее, отчаянно сопротивляясь — и безуспешно.

«Я слышала, что Зунгира решил угостить круг своей кровью: сам решил, сам сделал. А я ранила себя не по своей воле. Повелитель Теней подчинил и принудил меня. Это важно?»

«Ты умница, беляночка. Да, это и есть твоя разница с Зунгирой. Он всё сделал сам, поэтому стихии навсегда запомнили его таким, и ничего с этим поделать уже нельзя. Твою руку с ножом вела чужая воля, поэтому твою рану возможно исцелить. Если додумаешься, как. Если дерзнёшь. А сейчас спи, беляночка! Крепко спи, как должна ты спать под зельем глухого сна.»

Да, она помнит: целители дали ей это зелье. Тело и дух должны пребывать в покое безо всяких видений и голосов. Но если уж всё идёт наперекосяк...

«Пращур, о Пращур! А позволь мне спросить ещё. В старых сказках сказывают, будто давным-давно не только ты, а все хранители снов беседовали со сновидцами. Живые и умершие встречались на изнанке сна, слышали и понимали друг друга. Почему сейчас — иначе?»

В ответе ей мерещится вздох сожаления: «Им только казалось, будто они понимают друг друга. Эти встречи вредили и живым, и умершим. Первые мудрые, числом одиннадцать, провели черту со стороны живых, я — со стороны призраков и духов. С тех пор мёртвые молча хранят ваши сны от душекрадов и прочей погани, а живые не тревожат мёртвых, не зовут их. Это закон, беляночка. Спи! Спи крепко и сладко. Я дам тебе силы, чтобы твоя рана быстрее заживала. Ты нужна клану, твои Вилья ждут тебя. Спи! И ни во сне, ни наяву, никому не рассказывай о наших беседах.»

Альдира вернулся в дом Травников двое суток спустя и застал Вильяру уже на ногах. Талари медленно и осторожно водила раненую по комнате: расхаживала. Вильяра через шаг кривилась от боли и затейливо поминала щуров, но глаза её блестели ярко и живо, даже в ругани слышался задор. Больше никаких сомнений, что смертельная угроза миновала... Если колдунья снова не споёт Летучую.

Мудрый поморщился от досады, а больше — от воспоминаний. Как нёс Вильяру на руках и не знал, донесёт ли живой. Как пел над почти бездыханным, растерзанным и окровавленным телом, пока с ней возились целители. Оба раза вспомнил: первый — в Пещере Совета. И как тут, заодно, не вспомнить отчаянный взгляд и кривую ухмылку Повелителя Теней, последний разговор с чужаком Нимрином?

За пять дней, минувших с песни Равновесия, Нимрин так и не объявился. Наритьярэ вышел из круга сразу, и даже колдовской дар сохранил. Вышел, правда, слегка не в себе, но Нельмара поручился за ученика, что со временем это пройдёт. А пока ученик с учителем вместе куролесят в трактире Ласмы и Груны: то пляшут, то сказки сказывают, то роняют слёзы в похлёбку с марахской травой. Ласма грозитя вместо дурманных травок подсыпать им зелье глухого сна, уложить туши на салазки и оттащить в Пещеру Совета. Но пока только грозитя. Альдира тоже не торопит, хотя, по праву временного главы Совета, мог бы. Однако вновь избранный глава понимает: даже мудрым нужно время, чтобы переварить великую радость и великое горе. Всем нужна передышка, чтобы осознать перемены, привести в порядок дела кланов, выбрать замену погибшим и помощников живым, подготовить новых колдунов к посвящению... Альдира взвалил на себя такую гряду забот, что голова у него кругом. Однако пропавший Иули тревожит мудрого едва ли не больше всего остального. Похоже, в их с Латирой гадания и расчёты, в завещанное Тмисанарой понимание равновесия вкралась существенная ошибка. Мысли об этом не дают Альдире покоя. Тмисанара и Латира сгинули, значит, разбираться теперь ему.

Мудрый уверен, что жёлтый Камень не забрал жизнь чужака. После Великой песни круг спокойно раскрылся, и в нём не прибавилось новых Камней. Разогнав дурную молодёжь с дурными затеями, Альдира сам ходил в тот круг, пел и слушал. Нет, Нимрин не остался внутри, и не похоже, чтобы он застрял во временном сдвиге. Конечно, он мог войти в один круг, а выйти из другого, но что дальше? Те, кто искал, не нашли его. И стихии молчат о чужаке. И на безмолвную речь он не отзывается.

— О мудрая Вильяра, я счастлив видеть тебя восставшей с ложа болезни и слушать несравненные плетения слов из прекраснейших уст твоих! — приветствовал Альдира выздоравливающую колдунью.

— Какой сказитель наплевал тебе в рот, о мудрый Альдира, что ты так выражаешься? — ответила она ему, блеснув острыми клычками.

— На Ярмарке в твоих угодьях завёлся величайший сказитель! Сам хранитель знаний Нельмара! Вот мне в уши слегка и надуло. Но ты столь прекрасна, Вильяра, что я готов беседовать с тобою сказочным слогом — всегда.

— Брось, Альдира! Твой лучший друг, а мой наставник говорил, что мужчины от такого глупеют. Глава Совета не в праве туманить свой разум. Но я тоже рада видеть тебя, старший

брат по служению. Я ужасно скучаю. Я жду не дожусь, когда гостеприимные родственники сочтут меня достаточно здоровой, чтобы отпустить из-под своего присмотра в мои уголья.

Талари осторожно усадила больную на лежанку, помогла улечься и укрыться, сказала:

— Мудрая Вильяра, мы отпустим тебя не раньше, чем ты встанешь прямо и пойдёшь сама, без моей поддержки. Ты, конечно, мудрая. Но ты знахаркина дочь, значит, должна понимать, что к чему.

— Я понимаю, о Талари. Спасибо тебе! Ты не только помогаешь мне выздоравливать, но скрашиваешь мою скуку познавательными беседами. Ты, и твои сёстры, и братья. Я благодарна вам всем.

— Талари, пожалуйста, оставь нас наедине, — велел Альдира целительнице. — Нам нужно поговорить о делах мудрых.

Женщина помогла Вильяре поправить подушку, поклонилась и вышла.

— Что за дела, что нельзя говорить при непосвящённых? — спросила колдунья, разом настораживаясь.

— При посвящённых тоже нельзя, — уточнил Альдира. — Только между нами двоими.

— Я вся внимание, о мудрый Альдира!

— Вильяра, я знаю, с тех пор, как ты очнулась, ты беседуешь не только вслух и не только с Талари. Телом ты пребываешь здесь, а мыслью — в угольях своего клана. Ты убедила Стиру отсрочить посвящение кузнеца Лембы и призвала второго колдуна, которого отметил твой предшественник. Стира сейчас обучает их обоих и ещё двоих одарённых подростков. Наверняка ты переговорила с ними со всеми.

— Да, я говорила с ними, в этом нет тайны. Я пока слишком быстро устаю от безмолвной речи, но мне скучно. Я болтаю со многими охотниками своего клана и с некоторыми мудрыми. Что беспокоит тебя, о мудрый Альдира? О чём, по-твоему, мне нельзя говорить ни с кем, кроме тебя?

— Вильяра, скажи-ка мне, где бы ты искала своего Нимрина? Если б знала, что он жив и не покинул Голкья?

Зрочки Вильяры расширились, тревожно взблеснули:

— Альдира, ты же сказал мне, что Нимрин не вышел из круга!

— Амулеты, которые он зачаровал для нас, потеряли силу, поэтому сначала я решил, что он погиб.

— Но?

— Никто не видел его после песни Равновесия, однако из круга он, похоже, всё-таки вышел. Только никто не знает, куда. Ты пробовала звать его безмолвной речью?

— А ты?

— О истинная воспитанница старого прошмыги! — воскликнул Альдира. — Я пробовал. Глухая тишина, однако не холод.

— И у меня то же самое, — с видимой неохотой подтвердила Вильяра. — То есть, мне тоже кажется, что Нимрин жив и не покинул Голкья. Но на безмолвную речь он не отвечает.

— А как тебе показалось: он не отвечает или не слышит нас?

— Не знаю. Он не настолько искусен в мысленных беседах, чтобы закрываться нарочно. Возможно, у него совсем нет колдовской силы... А если вспомнить прошлые песни... Вот скажи-ка, Наритьяра Младший сохранил дар?

— Наритьяра — сохранил. Но возвращаюсь на старый след: где бы ты стала искать этого Иули? Если представить, что после песни он лишился дара и прячется?

— Ну, смотря, от кого и зачем он решил спрятаться. Сам подумай, Альдира, зачем ему таиться от меня или от тебя? После того, как мы клялись ему своими сердцами?

— Наша клятва имела срок: до песни Равновесия.

— Ну, я-то ему наобещала всякого ещё раньше. И до сих пор не исполнила. Ты знаешь, я рассказывала... То есть, я уверена, что Нимрину, если он в здравом уме, прятаться от меня незачем. А вот от тебя, Альдира... Даже мне пока не ясно, насколько прочна твоя власть в Совете? И чего ты, временный глава, взыскуешь для Голкья?

— Я взыскую мирной зимы и безбедной весны, плодородного лета и сытой осени. После двух буйных Наритьяр искать большего — рушить недоразрушенное. Год покажет, на что мы все годимся как хранители своих кланов, а я — как глава Совета. Справимся — сможем задуматься о большем: о чём мечтают старые сновидцы. Но не раньше, чем благополучно минует год.

— Мне по сердцу такие замыслы, Альдира, — улыбнулась колдунья. — Считаю, я опустила за тебя белый камушек.

— Я рад.

— А что ты собираешься делать с Нимрином, если найдёшь?

— Перво-наперво я возьму его под защиту, как певца Величайшей из песен. А после прослежу, чтобы он не слишком глубоко пустил у нас корни и поскорее отбыл домой.

Вильяра едва заметно поморщилась, но ничего не сказала и не спросила. Альдира повторил свой вопрос:

— Так где бы ты искала нашу пропажу?

— Да кто же знает, куда он мог забиться, если прячется ото всех двуногих! Я бы, на его месте, укрылась в древнем Доме Иули.

— То есть, в Пещере Совета? У нас под носом? Знаешь, Вильяра, мне даже в голову не приходило. А зря! Старый прошмыга точно бы спрятался именно там. В Доме Иули полно закоулков, куда мы обычно не забредаем. Где изначальные чары чужаков не перекрыты нашими. Возможно, для Нимрина там отворяются двери, которых мы даже не видим. Но после всего, что учинили Повелители Теней, мы зачаровываем Пещеру Совета заново. Если Нимрин там, мы его непременно найдём.

— Удачи в поисках, — вздохнула колдунья, она явно начала уставать от разговора.

— Вильяра, а если Нимрин не там, где ещё он может быть, как ты думаешь?

— Ну, например... В каком-нибудь из убежищ старого прошмыги.

— В логове при Ярмарке его нету, я проверял.

— Есть ещё одно логово, в истоках Кривого ручья. Мы со старым прятались там от Великого Безымянного. Ты знаешь, где оно?

— Знаю. Проверю... Есть ещё мысли?

Вильяра неприятно скривила губы:

— Старый говорил мне о всеведении Повелителя Теней. Спев песнь Равновесия, Нимрин его утратил, а вот память — вряд ли. Ты понимаешь, да? Ты ведь тоже ученик Тмисанары. Вряд ли я тебе ещё что-то новое подкажу. А мне пока тяжело подолгу говорить.

Колдунья прикрыла глаза — Альдиру по сердцу резануло, какая она осунувшаяся и бледная, до прозрачности. Лучше, чем была пять дней назад и позавчера, но всё ещё плоха... И мудрый наконец-то уловил, что не так с её аурой! Поверх теневых отметин, нанесённых вместе с раной, пролегли более свежие солнечные. Альдира впервые наблюдал существо, меченное Тенями и Солнцем одновременно. За то время, пока Вильяра болела, теневые

отметины ослабли, солнечные стали ярче. Престранно само по себе, а особенно, после песни Равновесия. Не должно сейчас быть такого! Ни с кем на Голкья!

— Мудрая Вильяра, прости, что утомил, а не порадовал тебя беседой. Сейчас я позову Талари и оставлю вас.

Вильяра блеснула глазами из-под ресниц, улыбнулась мимолётно:

— Я буду рада видеть и слышать тебя снова, о мудрый Альдира. Пожалуйста, приходи, когда сможешь. Из твоих уст любые новости — хорошие.

На прощание он спел песнь: поделился силой. А в коридоре остановил Талари и долго расспрашивал о состоянии раненой и о ходе лечения. Целительница дала ему некоторую пищу для размышлений, но не успокоила.

— ...и покрылся он язвами с головы до ног, и сошло с него трижды три кожи, откуда отросла новая, не осквернённая Тенями...

Тунья слушает старого Зуни и удручённо кивает. Сказки о четырёх жизнях мудрого Канрары памятливы охотнице с детства, но Тунья прежде не задумывалась, что скрывается за ладно составленными словами. Как это выглядит воочию и, хуже того, как оно пахнет! Куртку, одолженную Нимрину, и все шкуры с его лежанки придётся сжечь, да и щур с ними. А вот каково, на самом деле, двуногому, с которого заживо облазят девять кож...

Умаявшаяся охотница проспала остаток ночи неожиданно глухо и крепко, а наутро заполошно подскочила. Спросонок ей померещилось, будто гость помер и протух... Нет, не помер: дышит. Возможно, помирает, кто ж его поймёт, чужака! Однако услышал, что охотница встала — попросил воды. Руки поднять не смог, поила его сама. А ведь пришёл в дом на своих двоих, да не пришёл — прибежал, наперегонки с ветром. А теперь лежит, шевельнуться не может, и будто гниёт заживо. Тунья глянула — хоть не из робких, а перепугалась. Сразу позвала Зуни: безмолвной речью, чтобы не терять время и не всполошить домашних беготней по коридорам. Старик объявился быстро. Посмотрел, сморщил нос и затащил сказку о четвёртой жизни Канрары, бывшего Повелителя Теней.

— ...и пока он болел, не помогали ему никакие снадобья, ни даже песни мудрых. А когда выздоровел, стихии больше не слушали его...

— Я помню эту сказку, Зуни. Канрара не смог оставаться хранителем клана, поэтому Канра посвятили нового мудрого, а прежний назвал себя охотничьим именем и до конца жизни скитался по Голкья. Иные сказывают, будто он сохранил дар сновидца и не помер через несколько лет, а ушёл на ту сторону звёзд. Я помню сказку, Зуни. Но что делать нам здесь и сейчас? Ты, Зуни, понимаешь, что нам вот с этим вот делать?

Старый охотник дёрнул ушами, задумчиво почесал лоб.

— Тунья, а неужели, ты ещё не послала зов Лембе? Знаю, ты недолюбливаешь мысленную речь, но твой муж, мой внук — пока ещё глава дома. Он принёс сюда чужака в первый раз, ему и решать, как поступить теперь. Хотя, по-моему, решать тут особо нечего: поить, кормить, и пусть отлёживается.

Внезапно подал голос тот, о ком они говорили. Прохрипел едва слышно:

— Тунья, Зуни, пожалуйста, спрячьте меня. Ото всех. Меня ищут, чтобы убить. Мудрые ищут. Лемба сейчас с мудрыми. Не сообщайте ему. Обождите несколько дней. Пока начну поправляться. Или наоборот.

— Поздно будет сообщать, когда ты померёшь и мы скинем твой труп с навозный

колодец, — ответил чужаку Зуни. — Зверям-то я такую отраву не дам.

— Нимрин, а может, не все мудрые желают твоей смерти? Может, есть кто-нибудь, кто поможет тебе легче переболеть и поскорее выздороветь? — спросила Тунья, в надежде сбросить с себя ответственность за больного чужака. Пусть, Канраре в сказках ничто не помогало, но мало ли?

— Вильяра. Когда вернётся. Ей скажите. От других спрячьте. Пожалуйста.

Тунья переглядывается с Зуни. Возможно, сейчас чужак бредит, однако, ночной уговор был именно таков: спрятать его и держать в тайне его присутствие в доме.

«Зуни, я пообещала Нимрину...»

— Ладно, гость, будь по-твоему, — говорит Зуни. — Мы с Туньей обождём беспокоить Лембу. У внука и так многовато забот. Два дня тебе сроку... Ладно, три. Покажи нам, что ты поправляешься, а недохнешь.

— Договорились. Покажу. Поправлюсь.

Он цедит слова сквозь чёрные, распухшие губы, не открывая глаз. Из-под век сочится что-то бурое: то ли слёзы, то ли сукровица, всё лицо в волдырях. Тунье хочется спросить, мол сам-то себе веришь? Но кажется, он верит. По крайней мере, надеется.

Ромига плох, очень плох. Попади он к эрли, мигом накропали бы десяток статей и пару трактатов об уникальном медицинском казусе. Поверхностные повреждения Светом — полбеда: в организме нава напрочь выгорели ткани, проводящие и запасующие магическую энергию. Он ощутил, осознал утрату, но ещё не понял, диагноз это или приговор? Как пойдёт регенерация, и пойдёт ли? Он вслушивается в себя: ищет малейшие поводы для надежды, гонит прочь тоску и ужас. Смерть близко, а ещё ближе тот незримый, кто беседовал с Ромигой в круге. Теперь *он* помалкивает, смотрит. И посылает сновидения, из-за которых нав бодрствует, пока это в его силах.

Ромига печалился, что на Голкья перестал видеть сны? Ну, на тебе, пожалуйста! Первая Война глазами проигравшей стороны: в красках и звуках, во всей полноте ощущений и чувств.

Тот, кто делится с Ромигой воспоминаниями — или рисует для него картины — был тогда молод, горяч и наивен, отчаянно любопытен, радостно открыт миру. Светлый выродок любил и был любим. Он потерял... Наверное, всех. Ромига понимает, что в своём нынешнем состоянии не выдержит долгой бессонницы, и загородиться от врага ему нечем. Значит, его ждут подробности: много-много тошнотворных подробностей чужой жизни и чужих смертей. Ромигины предки убивали светлых тварей с размахом и выдумкой, те не оставались в долгу. Светлые как бы не понимали, за что их так? Снова и снова пытались договориться, надеялись на компромисс... Какой компромисс с теми, кто разрушил родной мир Нави!? Только уничтожение! Тьма забрала себе Землю, но ничего не забыла, не простила. Ромига вырос на этом... А молоденький асур жил себе счастливо! Слыхом не слыхал ни о каких навах, пока те не ворвались из ниоткуда в его прекрасный, уютный мир, не начали жечь, резать, подвергать его сородичей жесточайшим пыткам и казням. Кто бы ни ударил первым в Первой Войне, асура никто не спрашивал, желает ли он в эти жернова. Он не желал! Однако вырос в одного из тех врагов, кого навы искренне чтит красивой смертью. И стал одним из немногих, кому хватило могущества — выжить, хитрости — скрыться. Каким ветром недобитого асура занесло на Голкья? Ромига не уверен, что хочет это знать, а главное, не понимает, зачем Светлый вылез из схрона? Зачем полощет мозги мимохожему наву? Поймать бы гада и упокоить!

«Да, маленький нав. Хорошая тебе задача на вырост. Сейчас-то ты и муху не убьёшь. Лежи, выздоравливай, спи.»

Сознание уплывает, Ромиге мерещится, будто его укачивают на гигантских ладонях: одна огненная, вторая — ледяная, обе обжигают... Недолго обжигают, и боль, принесённая из светлого круга, слабеет, отпускает его... Чтобы не отвлекался от видений Первой Войны!

Нет, если сохранить островок бодрствующего сознания и помнить, кто он на самом деле... Зная, что всё это происходит не с ним, не с навом Ромигой, можно восхищаться доблестью предков и наслаждаться мучениями врагов.

Доблести и мучений вдоволь: с обеих сторон. Когда трупы обгорают до состояния головешек, уже не различишь, кем они были при жизни. А кто там, ещё живой, ступает по опалённой земле под багровеющим небом, откуда сыплется пепел? Кто вдыхает гарь и плотает слёзы? Чьё тело обжигает жар недавнего сражения, где не было уцелевших? Из чьего сердца ледяной сквозняк выдувает остатки тепла?.. Тебе же знакомо это ощущение близких

смертей? Знакомо? Знакомо... Воинов, сожжённых драконьим и магическим огнём, всё-таки можно опознать: по остаткам оружия в руках. Над тотальным, бескомпромиссным взаимоистреблением — ненависть, ненависть, ненависть. Он — кто он? — прошёл путь от удивления, растерянности, горькой обиды до столь рафинированной ненависти... Любой гипербореец лопнет от зависти... Кому? Да не Ромиге же — тому асуру! Ромига почти выпутывается из видений, отчётливо понимая: его собственная генетическая ненависть к светлым ничтожна рядом с лично выстраданной врагом. Вопрос, почему асур до сих пор не убил нава, зачем показывает ему всё это? Нет, правда, не для того же, чтобы пробудить чувство вины за деяния Нави? Глупо, слишком наивно даже для спятившего робинзона...

Новые видения: навь пытаются и убивают асурских детей, асуры сами убивают своих детей, чтобы те не попали в руки навов. Чужая безнадёга пробирает до печёнок, чего уж там! Но Ромиге не жаль слабаков: лучше б дали своим отпрыскам в руки оружие и встали с ними плечом к плечу, до конца... Как не умеют? Что значит, не хотят умирать в бою?

Но здешний асур не из таких: ему-то было не занимать мужества! Он сражался. Он сознательно растил и пестовал свою ненависть, чтобы стать совершенным орудием возмездия.

О победе в войне речи не идёт, война проиграна, но уцелевшие жаждут реванша. Чужими руками: своих слишком мало. Разведчики разбредаются по Внешним Мирам, чтобы подготовить армию вторжения из каких-нибудь непросветлённых. По большому счёту, асурам всё равно, кто именно сметёт Навскую Империю, как навь смели их самих. Разведчики готовы экспериментировать и повторять свои попытки, пока не добьются успеха...

Ромига слышит: его зовут, теребят, просят очнуться. Он глотает воду и тёплый бульон, шепчет слова благодарности. Охотники заботятся о нём, как могут. Никто не является, чтобы добить беспомощного. Но, Тьма прародительница, как же Ромиге надоело умирать! Который уже раз? Четвёртый — за одну местную луну? Не многовато ли? Ромиге надоело умирать, но пока не надоело жить. Даже так, как сейчас, не надоело: он всё ещё надеется на лучшее.

Одобрительный взгляд из ниоткуда. Снова две ладони: ледяная и огненная. Сон, которому невозможно противиться.

Асурский разведчик явился на Голкья с чётко поставленной задачей, она же отныне цель его существования. С первого взгляда он ужаснулся, в какую дыру его занесло, но тем лучше! Тем привлекательнее покажется местным жителям совершенный мир Земля! Осталось соблазнить их новым, тёплым домом и подготовить к войне.

Асур не просто накинул морок: он влез в охотничью шкуру, начал познавать охотничью жизнь, охотничью магию изнутри. И вдруг узнал, что дикие твари, живущие в пещерах, не чужды истинного Света! Тут же, с отвращением, обнаружил: Тьма им тоже не чужда. Они жалуют все стихии, обращаясь к тем или другим по мере необходимости. Потрясающий магический потенциал! Пока слабо раскрытый: из-за примитивных мозгов и короткой жизни их тел, из-за несовершенства магической школы и недостатка энергии. Но какие-никакие Источники эти мохнатые недоразумения себе уже сотворили — и пользуются! Как разведчику ни увлечься, изучая, чего они тут нагородили, спасаясь от ежегодной климатической катастрофы? Весеннее буйство стихий даже бывалого асура

впечатлило!

И мало того, что орбита Голкья подобаает какой-нибудь комете, а не солидному обитаемому миру. Так по законам небесной механики, и та орбита — нестабильна. Голкья должна всё ближе подходить к своему светилу летом и всё сильнее удаляться зимой. Сдует атмосферу солнечным ветром, выжжет в перигелии, выморозит в афелии, или раньше саму планету разорвёт приливными волнами? Когда асур явился сюда, даже умнейшие из охотников не догадывались, что их мир гибнет: медленно, но верно. Тем поразительнее, как неосознанные усилия кучки слабеньких колдунов исподволь меняли мировые константы, сохраняя Голкья пригодной для жизни: дольше, много дольше отпущенного природой срока.

Танец на острие иглы не может длиться вечно, особенно, если подтолкнуть танцора. Разведчик быстро всё рассчитал. Он решил, что именно послужит толчком — и, заодно, поводом для экспансии новой озлобленной, обездоленной орды на Землю. А пока он изучал обречённый мир, всё прочнее вращаясь в камень и лёд, всё сильнее проникаясь симпатией к объекту изучения. Конечно, он не только наблюдал: у него задача, она же — смысл существования. Он тихо и незаметно учил лучших охотничьих колдунов тому, без чего им не одолеть Навь. Тому, до чего они сами и через тысячи лет вряд ли додумаются. Они впитывали его науку, а потом — он! — применяли её так, как не приходило в голову самому асуру. Вплетали новые коленца в свой заворазживающий танец равновесия, уже отчасти соображая, что и зачем делают. С некоторыми, особо избранными, разведчик начал вести беседы: наяву, из-под разных личин, или в снах. Однако идея поисков нового дома, которую асур старался внедрить в их недалёкие умы, понимания не встречала. Он был терпелив: придёт время — дозреют сами... Текли года, сливаясь в тысячелетия, асур мог позволить себе долгое ожидание.

Весной, летом и осенью жизнь на Голкья кипит, зимой — замирает, впадает в спячку. Эти бесконечные зимы подарили разведчику слишком много времени для воспоминаний и размышлений. Планируя новую войну, он не мог отделаться от мыслей о Первой: об её начале. Как и все светлые, разведчик жил с уверенностью, что ненавистные навь сами уничтожили свою родину, неосторожно заигрывая с магией Тьмы, а после выдумали повод для нападения на асурскую Землю. Но сидя на Голкья, асур узнал о нестабильных мирах больше кого бы то ни было, и все известные ему факты перестали сходиться в стройную картину.

Перестали! Теперь, как ни старайся, не развидишь аргументы «за» версию проклятого Ярги: мир Нави пал от внешнего толчка. А ещё были пророчества, обещавшие победу обеим сторонам! Были, были...

Крошечное солнце середины зимы карабкается на промороженный небосвод, не в силах согнать с него другие звёзды. Вера в основополагающую истину Света не в силах потеснить сомнения одинокого разведчика. Если его догадка верна, кто-то из очень могущественных асуров обезумел и разворошил «осиное гнездо», заслужив, по делам, проклятие от своего народа и наихудшую навскую казнь. Или же Свет и Тьму стравил некто, властный не только над равновесием миров, но над пророчествами и оракулами? Кто? Кого, на самом деле, следует ненавидеть и мстить? Тёмных выроdkов асур ненавидит за жестокость и просто за то, что они существуют. Но развязавший Первую войну — ненавистнее, кем бы он ни был! Долгая зима дарит асуру время на размышления, но не даёт новых фактов: их довольно для сомнений, недостаточно для уверенности...

Зато по весне размышлять некогда, и это хорошо!

А однажды летом произошло то, чего асурский разведчик долго и терпеливо ждал. Открылся портал Большой Дороги, из него горделиво шагнули посланцы Великой Империи Навь. Вот и всё: мир-танцор зашатался на острие иглы, отсчёт пошёл.

Даже присутствие одинокого асура влияло на равновесие стихий Голкья. Но асур ступил на мёрзлый камень легчайшей поступью разведчика. А когда разобрался, что представляет собой Голкья, превзошёл себя в осторожности. Мир почти безболезненно обрёл новую точку баланса.

Навы ввалились сюда по-хозяйски и ни в чём себе не отказывали. К тому же, их было много. Они возводили имперский форпост на берегу Великого Северного моря, в одной из ключевых энергетических точек. Они вносили возмущения сами по себе, да ещё асур нарочно постарался, готовя нестабильный мир к их приходу.

Охотники затаились, наблюдая за незваными гостями: слухи об уничтожении Барна-Гу долетели даже в эту глушь, было чего опасаться.

Асур не боялся, что его самого, его убежище или следы его пребывания враги обнаружат. Его слишком хорошо учили! Если бы он возжелал чёрной крови, ему ничего не стоило спровоцировать мелкую заваруху и прихлопнуть нава-другого-третьего. Но пока это противоречило его задаче. По расчёту, охотники должны были относительно мирно стать вассалами Нави, присмотреться, освоиться. Лишь позднее, обнаружив, что тёмные испоганили их дом своим тлетворным присутствием, убедившись, что это необратимо, разозлившись всерьёз...

Миролюбивое здравомыслие охотничьих колдунов и вождей даже слегка разочаровало асура: он-то намеревался сдерживать своих подопечных. К концу осени навь беспрепятственно отстроили форпост и отбыли домой: терпеть «прелести» местной зимовки желающих не нашлось. Тёмные обещали-грозили вернуться в конце весны, однако дома их ждал сюрприз. Солнце Голкья ещё не начало расти, когда на Земле грянул молниеносный людский мятеж. Да, на крах ненавистной Империи Тьмы работал не единственный асурский разведчик, и не только на Голкья!

Обрадовался ли асур успешному завершению их общей миссии? Позавидовал ли товарищам, которые справились с задачей первыми? Увы, его чувства оказались ближе к горю и ненависти! Удача других лишила его существование дальнейшего смысла. Он зря провёл бессчётные года на промороженной каменюке, в одиночестве и мучительных сомнениях. А самое главное, самое гнусное: он зря так старательно подкапывал стены чужого дома. Прежде он оправдывал себя тем, что толкает охотников на путь к лучшему: к совершенному миру Земля. Теперь оправдания у него не осталось.

Пока люди делили Землю с другими бывшими вассалами Нави, лазутчики с Голкья тоже сходили, оценили новые угодья. Увы, на Земле им не понравилось! Былые непросветлённые изрядно поднаторели в практике и теории магии, сочинили достаточно умных слов, чтобы убийственно внятно объяснить, что им там не так. Да, совершенный мир готов принять всех, но выставляет свои условия, а они не желают становиться детьми одной стихии: камня или льда. Они не желают обужать себя, становиться односторонними. К тому же, на Земле слишком жарко, а где достаточно холодно — совсем не бывает лета. Селиться в таких угодьях — нету дураков, а уж сражаться за них с кучей других желающих...

Да, охотники многому научились, но первых признаков надвигающейся катастрофы они не чувляли. Лишь асур видел, что задуманное ему удаётся, и то исключительно потому, что

знал, куда смотреть. Гибель Голкья не будет мгновенной, этому миру суждена долгая агония. У обитателей мёрзлого камня будет время подыскать себе новый дом, по вкусу. А прижмёт их по-настоящему — перестанут привередничать: совершенный мир им, видите ли, оказался нехорош! Или, вдруг, превзойдут себя и вернут к равновесию этот? Асуру даже стало любопытно, возможно ли такое, в принципе? Так или иначе, его миссия на Голкья завершена, ему пора уходить.

Целый год он собирался к своим, но не тронулся с места. Все, кто мог ждать его дома, ради кого стоило бы возвращаться, сгинули в Первой войне. Он думал, боль утихла за тысячи лет? Нет, он просто спрятался от боли за тем, что посчитал исполнением долга. Задача? Смысл существования? Разносить Первую войну по мирам, будто смертельную заразу? Он так и не вычислил, кто начал ту войну: кто сжёг с места навов. Зато он прекрасно знает, кто творит то же самое с охотниками! Ах, равновесие Голкья нарушили тёмные со своим форпостом, а не асурский разведчик? И кого он пытается обмануть?

Ненависть! Он обратил её на себя, как поворачивают меч остриём к себе. Да, он не лучше того неизвестного, кто развязал войну, не лучше проклятых навов! Зря он не умер ещё тогда, когда любил и был любим. Тому, чьё сердце выгорело дотла, легче лёгкого убить себя, завершить бессмысленное существование. Но уходить, не прибрав за собою, и не попытавшись отомстить истинному виновнику всех бед? Для этого он слишком горд, он остаётся.

Новый смысл обретён... И две задачи, которые, очевидно, противоречат друг другу. Прибирать за собой следует там, где нагадил: на Голкья. А чтобы вытащить на свет и покарать зачинателя войны, нужно вернуться домой. Каждая задача выглядит почти невыполнимой: стабилизация нестабильного мира и охота на кого-то очень могущественного. С чего начинать? Тому, кто смертельно устал от разрушения, проще продолжать в том же духе, но правильнее — на некоторое время обратиться к созиданию.

Асур решил задержаться на мёрзлом камне. Конечно, ломать было проще, чем строить. Несколько лет он потратил на наблюдения и эксперименты. К счастью, мир рушился медленно, медленнее расчётного, и пока не прошёл точку невозврата. Асур разобрался... Жаль, приступить ко второй задаче ему, похоже, не суждено. Вряд ли он переживёт то, к чему приговорил себя — во исполнение первой.

Солнце в зените. Блеск клинка, обращённого остриём к себе...

— Нимрин! Нимрин, очнись! Ну что же ты? Обещал поправиться за три дня, а сам-то? Пятый день лежишь камнем.

Первое, что понимает Ромига: голос не принадлежит Тунье или Зуни, это плохо. Но кажется знакомым, это хорошо.

— Рыньи?

— Нимрин, ты слышишь меня? Ты меня узнал? Нимрин, открой глаза, пожалуйста!

Разлеплять веки по-настоящему страшно, но пора. Открыть глаза, проморгаться... Нет, хотя бы, дневное зрение не отказало, это радует.

Рыньи тараторит, делится новостями:

— Мудрый Стира и мастер Лемба в доме, тётка пока не сказала им, что ты здесь. Но я-то тебя нашёл по запаху. Сначала понять не мог, что протухло в тёткиных покоях, потом вспомнил, как вынимал из тебя каменные занозы. Здоровый-то ты почти не пахнешь. Поправляйся уже, скорее, а?

— Стира и Лемба? Рыньи, ты знаешь, зачем они здесь?

— Мастер показывает мудрому свою кузницу и свои рисунки. А ещё сегодня соседки приехали, с мужьями. Зуни с Туньей и Аю угощают их в праздничной зале. А меня за тобой смотреть посадили, раз уж я всё равно про тебя догадался. Вообще-то, не только я: все поварята знают, что тётка таскает кому-то жидкий взвар. Ты бы уже поел мяса? Я принёс немножко, попробуй, оно совсем мягкое!

Мягкое. Вкусное. Аппетит пробуждается во время еды. Тело кое-как регенерирует, ему нужно. А вот нужно ли самому Ромиге? Когда асур хранит жизнь нава, это очень дурная примета: узники Купола — свидетели. Не следует ли наву умереть, чтобы избежать худшего? Или светлая погань отравила его своей личной самоубийственной безнадёгой? Чужие потери болят, чужое отчаяние рвёт сердце, чужие слёзы катятся из глаз. Весь Ромигин опыт работы с чужими воспоминаниями помогает плохо: не хватает сил отстраниться, отфильтровать информацию, а слишком яркие картинки и не свои эмоции — выкинуть.

— Нимрин, тебе очень больно, да? Тётка залепила самые глубокие язвы паутинным шёлком. И сделала подстилку из морского мха, мы скоро поменяем ещё раз...

— Спасибо ей. И тебе, Рыньи, тоже спасибо. У меня не столько шкура болит. Внутри. Но я надеюсь, пройдёт.

Мальчишка смотрит: весь сочувствие и любопытство. Как ни худо Ромиге, а он рад, что рядом — благожелательно настроенный разумный. А проклятуций асур просидел на Голкья тысячи лет, но до сих пор взирает на охотников свысока. Закуклился в своём ледяном одиночестве, чтобы случайно не проникнуться нуждами и бедами «расходного материала»? Губил, губил мир, согласно плану, потом вдруг решил спасти? Что из навязанных Ромиге видений — правда, что — полуправда, что — полнейшая ложь?

Самая невероятная сенсация — асур своим умом дошёл до того, что навь знали всегда: что их родину уничтожил кто-то из светлых. Навь до сих пор не видят причин сомневаться в свидетельстве Ярги, хотя позже Легенда кое в чём бывал сильно не прав. Ромига унаследовал боль той единственной в истории Нави братоубийственной междоусобицы. И потому ужас осознания, постигший асура, ему, отчасти, понятен. Асур усомнился в ком-то из чтимых своих — Свет ему показался тёмным. Начал отгораживаться от знания, как вожди подставили свой народ — выдумал третью силу, которая стравила Тьму со Светом. Что за сила? Что за выгоду обрела она в Первой Войне? Этого асур не сумел сочинить даже за тысячи лет одиночества, воображения не хватило. Вернулся бы на Землю, поучился фантазии у человеческих конспирологов!

Но он не вернулся, он до сих пор торчит здесь, потому что, якобы, решил починить сломанное им на Гокья. Хранитель равновесия, разлюби его Свет! А морозный мир как колбасило, так и колбасит! Вся эта чехарда с Солнечными Владыками и Повелителями Теней, в которой Ромига принял посильное — нет, увы, непосильное — участие. Ведь поломался же так, что... Может, не только магию утратил, а умом тронулся? Может, нету на Голкья никакого асура, только бред и глюки одного, сильно покалеченного нава? Уж сомневаться, так сомневаться: во всём! Ставить вопросы, искать факты и доказательства. Даже, вероятно, не одному наву их теперь искать.

— Рыньи, скажи, что с мудрой Вильярой? Она выздоровела?

— Вряд ли. У нас пока мудрый Стира за хранителя. А мастера Лембу посвящать собираются. Тётка из-за этого злющая, как дикая стая!

Ромига слушает свежайшие новости дома Кузнеца и окрестностей. Рыньи болтает,

перескакивая с одного на другое. Про соседей у Синего фиорда, про своих любимых шерстолапов, снова про соседей, про большую охоту, на которую подростка обещали взять...

«Нав, тебе, правда, любопытна эта муравьиная возня? Ты же был Повелителем Теней. Недолго, но был. Тебе открылись величайшие тайны этого мира. Если твоя память — не в чёрных дырах, и ты чуточку разумнее твоего предшественника Онги, ты без труда отыщешь мой след на камне.»

Разумнее, или нет? Ромига потом обязательно поищет следы. А пока он задаёт собеседнику — или своей галлюцинации — очень простой, но любопытный вопрос: «Скажи, асур, почему мы с тобой слышим друг друга без магии?»

«Без твоей магии, нав. А я — я просто держу тебя в ладонях. Я оказываю тебе эту неслыханную честь, как певцу песни Равновесия. Ты согласился петь её по доброй воле. И ты не долбил Камень боевыми арканами до полного истощения и смерти — твоей смерти. Ты сумел войти в светлый круг. Я вижу в этом признаки вменяемости, не характерные для порождений Тьмы. Вдруг, мы сумеем договориться с тобой по-хорошему? Избежим лишней суеты и риска?»

«Риска — для кого?»

«Для Голкья, во-первых. Тебе же нравятся этот мир, нравятся охотники? Ты желаешь им жизни, а не гибели?»

«Ну, допустим. А во-вторых, в-третьих, в-четвёртых?»

«А во-вторых, если ты согласишься на моё предложение, ты сам обойдёшься без лишних унижений и боли. И даже получишь надежду остаться в живых, когда всё закончится.»

«Что — закончится?»

«Наше с тобой жертвоприношение.»

Озарённый солнцем чертог, хрустальный или ледяной, где-то выше облаков. Камень-алтарь: Ромига повидал их достаточно, чтобы не обознаться. Тело на алтаре — совершенное, прекрасное до тошноты. Ромига никогда не видал асуров, но сию невообразимую красу ни с чем не перепутаешь! Тело не привязано ремнями, свободно лежит на спине. Руки сжаты на рукояти кинжала, клинок — в сердце: у светлых тварей оно чуточку не там, где у прочих созданий Спящего. Лицо с закрытыми глазами спокойно, словно лик статуи. Враг не шевелится и не дышит, но считать его мёртвым преждевременно...

Вместо сияющего чертога — пещера, Дом Теней. Нав на алтаре: в том же виде, что асур. «Вот так это должно быть. Никакой кастрации, обсидиановой пыли, потрохов наружу. Ведьма была очень зла на Онгу и сильно перестаралась. Потому жизни Онги не хватило до истинного равновесия. А следующий нав сбежал. Ты должен занять это место, Ромига. Ты согласен?»

Кажется, Ромига никого ещё так далеко и заковыристо не посылал! Но все кактусы навского красноречия отцвели впустую.

Дослушав, асур спокойно сказал: «У тебя будет достаточно времени на проверку фактов и на размышления. Всё равно ты пока ни на что не годишься, нав. Твой алтарь не придёт к тебе, пока ты не восстановишься полностью. Но если я не получу от тебя согласия, ты рискуешь внезапно оказаться в положении Онги. А в-третьих, в-четвёртых, в-пятых, при этом пострадают твои знакомые охотники. Думай же. Решай.»

Ромига не ответил ни «нет», ни «да», ни «подумаю», ни «пошёл ты!» Собеседник тоже умолк и больше не давил взглядом, не качал на ладонях, не подсовывал видений. Карты

раскрыты, разговор окончен? Ромига попал на излюбленный приём комиссара Сантьяги, когда противнику вежливо предлагают нечто неприемлемое, выслушивают отказ — или оторопелое молчание, а потом насильно загоняют туда, куда не согласился идти по доброй воле? Вот уж не ждал, что угораздит оказаться по другую сторону подобного расклада!

Звери терпеть не могут ходить к Зачарованным Камням, но ездовых никто не спрашивает. Их дело — слушать погонщика. Талари правит твёрдой рукой, а мудрая Вильяра, лёжа на санях, ещё и песенку поёт, чтобы бодрее им всем бежалось вверх по тропе.

Как же Вильяра хочет сама встать на лыжи! По дому-то она уже ковыляет без посторонней помощи, однако подъём на Рыбью гору — не для хвороб и подранков. А мудрой нужно к Зачарованным Камням, очень нужно! Пусть, Летучая больше не для неё, но и целительские песни лучше действуют в кругу, в полноте силы. Вильяра войдёт в круг больной и слабой, а выйдет уже почти здоровой. Достаточно здоровой, чтобы вернуться к своему клану. Пора! Целители мастерски зашили рану, помогли колдунье восстановиться телесно, а дальше недоумевают и помочь ей ничем не могут. Напускают уверенный вид, но знахаркину дочь не обманешь. Она послала зов Альдире, он обещал при встрече разъяснить ей всё, что понимает сам. И тут же — пошутил или нет — предложил временное ученичество. Иначе, мол, не разберёшься, очень уж издалека надо заходить: от мирового равновесия. Вообще, сказал, учись-ка ты, Вильяра, премудростям старейших. Ты умная, ты вместишь! Вильяру редко хвалили за ум, чаще за яркий дар, бойкий нрав и девичью красу. Один Латира ценил... «Эх, старый! А ведь я помню, как ты говорил: колдуны берутся за ум лишь тогда, когда теряют силу. Часто повторял, пересказывая слова своего учителя. А учитель-то у вас с Альдирой — общий. Значит, мне пора браться за ум, потому что...» Нет, знахаркина дочь никогда не страдала мнительностью! Но сейчас голкья уходит из-под ног. Только-только Вильяра освоилась после посвящения и ученичества, едва привыкла быть сильной...

Талари рассказала, здешний Камень был осквернён рождением Тени, но после песни Равновесия мудрый Альдира проверил его и признал очищенным. Великая радость для всего дома Травников: до соседнего Зачарованного Камня — день пути в хорошую погоду. И свой-то поставлен далековато от жилых пещер, но охотники, травники, целители давно привыкли. Вон какая натоптанная, наезженная тропа в гору: что твой тракт. Дом большой, одарённых много, колдуют часто. Очень умело колдуют, с умом и пониманием! Знахаркина дочь нашла, чему здесь поучиться. Ей и радостно, что дальний отросток материнского рода обильно плодоносит в угодьях Альди. И досадно, что в клане Вилья родни почти не осталось, а кто остался — не дружны между собой. Нет, Вильяра обязательно возродит в своих угодьях целительский дом! Или такой дом уже нечаянно возродился: у Синего фиорда? Сестрицы Даруна и Нгуна знают толк в излечении болезней и ран, а бывшие беззаконники — колдуны, все до единого. Вот только пригляд за ними нужен! Пока перебродит в их головах дурная закваска от Наритьяр... Ох, скорее, скорее надо хранительнице Вилья поправляться и возвращаться домой!

Талари останавливает сани в отдалении от Камня, помогает Вильяре подняться на ноги. Мудрая благодарит за помощь и просит не провожать её. Две колдуньи обмениваются испытующими взглядами, целительница склоняет голову в знак согласия. Погода хороша, наст твёрдый. Вильяра стоит уже почти ровно: подрезанные мышцы зажили достаточно, чтобы держать тело. Она прямит спину, дышит, собирает внимание для знакомства с Зачарованным Камнем.

В прошлый раз, когда Вильяра так неудачно спела «летучую», Альдира носил её в

другое место. Это им всем повезло, а то кровь из открывшейся раны пролилась не на Камень, но близко...

Первый шаг: под приветственную песнь. Вильяра неторопливо, плавно ступает навстречу току силы, тёплому и мощному. Шаг, ещё шаг... С последним звуком песни её ладони привычно ложатся на шершавую поверхность Камня: «Откройся!»

...И ничего! Зачарованный Камень не оттолкнул колдунью, не обжёт её гневным отказом, но и не стал вратами в круг. Вильяра приникла к иссиня-серой глыбе, ровно и неизменно источающей силу: «Слышишь меня? Отворись, пожалуйста!» И снова — ничего. Будто никогда не была она мудрой, будто отвергли её стихии посвящения! Изумлённая, потрясённая колдунья позвала-попросила в третий раз, с усилием толкнула Камень, но он остался твёрд и неколебим.

Вильяра застыла на месте. Зачарованные Камни своенравны, но чтобы вовсе никакого ответа на приветствие посвящённой!? Да не бывает же! Даже в сказках такого не сказывают!

А с ней вот случилось! Слезы обиды и бессильной злости хлынули из глаз Вильяры. Долго стояла: не могла смириться, принять происходящее — да просто перестать плакать. Не желала показываться Талари в слезах, даром, что целительница свою подопечную уже во всяких видах повидала.

Вильяра плакала и медленно вбирала силу, текущую из-под Камня. Как любая, мало-мальски одарённая охотница. Ну, хоть так!

А сможет ли другой мудрый провести её в круг? А выйдет ли из этого что-то хорошее, или такая же погань, как из Летучей?

Когда ноги устали стоять, а слёзы иссякли, Вильяра поблагодарила Камень и захромала прочь. У саней её ждали двое. Мудрый Альдира вскочил, прынул навстречу, раскрыл объятия. Колдунья осекла его злым безмолвным: «Стой! Я сама дойду!» Доковыляла, упрямо стиснув зубы, и таки очутилась у него на руках. Альдира подхватил крупную взрослую женщину легко, как ребёнка, нежно прижал к груди, заглянул в лицо... Уютные объятия! Надёжные, как жилия гора! Но Вильяра ни на кого сейчас не желала смотреть. Она уткнулась в Альдириную куртку, вцепилась руками в пышный мех — заплакала снова. Альдира так и понёс её по тропе вниз: не пытаюсь утешать, ни о чём не спрашивая.

Неторопливые шаги, ровное дыхание, размеренный стук сердца успокаивают, не хуже песни умиротворения... Вильяра перестала всхлипывать и запела её себе: тихонько, еле слышно. Альдира подпел, так же тихо. Он по-прежнему ничего не говорил, и Вильяра была ему за это очень благодарна. Однако потрясение миновало, и к мудрой возвращалась способность мыслить. Да, Зачарованный Камень на Рыбьей горе отверг её, но это не значит, что так будет всегда и везде! Камни своевольны: в сказках не пересказать все их шуточки, у каждого Камня — наособицу! Вильяра вспомнила, как первый раз водила в круг Нимрина, как их помотало в тумане, и что она сама говорила чужаку, не получившему от Зачарованных Камней ничего. С каким завидным достоинством принял он тогда свою неудачу... Сейчас Вильяре мучительно стыдно: за бессильные слёзы, за страх и растерянность, за нелепо испоганенный дар. Но она соберёт себя, как умеет собираться с детства, со страшной зимы в вымершем доме. Она отыщет путь к полноте силы, к полноте служения! Однако без разумного совета, без помощи других мудрых ей не обойтись.

Вот с ближайшего мудрого она и начнёт, прямо сейчас, не откладывая!

«О мудрый Альдира, Камень не принял меня, я не вошла в круг. Я испугалась, я страшно испугалась, что стихии посвящения отвергли меня!»

Альдира отвечает поспешно, перебив её на стыке мыслей. Молчал, терпел, дожидался пока она заговорит первой — прорвало: «Да, о мудрая Вильяра, я подозревал, что так может быть, потому пришёл посмотреть своими глазами. Мне жаль, что мои опасения сбылись. Но я не думаю, что стихии посвящения тебя вовсе отвергли. Мы найдём круг, который примет тебя. Рано или поздно такой круг обязательно отыщется.» Говорит и прижимает её к себе крепче, ускоряет шаг.

«Но почему так?» — простого ответа, очевидно, не существует, и всё же Вильяра задаёт Альдире этот детский вопрос.

Печальный вздох:

«Твоя аура искажена, Камни не узнают в тебе одну из нас.»

«Я ощущаю неправильное течение силы, но искажений не вижу: для ауры нет зеркал. Талари отказывается разговаривать со мной об этом. Альдира, скажи, насколько со мной всё плохо?»

Ещё один вздох, и Альдира очень бережно перехватил свою живую ношу поудобнее. Даже любопытно, когда он устанет нести её на руках и пересадит на сани? Талари с упряжкой тянутся следом, не обгоняя, не отставая.

«Вильяра, ты очень молодая мудрая. Ты покалечилась впервые, поэтому тебе так страшно. Наверняка, оба твоих наставника говорили, что в нашем служении не обойтись без увечий. Прыгая по лаве, трудно не обжечь пятки. Ныряя — не нахлебаться воды. Каждый мудрый время от времени терпит ущерб здоровью и дару, болеет, зализывает раны. Вспомни старого прошмыгу! И со мной бывало всякое... Я уверен, ты непременно поправишься! Я вижу, как ты уже поправляешься. Медленнее, чем нам хотелось бы, но вся зима впереди.»

«Скажи ещё, вся жизнь!» — фыркает Вильяра. Не то, чтобы Альдира сказал ей что-то новое, однако она больше не прячет лицо в мехе его куртки и даже чуть улыбается. — «Мудрый, ты обещал мне кое-что разъяснить при встрече.»

«А ещё я предлагал тебе стать моей временной ученицей. Старого прошмыгу я тебе, увы, не заменю. Но дело, начатое им, я надеюсь продолжить и привести к достойному завершению.»

«Это к какому же?»

«Выпрямить всё, что искривил Наритьяра. Мы, старейшие и опытные хранители кланов, уговорились доучить всех его учеников. Совет решил так. Для меня будет честью, если ты изберешь меня, о Вильяра, во временные учителя. Я буду счастлив встать между тобой и стихиями, побережь тебя, особенно сейчас. Чтобы потом, в полноте знания и силы, ты вошла со мною в круг уже не как ученица. Моё сердце горит по тебе, прекрасная белая колдунья! Самые сладкие мои сны — о тебе. Я открываюсь тебе сейчас не потому, что жду ответного влечения, а просто не надеюсь утаить от тебя этот жгучий уголь. Но я не спешу и не тороплю тебя. Я не прикоснусь к тебе, как мужчина к женщине, пока ты сама того не пожелаешь.»

Примет ли Вильяра покровительство и благосклонность самого главы Совета Мудрых? Глупый вопрос! Альдира вправе повелеть ею, а он спрашивает согласия. Конечно, её ответ — да! Вильяра и прежде не отказала бы ему, стоя обеими ногами на голкья. А уж теперь, когда Альдира носит её на руках... Она прижимается к широкой груди мужчины и тихонько жалуется:

«Однако, трудно тебе будет меня учить, а мне — учиться, о мудрый Альдира! Старый прошмыга был мне вроде старшего родича. Беззаконный Наритьяра подминали под себя, не спрашивая согласия. А иногo-то я и не видела. Сама не знаю, как стану учить кузнеца,

которого прежде звала женихом, и сердце моё по нему ещё не остыло. Хоть смейся, хоть плачь, а вы с ним, о мудрый Альдира, ужасно похожи! Только он — скала, ты — гора. А я сейчас — бледный вьюн, ищущий опоры. Я буду твоей ученицей, о мудрый Альдира, но я сомневаюсь, много ли толку — учить такую, какой я стала? Я и ключом-то в круге не знаю, смогу ли теперь быть!»

Во всём сказанном Альдира услышал главное — слово согласия, и его радость окутала Вильяру тёплым облаком. Прежде, помимо любых слов! А поразмыслив несколько шагов, мудрый ответил: «Прекрасная Вильяра, если мы с тобой вместе разгадаем величайшую загадку Голкья, толк будет. Сдаётся мне, ты — один из ключей к загадке. Другой ключ — твой Нимрин.»

Любопытный поворот разговора! Вильяра тут же переспросила: «Вы отыскиали нашу пропажу?!»

«Увы, пока не отыскиали. В Пещере Совета и в тайных логовах Латиры следов Нимрина нет. А с песни Равновесия прошло уже девять дней, чужаку нужно что-то есть, как-то греться. Умеет ли он добывать себе дичь и ночевать в снегу, как один из нас? Что ты скажешь об этом, Вильяра?»

«Нимрин не из тех чужаков, кто сразу гибнут в снегах. Но и не из тех, кому снега — дом родной. Ты же знаешь, как Лемба нашёл его?»

«Знаю: замёрзшим в ледышку. Думаешь, он снова так же заледенел?»

«Хорошо, если так, а не насмерть!» — вырвалось у Вильяры. — «Но зверям-то всё равно, какую мерзлятину грызть. Если Нимрин не спрятался в достаточно надёжное убежище...»

«Я думал об этом. Мы очень хорошо поискали вокруг всех Зачарованных Камней, откуда он мог выйти. Замороженных тел не нашёл никто. Зато мудрый Стира заметил очень приметный следок, и знаешь, где? Над домом твоего Лембы, по тропе от Зачарованного Камня!»

«След!? Ты говоришь, след?» — едва не выкрикнула Вильяра.

«Да, след, ведущий прямиком в дом. И след кто-то замёл, но не настолько умело, чтобы Стира не разглядел отпечатки босых ступней.»

«Почему босых?» — самый глупый вопрос, который можно задать, но все умные куда-то поразбежались. Вильяра рада, так рада следу живого Нимрина, да ещё в своих угодах! Так-то она знает: с поющими песнь Равновесия случается всякое. Сказывают, мудрый Канрара вышел из круга нагим, будто из чрева матери...

Альдира улыбается: «Увидишь своего воина, расспроси его об этом сама. Кто-то из охотников спрятал его в доме, и даже Лембе ничего не сказал. Стира не стал доискиваться, я не велел ему.»

«Но почему?»

«Твой воин, твои охотники, ты с ними и разбирайся, о мудрая Вильяра! Разговоры разговаривать тебе уже по силам. Ты же сможешь сходить туда изнанкой сна? Или я провожу?»

Вильяра закрыла глаза, стремительно проваливаясь в колдовской сон... Её резко встряхнули, потревожив рану — разбудили: «Эй, ну зачем же так спешить! Талари ещё не отпустила тебя, о мудрая Вильяра. День-другой терпит...»

«А если Нимрин болеет? Подобно Канраре, или хуже?»

«Нимрин пришёл в дом своими ногами и уговорил, чтоб его там спрятали. Подранок в

логове — не суйся, пока не вылезет сам.»

«А если он там умрёт?»

«А у тебя есть для него лекарство?»

«Я не знаю, но... Вдруг, за ним придут те, кто искал его смерти?»

«Вот об этом ты, Вильяра, можешь вовсе не беспокоиться! Тем поганцам сейчас не до глупостей, а за домом кузнеца приглядывает Стира,» — пристальный взгляд. — «Ты всё ещё рвёшься к своему воину?»

Вильяра поспешно кивает: «Да, о мудрый Альдира, я не хочу откладывать до завтра. Давай, ты быстро отнесёшь меня в дом Травников. Я поем и отдохну, целители ещё раз осмотрят меня, а вечером я навещу дом Лембы.»

«Одна?»

«Да. Так мне будет проще расспрашивать охотников и говорить с Нимрином, если он сможет говорить. И хорошо бы, к моему приходу Стира с Лембой отбыли куда-нибудь из дома, если они ещё там.»

«Я позабочусь об этом,» — хитро улыбается Альдира.

«А ты будешь приглядишь за нами с изнанки сна?» — отвечает ему Вильяра такой же улыбкой.

«Непременно, о моя временная ученица!»

«Благодарю тебя за заботу, о мой временный наставник!»

Альдира подмигивает, потом оглядывается, окликавая знахарку:

— Талари, мы будем ждать тебя в доме! — а сам уносит Вильяру на изнанку сна, чтобы зря не топтать длинную, извилистую тропу к подножию Рыбьей горы.

Кто баюкает Вильяру на огромной горячей ладони? Чей взгляд пронзает насквозь, но не ранит? Чей бесплотный голос ласково зовёт её?

«Приветствую тебя, о Пращур!» — отзывается ему колдунья.

«Ты умница, беляночка, что так спешишь к своему воину! Хотя он и поганое отродье Тьмы, но заслужил благодарность и очень нуждается в твоей помощи. А если ты, беляночка, вспомнишь, что подобное лечится подобным, то, возможно, и ты найдёшь через Иули своё совершенное исцеление.»

«Я знаю, некоторые знахари лечат подобное подобным. Но моя мама не жаловала этот подход, и в доме Травников ему не следуют,» — ой, Вильяра не хотела спорить, но для Пращура все её мысли — мысленная речь, и он спокойно отвечает.

«Иули изувечили тебя, беляночка. Но Иули может стать и лекарством. Главное, правильно то лекарство приготовить и применить. Слушай, беляночка, моё слово, слово Пращура! Да пребудешь ты в моей деснице несчётные года, да послужишь ты достойно своему клану!» — голос ласков, но даже ласка причиняет боль, проходясь по свежей ране!

«И что же ты мне посоветуешь делать, о Пращур?»

Спрашивать у него совета — страшно. Вильяра с убийственной отчётливостью понимает: закон и обычаи ныне живущих — не указ первопредку. Пращур помнит времена, когда одичалых колдунов ежегодно резали на алтарях. И многое другое творили, от чего у нынешних шерсть дыбом. Пращур может такое ей подсказать... Однако если у Вильяриного исцеления имеется цена, колдунья желает знать эту цену!

«Помоги своему Иули поскорее оправиться, поставь его на ноги. А когда он встретит свой Камень и получит обратно колдовской дар и силу, тогда ты узнаешь, что делать

дальше.»

Ну, вот, и даже ничего ужасного... Пока?

«А ты подскажешь мне, что делать дальше, о Пращур?»

«Я подскажу, или ты сама догадаешься.»

«Но почему ты не говоришь мне этого прямо сейчас?»

Лёгкая усмешка окутывает теплом и уютom: «Пусть Альдира научит тебя гадательным раскладам старейших. Если ты станешь прилежной ученицей, ты поймёшь, что до поры, до времени, никакого «дальше» просто не существует. Когда встаёт солнце, тогда и рассвет.»

«Да, о Пращур, мудрый Латира рассказывал мне про неопределённые расклады.»

«Ты запомнила со слов наставника, а когда выучишься, поймёшь сама... Будь здорова беляночка! Тебя сейчас разбудят. И напоминаю, никому-никому не говори о наших беседах...»

Альдира принёс Вильяру в дом Травников и не захотел будить, пока не подадут предписанную целителями еду. Колдунья так крепко и сладко почивала в кольце его рук: любовался бы ею и любовался.

Больше не страшно, что жизнь покинет прекраснейшую от единого неловкого прикосновения. Мудрый рад, что белая колдунья уже не глядит на щуровы тропы, а уверенно выздоравливает, по крайней мере, телесно. И всё же Альдире мерещится, будто он залюбовался свежим снежком поверх гиблой трясины. Блестит, искрится снег на солнце, манит проторить стёжку по сияющей белизне...

Мудрый сморгнул, прогоняя видение вместе с непрошено накотившей дремотой. Он, конечно, устал, но спать будет тогда и так, как сочтёт нужным... А солнце-то ему, однако, не померещилось: лицо спящей словно озарено изнутри.

— Вильяра! Вильяра!

Она мгновенно распахнула глаза — солнечные искры вспыхнули и угасли в зрачках.

— Вильяра, скажи мне, что тебе сейчас снилось? — спросил Альдира и сразу же понял: зря. Спугнул.

Колдунья прищурилась, отвела взгляд:

— А? Ничего... Я не помню, Альдира.

— Ладно, значит, мне просто показалось.

— И что же? Что тебе показалось, о мудрый Альдира?

Прошмыги и прошмыгины воспитанницы отлично ловятся на любопытство! Но Альдира пока опасается тянуть из ученицы тайну её снов. В свою очередь щурится и отводит глаза.

— Ничего. Просто показалось.

Миг — обижено надутые губы, взгляд исподлобья, и тут же Вильяра сделала спокойное лицо, а в следующий миг успокоилась внутренне: быстрая, как блики на воде.

— Мудрый Альдира, ты научишь меня гадательным раскладам старейших? Мой наставник Наритьяра говорил, будто женская голова для такого вовсе не годна, а ты сказал, я умная и вмещу.

— Думаю, вместишь: рано или поздно. Но начинать мы с тобой будем со счёта. Купеческим владеешь? А на пальцах? А на доске? А знаками?

К тому времени, как охотники принесли мудрым еду, Альдира выяснил, что Вильяра

ловко считает по-купечески: складывает, вычитает, умножает и делит. О счёте мудрых она слышала лишь краем уха, но без сомнения, выучит и его: Альдира обзавёлся толковой ученицей. Но почему её вдруг именно сейчас потянуло на сложные гадания? Она не объяснила. А главная загадка: солнечные отметины на её затенённой ауре. Самая свежая отметина появилась во время сна, о котором Вильяра промолчала.

Хранительница Вилья открыла глаза и несколько мгновений созерцала знакомый до последней выбоинки потолок. Наконец-то она вернулась в свои уголья, в дом Лембы, в гостевую комнату, которую привыкла считать любимым логовом. Колдунья потянулась на лежанке, потом осторожно встала, оправила одежду, прошлась по комнате. Свежий шрам болит и тянет, сковывает движения, но явной слабостью Вильяра своих охотников сходу не смутит, и это хорошо. Мудрая откатила дверь, вышла в коридор, размышляя, с кого начать расспросы? Кто здесь достаточно своеволен, чтобы спрятать чужака, не оповестив даже главу дома?

Подросток по имени Рыньи вывернулся ей навстречу из покоев старшей жены кузнеца, распорядительницы Туньи. Вильяра повела носом и решительно шагнула в дверь, которую мальчишка не успел закатить за собой. Ну, вот и пропажа! Даже искать-расспрашивать не пришлось...

Щурова съты!

— Рыньи! — громовым голосом.

— Я здесь, о мудрая Вильяра, — почтительный поклон от двери, с явным сожалением, что не успел удрать.

— Скажи-ка мне, Рыньи, давно ли чужак Нимрин находится здесь?

— Восемь дней, о мудрая. Он ждал тебя, очень ждал, а от других мудрых просил его спрятать. И мастеру Лембе мы не сказали, потому что мастер Лемба нынче не дома, а при мудром Стире. А ему на пятый день получшало, потом опять стало хуже. Два дня уже в себя не приходит, а вчера и питьё перестал принимать. Мы с тёткой смотрим за ним, старый Зуни пытается лечить его песнями, но всё без толку.

— Спасибо, Рыньи. Иди, куда шёл.

— Я... Мне... Позволь мне остаться здесь, о мудрая? — видно, как подросток трепещет перед Вильяриным гневом, но забота о больном пересиливает страх.

Колдунья бросила:

— Позволяю, — и тут же спросила, со злой досадой. — Рыньи, почему никто из вас не послал мне зов?

— Нам сказали, ты сама чуть жива. Распорядительница Тунья не стала беспокоить тебя и мне не велела, а я не посмел нарушить её волю.

Ладно, с подростка — мало спросу, а бранить Тунью — что валун пинать. У знахаркиной дочери есть дело поважнее... Справится ли?

Кабы ни речи Пращура, она усомнилась! Песнь Равновесия ранила чужака сильнее, чем душекрад, смертельнее, чем нож беззаконника. Даже когда Иули в прошлый раз выполз из светлого круга — головня головнёй — он был здоровее! Да, он превратился тогда во что-то жуткое, но потом быстро перелинял обратно. А теперь замечательно живучее тело, способное без следа заращивать любые раны, словно позабыло, как должно быть устроено. И дух его больше не удерживает, плутает где-то по щуровым тропам. Будто Нимрину нечем и незачем жить дальше, будто он устал, отчаялся, сдался. Знахаркина дочь слишком хорошо знает привкус этой предсмертной безнадёги и мало что ненавидит сильнее! Нет, даже если бы Пращур не дразнил её невнятными обещаниями, она не отпустила бы своего воина без борьбы!

Она помнит, каким её Нимрин-Ромига был, каким он должен быть. В первую встречу, здесь же, в доме кузнеца, Вильяра пела над чужаком песнь Познания, потом связала чарами его и себя. Связь они разорвали недавно, след ещё не простыл. Станет ли колдунья для своего Иули путеводной побегайкой в мир живых? Волшебным зеркальцем, возвращающим лицо? Совладеет ли?

Песня за песней, вслушиваясь в отзвуки, вглядываясь в ауру, направляя течение силы... Пращур сказал, подобное лечится подобным? Да, меченная Тенями колдунья, возможно, убедит тело Иули прекратить внутреннюю усобицу, не пожирать самоё себя. Вильяра способна помочь, помогает... Только не за раз, конечно! Голос охрип, колдовская сила иссякла.

А рискнёт ли мудрая сунуться в свой любимый круг?

Глядя на поющую Вильяру, Тунья все губы изгрызла от зависти. Говорили, мудрая чуть не померла, а на вид — бела и свежа. Осунулась, похудела, но даже это её не портит... От странных созвучий, от грозной силы её песен охотницу мутит и корёжит: зря прибежала на зов Рыньи, побросав все дела! Не на что здесь смотреть, и слушать нечего, всё равно ни запомнишь, ни повторишь. Тунья как с детства зазубрила колдовские песни, известные всем охотникам, так и поёт их с опаской, лишь бы не перевернуть: чутья-то нету. А знахаркина дочь слушает стихи и отвечает им. Даже до посвящения она так могла, потому избрали. Любезный Лемба тоже беседует с огнём и железом, нету в клане Вилья лучшего кузнеца. И мудрый Стира признал...

Окончив песнь, Вильяра озирается, будто спросонок. Взгляд плывёт — останавливается на охотнице:

— Тунья, проводи меня к Зачарованному Камню.

Голос мудрой звучит глухо, надтреснуто, будто не она только что визжала кричавкой, рокотала прибоем, выла ветром в скалах.

Тунья, приподняв брови, переспрашивает:

— Неужели, ты хочешь взять меня в круг, о Вильяра мудрая?

Резкий отрицательный кивок:

— Нет, просто проводи меня наверх, поговорим по дороге.

На ноги Вильяра поднимается без обычной резвости. И шаги укорачивает, кривится на один бок. А главное, куртку в доме она не сняла, скрывая повязку или свежий шрам. Тунья не то, чтобы злорадствует, не то, чтобы рада видеть приметы нездоровья в хранильнице своего клана... Охотнице тревожно и мутно, она извелась, тайком ухаживая за больным чужаком и, одновременно, удерживая дом. Больной — при смерти, в доме беспокойно. Второй распорядитель — старик Зуни — смотрит на будущую отречённую вдову всё более косо...

— Вильяра, скажи, Нимрин поправится? Ты вылечишь его? — спрашивает Тунья.

— Вылечу, если ещё не поздно.

Тунья ждёт вопроса, почему она не позвала мудрую раньше? Ждёт укора, быть может, наказания. Но Вильяра только вздыхает и хмурится, трёт лоб тыльной стороной ладони... И просит охотницу рассказать, как Нимрин явился в дом: в малейших подробностях.

— Значит, ты говоришь, на следующую ночь после Великой песни ты пошла к Камню, а

там — вспышка?

— Как молния! Я рукой прикрылась, потом гляжу, бежит. А утром пошла заметать следы, увидела: след-то чудной. Будто чужак не из Камня вышел, а в двадцати шагах от него свалился в снег. С изнанки сна или с неба. Побарахтался, встал, потому уже сунулся к Камню. Чуть потоптался возле и побежал к дому. Я его сперва не признала, испугалась, стрельнула...

Вильяра слушает и спрашивает на ходу, а сама дышит всё тяжелее, замедляет шаги, на лице блестит испарина. Мудрая устала, выдохлась и больше не пытается — или не может — этого скрывать.

— Ты бы, что ли, оперлась на меня? — подставляет ей плечо охотница и слегка дерзит. — А то ведь, гляди, не дойдёшь!

Вместо того, чтобы осадить Тунью, мудрая благодарит — и принимает помощь! То есть, конечно, она не повисла на Тунье всем весом, но опора ей нужна, правда. Хозяйке дома уже не до злорадства, не до зависти: растеряла их где-то по пути. А сочувствие осталось. И чего бы двум женщинам ни поплакаться друг другу, ни поделиться сомнениями и тревогами?

Знакомые коридоры, лестницы: всё вверх и вверх. Вильяра еле ноги волочит, да ещё Тунья под боком, как больной зуб: приходится заговаривать её прямо на ходу. Расклады-то в доме невесёлые, старшей кузнецовой жене есть, отчего тревожиться и злиться. Если подумать, обе женщины получили от судьбы вовсе не те дары, о которых мечтали. А едва освоились, едва вошли во вкус — судьба норовит отобрать дарёное. Посмеяться бы, да больно уж плакать хочется!

Мудрая опирается на плечо Туньи не потому, что ей совсем не вмоготу идти самой, а для пушей доверительности беседы. Тело к телу, и пусть охотница ощущает себя более сильной. Побольше хрипоты в голос, и тоже плакаться, не скрывая трудностей служения... Да, Лемба любезен им обеим! Именно потому Вильяра никогда не оскорбит его принуждением. Она подарит кузнецу то, чего не было у неё самой: право выбора. Чуть больше выбора, чем обычно! Раз уж хранительница клана выжила и вернулась, Совет оставит за ней последнее слово, кого посвящать. А решение она примет, заглянув в глаза предизбранным, поговорив с каждым. Лемба сам ступит на путь мудрого — или останется в доме, со своими жёнами и кузницей...

— Ты же примешь его выбор, о почтенная Тунья?

Охотница кивает, успокоенная, почти убаюканная журчанием Вильяриной речи. Тунья умна и любит жить умом. Одним умом и живёт, гордится своим здравомыслием. Только вот о Нимрине она помалкивала, вместо того, чтобы давным-давно послать Вильяре зов. Почему? Мудрая задаёт вопрос резко и неожиданно...

— Так я же позавчера пробовала тебя позвать, а ты не услышала. Я подумала, ты ещё плоха. Ты же знаешь, Вильяра, я не сильна в безмолвной речи, — смущённо оправдывается Тунья и даже почти не лжёт. Разок-другой она точно пробовала.

— Значит, отныне я буду слать тебе зов каждый день. Будем беседовать, пока ты не выучишься, как следует!

Тунья фыркает:

— Пощади, о мудрая! Будто мало мне соседушек, Даруны и Нгуны! Больная, больная моя голова!

— А моя голова уже перестала от этого болеть, и у Лембы — тоже. И ты привыкнешь.

— Вот, Лемба тоже велел нам всем учиться. Мол, все, кто мало-мальски слышат мысленную речь, должны говорить свободно и легко. Чтобы не полагались на других, как несчастный жених Ирими. Чтобы могли сразу предупредить, случись где какая погань.

— Правильно он велел, и я его слово подтверждаю, властью мудрой!

Лестница перед верхней калиткой особенно крута, Вильяре становится не до разговоров. А потом две женщины выходят на снег, под звёздное небо. Дышится здесь легче, и Вильяра больше не опирается на охотницу. Просит показать, где Тунья встретила Нимрина, и где он с неба свалился.

Увы, за восемь дней и след, и все чары, какие тут ни были, совершенно изгладились. Стира ещё что-то разобрал, а Вильяра — уже нет.

Мудрая отправляет Тунью обратно в дом, а сама идёт к Камню. Поёт приветствие, просит открыться... Увы! Любимый Камень дарит ей силу щедро, но в круг не пускает. Ну и ладно. Вильяра сворачивается клубком у его подножия, отдыхает, дремлет.

Шлёт зов Альдире, пересказывая всё, что разузнала у Туньи. Очень уж удивительно и непонятно ей это: «как с неба свалился». Нимрин не умеет ходить изнанкой сна, это точно. Вильяра помнит, как он закручивал вихри мрака и через них перемещался на довольно большие расстояния. Но светлый круг выжиг колдовской дар Иули дотла, ему даже на жизнь сейчас не хватает. А ещё эта вспышка, подобная молнии... У Альдиры тоже нет объяснений.

О нынешнем состоянии Нимрина колдунья сообщает скупое: плох, совсем плох, помогаю, как могу. Альдира просит позволения явиться и поглядеть на чужака своими глазами. Своими ушами послушать Вильярины песни. Колдунья снова невольно сравнивает Альдиру с Наритьярой Старшим. Тот не церемонился бы: захотел — явился без предупреждения. Конечно, Вильяра позволяет, и Альдира не мешкает. К дому они спускаются рука об руку.

У калитки караулит Зуни, дед Лембы: заметно напрягся, увидев незнакомца. Вильяра, как должно, представляет друг другу охотника и пришлого брата по служению. Старик низко склоняется перед мудрыми, пряча недовольство. Он явно хотел поговорить с хранительницей наедине.

«Почтенный Зуни, у меня нет тайн от моего временного наставника Альдиры.»

Старик медленно распрямляет спину, меряет обоих взглядом исподлобья.

— О чём ты хотел поговорить со мной, о почтенный Зуни? — спрашивает Вильяра вслух.

— О делах дома Кузнеца и соседних. О внуке моём, Лембе. О чужаке Нимрине.

— Зуни, заботу о чужаке я беру на себя. Нимрин пока останется в вашем доме. Подросток Рыньи будет мне подручным, пусть скотники найдут ему замену на ближайшие десять дней. Возможно, мне потребуются ещё руки и снадобья, тогда я скажу. А вы с Туньей занимайтесь делами дома, как всегда, когда Лемба в отъезде. Нужна ли дому Кузнеца колдовская помощь мудрой?

На «делах дома» старик тяжело вздохнул, но промолчал. На последнем вопросе кинул отрицательно, мол, не нужна. Выждав, но так и не дождавшись, пока Зуни заговорит снова, Вильяра спросила сама.

— Что ты желаешь сказать мне о своём внуке, о Лембе?

— Мудрая Вильяра, прости старому Зуни дерзновенное вмешательство в дела мудрых! Но обычай не велит охотнику молчать, если он знает в избранном для посвящения некие изъяны, которые помешают тому стать достойным хранителем клана.

Зуни удалось удивить обоих мудрых.

— Изъяны?! — резко переспросила Вильяра, Альдира молча вскинул брови.

— Поверь, о мудрая, мне нестерпимо горько говорить так о моём единственном выжившем внуке! Но его родовая ветвь может оказаться сухой, мёртвой. Он взял в жены Аю дочь Тари и перемял с нею немало пушистых шкур. Однако за всё лето она так и не понесла. Сведущие знахарки осматривали Аю и сочли здоровой. Мудрый Стира осмотрел Аю и Лембу. Ничего не сказал, только хмурился.

— Тунья родила этим летом дочерей-двойняшек, — напомнила Вильяра.

— Никто не сомневается, что родовая ветвь Туньи исключительно сильна, за то её и брали в дом! Но даже Тунья за три лета не родила Лембе ни одного сына.

Старый Зуни замолчал, угрюмо и смущённо. Молчал и Альдира, будто его тут не было.

— Я услышала тебя, о Зуни, — сказала Вильяра. — Благодарю. Мудрые учтут твои слова. Что ещё ты желаешь сказать мне?

Но старик жевал губами, задумчиво качал головой, пока Вильяра ещё раз не переспросила сама:

— Зуни, скажи мне, ты осмотрел следы Нимрина у Камня, прежде чем Тунья замела их?

— Я побывал у Камня после Туньи.

— Ты — колдун лучше неё. Ты не заметил там следов какой-нибудь странной ворожбы?

— Нимрин точно не ворожил там, он лишился дара и силы. Но мне показалось, кто-то вышвырнул его недалеко от Камня, и этот кто-то был светлее солнца. Никогда прежде я не ощущал ничего подобного.

— Зуни, почему ты сразу не послал мне зов?

— Я посылал, но ты не услышала, о мудрая. Солнечный след очень быстро изгладился, и сейчас я уже не уверен, что мне не показалось.

«Ему не показалось,» — сказал Вильяре Альдира, — «Стира тоже заметил.»

«Щурово зелье вам на язык и щуровым пестом по башке! Почему я обо всём узнаю последней?»

«Потому что ты болела, о прекрасная Вильяра. Встала на ноги — вот, теперь узнаёшь.»

— Зуни, а почему ты не позвал меня, когда Нимрину стало совсем худо? Вчера или позавчера?

— Вчера я поговорил с Лембой, Лемба поговорил со Стирой, а тот велел нам всем дожидаться тебя, но не тревожить.

«Альдира, щурову клюку тебе под ноги! Стира же наверняка передал всё тебе! Почему ты не поторопил меня?»

«Потому что я ценю твою жизнь и здоровье выше, чем чужака. И не спорь, ученица: я гадал на тебя и на него. Сейчас ещё не поздно лечить Иули, а тебе это уже не повредит.»

«Ну, пойдём же, Альдира, скорее! Я покажу тебе, как выглядит это не поздно!»

Рыньи в очередной раз менял больному подстилку из морского мха. Нимрин никак не помогал ему и не мешал: перекатывался с боку на бок, будто вязанка хвороста. Чужак совсем не слышал обращённых к нему слов, не отвечал даже сквозь бред. Однако после Вильяриных песен страшные язвы на его теле начали подсыхать, затягиваться чёрной смолой. И Рыньи тоже пел теперь: тихонечко, повторяя за мудрой, иначе ему оставалось только плакать от сочувствия. Но слезы у Рыньи — не целебные, а песни... Шерстолапам иногда помогают.

Рыньи так увлёкся своим делом, что пропустил, как мудрая вошла в комнату. Заметил лишь, когда её голос, её сила исподволь влились в его песенку, подхватили, будто волна ночного прилива... Рыньи смутился, испугался, хотел, было, замолчать, но песнь не отпускала его, вела, несла за собой. Созвучие за созвучием, два голоса, нет, уже три, третий — чей-то незнакомый... Рыньи не оглянулся посмотреть, кто пришёл: песнь важнее. Он осмелел, звуча всем собой и чувствуя, как надо!

А потом будто тёмная вода волной накрыла его, потянула вглубь, но страха уже не было, лишь удивление. Оказывается, он мог дышать в этой странной воде, и ему нужно было дальше, в глубину. Он грёб изо всех сил руками и ногами, а вода сопротивлялась, выталкивала, давила всё сильнее. Рыньи уже видел, за кем ныряет: долговязое тощее тело ни с кем не перепутаешь. Нимрин падал на дно, безвольно раскинув руки и ноги. Вот уже видно бледное пятно лица, широко раскрытые остановившиеся глаза... Рыньи нагнал тонущего и крепко ухватил его за запястье...

Их обоих тут же рвануло вверх, дышать стало нечем, хотя вокруг была уже не вода... Огонь! Безумная, жестокая, яростная драка. Рыньи чуть не обделался от ужаса, но руку друга не выпустил, потащил его за собою прочь, прочь отсюда. Не бросил, даже когда клинок одного из дерущихся вонзился в грудь...

— Вильяра, ты спятила! По праву временного наставника я запрещаю тебе творить подобное с непосвящёнными. Ты хоть понимаешь, что едва не погубила мальчишку? — властный незнакомый голос. Или знакомый? Кажется, они только что пели вместе?

— Рыньи услышал свой дар и сам... Но... Да, я поняла тебя, учитель, — сквозь звон в ушах Рыньи кажется, будто голос мудрой звучит виновато и растерянно. В точности, как у Дини, расколотившей горшок с похлёбкой. — Альдира, я не подумала, что чужой пустой сон может быть опасен для Рыньи. Мне всегда говорили, что отзвуки и отражения пугают, но не ранят. Хотя, мама...

Рыньи закашлялся: за грудиной у него неприятно саднило, но ни настоящей боли, ни вкуса крови во рту. Приснилось? Просто приснилось? Он открыл глаза, садясь на тёткиной лежанке, куда его заботливо уложили и прикрыли шкурой.

— Мудрая Вильяра, что со мной?

— Уже ничего, Рыньи, — ответил ему сидящий в ногах коренастый мужчина, немного похожий на мастера Лембу, только старше, темнее волосом и лицом, одетый по-южному.

Внимательные глаза, цвета жара под пеплом, очень яркая колдовская аура. Вильяра назвала его Альдирой, значит, он тоже из мудрых. Выдерживать взгляд незнакомого колдуна — тяжело, Рыньи виновато потупился. Кажется, он натворил чего-то не того?

— Рыньи, расскажи мне, что с тобой приключилось? — спросил мужчина спокойно и

участливо.

— Да, Расскажи нам с мудрым Альдирой, — поддержала его Вильяра от лежанки Нимрина.

Рыньи всё им рассказал, насколько нашёл слова. Про песнь, про глубокую воду, про огонь, про страшную драку светлых и тёмных чужаков, про чёрный клинок... Прижал к груди ладонь, всё ещё немного не веря, что жив и цел. Мудрый Альдира подмигнул ему и улыбнулся. Протянул длинную руку, потрепал по голове:

— А будешь знать, сновидец, как нырять без оглядки в чужие сны! Считаю, тебе повезло, а не окажись рядом Вильяры, мог бы не вынырнуть.

Мудрая переспросила:

— Так как же, Альдира, Рыньи сам нырнул, или я его подтолкнула?

— В этот раз ты его немного подтолкнула. А в другой раз он может и сам. Учить его надо, пока не упустили, как одного серого, синеглазого. Парнишка ещё не охотник, а уже сны, чутьё на песни и целительский дар. Да не простой целительский — на чужаков. Хорошего подручного ты себе выбрала, теперь береги его. А вы с ним вместе — берегите Нимрина. Надеюсь, он хотя бы заметил, что его пытались вытянуть из его кошмаров, и сделает встречное усилие.

Ромига заплутал в Первой Войне. Давно отгремевшие битвы и смолоду, бывало, снились ему. Но прежде нав находил себя в этих снах активным участником событий. Среди атакующих гарок, разведчиком-одиночкой, а иногда и пленником, подопытным в асурских лабораториях... Думал, хуже лабораторий — некуда. Ошибался!

Не желая соперничать врагу, он выбрал роль отстранённого наблюдателя — и намертво застрял в этой роли. Влачил теперь по полям сражений: невидимый ни своим, ни врагам, неуязвимый ни для магии, ни для оружия. Бессильный, безвредный и бесполезный. Всё наблюдал, но никого, ничего не мог коснуться, будто призрак, будто неуспокоенный дух. Хотя сам себя ощущал живым и телесным, изнывал от жажды, голода, усталости. Но принять воду и пищу из прошлого был не способен. А прикорнув подремать, вместо желанного отдыха тут же оказывался вновь на ногах, посреди очередной бойни. Попытки медитации заканчивались аналогично. Противоестественность происходящего подтачивала разум, быстрее всех ужасов тотальной войны. И никакого выхода! Сколько времени прошло, прежде чем он захотел сгинуть не просто куда-нибудь прочь, а совсем? Может, день, может, год, может, век. Даром, что Первая Война — для всех её участников — не длилась столько. Для наблюдателя, замкнутого в кольцо этой безумной «кинохроники», она стала бесконечной.

Да, кажется, вечность минула, прежде чем наблюдатель захотел умереть. И ещё одна, пока он созрел и решился. Жажда с голодом только мучили его, не убивали. И он не нашёл при себе никакого оружия. И не сумел сосредоточился, чтобы пресечь жизнь усилием воли...

С ужасом осознал: Тьма не берёт его к себе! А во тьме под закрытыми веками — неистово хохочет растянутый на алтаре, вывернутый наизнанку Онга. Скалит зубы, мотает головой, бьётся затылком о Камень. Слезы разлетаются брызгами из глаз, текут по костлявому лицу. «Ты говорил мне, проще простого — убить себя! Вот, теперь ты понимаешь! Теперь ты тоже в западне, маленький глупый нав!»

«Онга, прости меня! Я вылечил и освободил тебя, но не спас, а убил. Ты вынудил меня сделать это, и всё равно мне жаль. Но если ты стал Повелителем Теней не сам по себе, а из-за светлого выродка...»

«Что? Найдёшь его и отомстишь за меня? Пустое, Ромига, пустое! Меня ты благополучно спровадил во Тьму, за это я тебе искренне благодарен. А тебя и Тьма не примет, ты теперь — уродец, хуже химер Купола.»

«Я спровадил тебя во Тьму... А с кем я сейчас разговариваю?»

Новый приступ хохота едва не разорвал изувеченный навский остов напополам. «Ты отослал во Тьму нава Онгу, но память об убитом — при тебе. Этого более чем достаточно для нашей приятной беседы.»

Ромига распахнул глаза, тряхнул головой, и Онга расплылся клоком дыма, больше не заслоня картину очередного сражения, ужасающе прекрасного в своей первобытной ярости.

У наблюдателя не осталось ни сил, ни желания двигаться. Он больше не шарахался от бегущих воинов, не пытался уклониться или заслониться от боевых арканов, от чёрных и белых росчерков клинков. Он опустил наземь посреди поля битвы, лёг на спину, раскинув руки и ноги, уставился в небо. Среди облаков и клубов дыма неистово сражались драконы, он больше не хотел их видеть. На него наступали ногами, лапами, копытами, но затоптать не могли, и ему было всё равно.

А потом чьи-то пальцы сомкнулись на его запястье и куда-то его потянули... Наблюдатель настолько привык быть бесплотным для всех вокруг, что не сразу поверил своим ощущениям. Но тянули упорно, и он с трудом повернул голову, перефокусировал взгляд... Лохматое создание: вообще-то двуногое и прямоходящее, но в данный момент опасно пригнувшееся к земле, зыркающее по сторонам жёлтыми глазищами. На поле битвы существо смотрелось нелепо. настолько неуместно, что нав его не сразу узнал. А узнав — испугался. За него, не за себя...

Мальчишка Рыньи тоже разглядел кругом достаточно, чтобы перепугаться всерьёз. Но от этого он только крепче вцепился в руку нава и потянул сильнее. Не впустую тянул, они двигались куда-то, и довольно стремительно, хотя Ромига так и не встал на ноги...

Э, нет! Ромига не желает волочиться за Рыньи, как падаль! Он пойдёт сам, чтобы легче, чтобы быстрее. Подскочил, даже силы нашлись...

Рослый гарка со свежим шрамом через всё лицо встретил его взгляд, и прежде, чем наблюдатель осознал: его видят, шрамолицый сделал молниеносный выпад обоими клинками. Ромига за бесплотную вечность слишком отвык уворачиваться. А Рыньи никогда не умел...

Больно! Чёрная сталь режет больно. Ещё больнее: воин Нави не признал в Ромиге своего. Худшее: пальцы на запястье слабеют и больше не тянут наблюдателя к выходу из бесконечной Первой Войны. Мальчишка Рыньи хрипит, захлёбываясь кровью, но так и не падает наземь, а исчезает. Шрамолицый щерит зубы и бьёт Ромигу в висок рукоятью освободившегося клинка.

Сознание — или то, что у Ромиги сейчас за него — как бы возвращается под негромкий разговор на навском:

— Кого ты мне приволок, Чиртанга?

— Сам разбирайся, Руга. Ты — дознаватель, а я не понял, что это за тварь. По виду, будто из наших. Но я взял его на поле сражения безоружным, и магии в нём нету: ни нашей,

ни вражьей. Ещё с ним был второй, но исчез, как только я его проткнул.

— Как исчез?

— Будто морок. Даже крови на клинке не оставил.

— А когда ты его проткнул, кровь была?

— Была: красная, звериная.

Ромига слушает разговор двух навов с величайшей тоской. Бесплотным он для окружающих быть перестал, но Первая Война вокруг никуда не делась. Особенно тоскливо Ромиге от того, что его уже зафиксировали для жёсткого допроса. «Это мой бред, это мой дурной сон», — уговаривает он себя, но что толку, если проснуться по собственной воле он по-прежнему не может. Значит, предстоит объяснить одному из Яргиных дознавателей, кто Ромига такой, и откуда здесь взялся. Правду из него непременно вытянут, нет ни малейшего смысла запираяться. Сообразить бы самому, как придать правде хотя бы видимость правдоподобия? Думать тяжело: разбитая башка болит, ей вторит сквозная рана под рёбрами. Надоело быть наблюдателем — ну, побудь теперь... Как это называют челы? Есть у них словечко такое дурацкое...

Жёсткие прохладные пальцы берут его за подбородок, приподнимают голову:

— Хватит прикидыватьсядохлым, ты уже очнулся. Имя?

Ромига разлепляет веки, смотрит в чёрные, странно знакомые глаза сородича. Отвечает:

— Ромига.

— Настоящее имя?

— Ромига.

Дознаватель улыбается ласковейшей улыбочкой, становясь до ужаса похожим на своего коллегу из будущего, Идальгу. Ромига смаргивает и отвечает, со всей доступной убедительностью.

— Руга, ты же чувствуешь, я говорю тебе правду.

— Твоё настоящее имя, тварь!

— Ромига.

— Где ты родился?

— В Тайном Городе, в Цитадели Нави.

— Где? Повтори?

— Это место ещё не построено. Я родился ..., — Ромига называет дату по сквозному летоисчислению Нави.

Дознаватель смеётся:

— Такими баснями меня ещё не кормили! Не мог сочинить чего-нибудь поубедительнее?

— Прости, Руга, у меня нет сил сочинять. Я, правда, провалился в далёкое прошлое... И больше мне нечего тебе сказать.

Ладони на висках, пристальный взгляд в глаза:

— А ведь ты уверен, что говоришь правду! Да не коснётся нас вероятность будущего, где навы превратятся в слизь, подобную тебе. Умри! Сгинь! Попаданец шуров!

Руга каменеет лицом и начинает медленно, мучительно, очень грязно убивать своего пленника. Всё самое болезненное и отвратительное, что можно сделать с навом, Руга творит, не задавая больше никаких вопросов. Искры и слёзы из глаз смазывают его черты, Ромиге чем дальше, тем навязчивее мерещится, будто не древний нав Руга терзает его, и даже не Идальга в самом мерзопакостном из настроений, а точная копия Ромиги, зеркальное

отражение, двойник.

Почему так страшно?

Ещё недавно Ромига жаждал смерти... Не такой! Истязание с навязчивым привкусом абсурда страшнее, чем просто истязание. А он-то всего лишь пожелал выбраться из дурной бесконечности Первой Войны... Любой ценой, всё равно куда...

Нет, лучше туда, где за стенами дознавательской палатки ветер так призывно завывает, будто поёт! Трудно сосредоточиться на посторонних звуках, когда боль и ужас рвут сознание в клочья. А надо! Ветер — или не ветер? — набирает силу, треплет зачарованное полотно палатки. Руга слишком занят своим делом, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. А буря крепнет, всё отчётливее звучит голосами голки. В какой-то миг особенно сильный порыв сдувает палатку вместе с дознавателем, они уносятся в небо чёрными хлопьями, кружатся там среди облаков и драконов, потом истерзанное небо проливается дождём...

Вода на губах, и её удаётся слизнуть, проглотить. Ещё воды, ещё... Ромига открывает глаза — разве они были закрыты? — кое-как фокусирует взгляд, видит над собою двух голки... Знакомых голки.

— Вильяра, Альдира, а где Рыньи?

Они не разобрали его слов, не поняли вопроса, но скосив глаза, Ромига сам заметил мальчишку, живого и целого.

Вздыхнул поглубже — болит всё так, будто над ним продолжает трудиться Руга. Прислушался к ощущениям: всё плохо, даже ещё хуже. Но хотя бы очнулся!

Вильяра дала ему немного воды, потом присела рядом и запела. Стала гладить, водить рукам вдоль тела. Тело ответило на эту ворожбу, обычно приятнейшую, таким фейрверком ощущений... Нав сдержал вопль, только зубами скрипнул — колдунья испуганно оборвала песнь.

Он отдышался и попросил:

— Вильяра, пожалуйста, продолжай. Я вытерплю. Поверь, лучше ощущать твои чары так, чем совсем не чувствовать никакого колдовства.

Вильяра снова запела, немного сменив тональность. Стало легче. Он терпел, довольно долго. Главное, не закрывать глаза и не проваливаться туда, где Руга рвёт его на куски пыточными крючьями... Да нет никакого Руги! Скорее всего, не было никогда. Ромигино воображение слепило образ из черт знакомых навов, включая того, кого привык видеть в зеркале...

— Вильяра, пожалуйста, дай мне твоё зеркальце.

— Не дам. Незачем. Смотри мне в глаза, там правильное отражение. И думать забудь, что ты в чём-то виноват перед своей стихией. Не наказывай себя за то, что выжил в Светлейшем круге. Выжил — живи.

Кажется, эта ведьма с Голкья слишком много понимает про него, нава Ромигу! Недопустимо много. Но она права... Была бы права, кабы асурский ублюдок ни ожидал с нетерпением, когда Ромига выздоровеет... Однако и сдохнуть, не попытавшись разобраться с врагом, будет не по навски! Ромига старательно выговаривает.

— Я живу. Я стараюсь. Я жив и буду жить... Дай отдохнуть.

— Отдохни, Нимрин. А мне пора к Зачарованному Камню. Рыньи пока приглядит за тобой.

Вильяра и второй мудрый уходят, Рыньи присаживается на край лежанки и пытается напоить Ромигу бульоном. К горлу тут же подкатывает тошнота.

— Нет, Рыньи, пока не могу. Дай ещё немного воды, и хватит.

— Нимрин, скажи... Мудрые говорят, я нырнул в твой сон. Там было много похожих на тебя Иули. И другие чужаки: солнечные — аж смотреть больно. Они все так свирепо дрались друг с другом, — мальчишка поморщился и потёр грудь: ровно там, где его пронзил клинок Чиртанги.

— Не дрались — сражались, — поправил Ромига.

— А какая разница?

— Разница, как между шнырьком и наиматёрейшим зверем, какого ты сможешь себе вообразить. Ты, Рыньи, подсмотрел самую беспощадную войну обитаемой вселенной.

— Нимрин, а ты сражался там?

— Нет. Это было очень давно, я тогда ещё не родился. Мне тоже дали подсмотреть, и меня затянуло.

— Кто — дал?

— Я не знаю, Рыньи. Говоришь, ты видел в моём сне солнечных чужаков. У вас ничего не сказывают о таких?

Рыньи отрицательно качнул головой и снова потёр грудь.

— Болит? — спросил нав.

— Нет, даже странно. И следа никакого не осталось.

— Ну и хорошо, что не осталось.

— Хорошо, — согласился мальчишка, — но странно. Проткнули-то совсем по-настоящему. Знаешь, как больно было?

— Знаю, — улыбнулся Ромига.

После Вильяриных песен ему здорово полегчало. Достаточно, чтобы дышать, разговаривать, улыбаться. Но от запаха бульона всё равно мутит. А ещё он чувствует себя в долгу перед мальчишкой, и желает прямо сейчас уточнить размер этого долга.

— Рыньи, прости меня! Кажется, я помешал тебе вытащить меня из кошмара тихо и незаметно. Дёрнулся не вовремя, нас и заметили...

Рыньи только головой мотнул:

— Тебя было очень тяжело волочить. Я обрадовался, когда ты встал на ноги, сразу стало легче. И мы же проснулись, оба. Значит, всё хорошо, всё к лучшему.

Спорить со сновидцем-голки Ромига не стал. Пусть, опыта у того сновидца... Но раз Рыньи уверен, что всё к лучшему, и не держит обиды — то и хорошо.

— Рыньи, я подремлю ещё немного.

— А ты... Ты не утонешь обратно в той вашей войне?

Ромига прислушивается к себе и отвечает:

— Нет, уже не утону.

Он чутко дремлет, временами выныривая туда, где Рыньи снова что-то над ним поёт-ворожит. Неугомонный мальчишка, бесстрашный! Другой, получив катаной, сразу бы присмирел: надолго или навсегда. Охотник...

Вильяра с Альдирой сидят у Зачарованного Камня.

В этот раз колдунья даже не пыталась войти в круг, и на предложение Альдиры — провести её туда — ответила отказом. Серый Камень удивительно щедр, а Вильяра не готова рисковать. Камень дарит ей не только силу: время на отдых и размышления, на беседу с наставником. Она многое пропустила, а теперь спешно навёрстывает. Альдира рассказывает ей о делах в Совете. Перечисляет, кто кого взялся учить из Наритяриных недоучек...

И тут же возвращается к случаю с Рыньи. Нет, Альдира не стал возить Вильяру лицом по насту, как сделал бы Наритяра. Новый наставник обстоятельно разбирает, что пошло не так, а что Вильяре всё-таки удалось, и что — Рыньи.

Потом вдруг говорит:

— Имей в виду, Вильяра: я не лучший сновидец среди мудрых. Но я тоже заглянул в сон твоего Иули. Битва, ужасающая битва! К счастью, она разразилась давно и не у нас. Все схватки Солнечных Владык с Повелителями Теней, едва не сгубившие Голкья — слабое эхо той битвы. Давным-давно, по ту сторону звёзд чужаки Иули сцепились с равными им по силе Асми, солнечными. Иули победили и едва не истребили Асми. Но не истребили — те спрятались. А я сейчас ищу след Асми на Голкья. Я почти уверен, что один или несколько из них где-то здесь. Думаю, именно Асми вышвырнул твоего Нимрина у этого Камня. Солнечному чужаку зачем-то понадобился живым его кровный враг, и мне это ужасно не нравится. Истинное равновесие не настанет, пока все эти однобокие колдуны, любимцы старших стихий, топчутся по Голкья. Они же так и не закончили свою древнюю свару! Они втягивают в неё всё живое и стихии миров, которых касаются.

— Асми? Солнечные чужаки? Я никогда ничего не слыхала про таких.

Вообще-то, Вильяра и про Иули толком не знала, пока кузнец не показал ей свою находку, а она не начала расспрашивать Нельмару. Даром, что росла на Ярмарке, рядом с древним Домом Иули, ныне — Пещерой Совета. Многие поколения охотников смешали сказки с враками, опасных чужаков — с Тенями и чёрными оборотнями. Но про Теней с оборотнями знахаркина дочь хотя бы слышала. А про озарённых солнцем никто ей ни разу не сказывал... Или она сдуру пропустила мимо ушей?

Альдира хитро улыбнулся:

— Память Нельмары глубока и обширна, словно океан. Марахские травы сделали нашего хранителя знаний чрезвычайно болтливым. Мы с ним и ещё несколькими мудрыми вчера славно посидели в трактире. Я послушал и задал старейшим кое-какие вопросы. Расклад сходится. Сон Нимрина — ещё одно подтверждение. Нимрин сам не воевал в ту войну, он гораздо моложе. Скорее всего, кто-то наслал ему видения.

— Став Повелителем Теней, Нимрин получил память того Иули, которого нашли на алтаре. Возможно, тот Иули был достаточно стар. При чём здесь ещё какие-то Асми?

— Возможно, не при чём! Ты знаешь своего воина лучше меня. Как ты думаешь, Вильяра, почему Нимрину приснилась древняя война? Почему — она, а не стычка в Пещере Совета, не путь в круг, не Великая песнь, которая далась ему так тяжело и так дорого? Ты помнишь сказку про страшные сны Канрары?

— Помню. Да, возможно, ты прав, Альдира. А ещё я доверяю свидетельствам моих охотников. Тунье не померещилась вспышка у Камня. Зуни почуял солнечный след. Кто-то

здесь побывал, правда. Удивительно, что раньше мы никогда не встречали подобных следов!

— Вовсе не удивительно, если древний Иули на алтаре был, в какой-то мере, противовесом Асми. И знай, Вильяра, я очень не хочу увидеть на том же алтаре нашего Нимрина.

Вильяра возмущённо фыркнула: конечно, она не желает своему воину такого ужаса. Она... Тряхнула головой, отгоняя жутковато-навязчивую мысль: не об этом ли толковал ей Пращур? Она знобко передёрнула плечами, представив себя на месте Нарханы... Фыркнула совсем сердито.

— Скажешь тоже!

Однако как же ей свербит — обсудить с Альдирой свои сны! А Пращур не велел болтать! И в сказках сказывают, нарушителей его воли ждёт недоброе. Пращур не мстит, он просто не является больше. Зато удача покидает слушников навсегда.

Альдира смотрит на свою временную ученицу очень пристально, чуть исподлобья. Будто он тоже что-то про неё понимает, да помалкивает... Резко сворачивает разговор на приёмы счёта: упражнения в вычислениях занимают двух мудрых до темноты.

Солнце село, похолодало и завьюжило, пора уходить от Камня. Поесть, отдохнуть — снова петь над больным. Вильяра начинает подниматься, но Альдира придерживает её за руку:

— Погоди, Вильяра. Старый прошмыга завещал тебе своё логово при Ярмарке. Уходя, он просил, чтобы я обязательно проводил тебя туда. По-моему, сейчас самое время. Хранительнице Вилья не помещает убежище вблизи Пещеры Совета, на перекрёстке трактов и морских путей. Можешь потом поселить в логове кого-нибудь из старейших, как твой предшественник — старого прошмыгу. Но пока пусть оно будет твоим.

Вильяра приоткрывает рот, чтобы ответить. Мол, дорогу в то логово я и сама найду... Но нет, она не желает идти туда одна. Она рада любому живому спутнику. Альдире — особенно. Она говорит:

— Пойдём.

А вынырнув с изнанки сна, первым делом поднимает крышку знакомого сундука. Достает снизу бусин — заготовок для ключей. Находит среди них пёструю морскую гальку. Выплывает чёрный шнурок из узора на запасной куртке Латиры, сиротливо висящей на стене. Нанизывает бусину на шнурок и вешает себе на шею. Никаких чар в шнурке и гальке не ощущается. Но подвеска — точно такая же, как старый прошмыга подарил Вильяре во сне... Знахаркина дочь уверена: подвеска — та самая! Чуть слабее боль безвозвратной потери, чуть теплее в груди. Слезы текут из глаз, Вильяра их не сдерживает. Альдира тихо присутствует, не смущая скорбящую ученицу ни словом, ни взглядом, ни вздохом. Удивительно он умеет молчать.

— Мудрый Альдира, я хочу, чтобы это логово было и твоим тоже. Если тебе вдруг надоест твоя каморка в Пещере Совета...

— То я с радостью загляну к тебе в гости, о прекрасная Вильяра. А пока нас ждут дела. Если понадобится помощь или совет — зови меня в любое время дня и ночи.

— Мудрый Альдира, пожалуйста, погоди уходить! Позволь спросить тебя прямо сейчас, по праву ученицы. Скажи мне, ты знаешь, кто утвердил закон: не поминать мёртвых по именам? Или это знает только Нельмара?

Мудрый удивлённо приподнял брови, однако ответил:

— Это не закон, а обычай, который вырос на моих глазах, недавно. В доме, откуда меня призывали, каждый охотник знал имена предков и мог вслух, без запинки перечислить их. Я помню пятьдесят восемь колен отцовского рода и шестьдесят три — материнского, а у кого-то выходило и больше. Дураки кичились, умные просто хранили память и передавали детям. За беззаконие мы тогда почитали — призывать умерших обратно на пути живых. Заклинать их наяву, искать встречи с ними на изнанке сна, а не просто называть по имени!

— А потом? Что случилось потом? — настойчиво переспросила Вильяра.

— Да вроде бы, ничего не случилось. Как-то постепенно охотники перестали обучать своих детей родословию. Насколько я замечал, в одних кланах и домах это произошло раньше, в других — позже. Большинство Альди по сей день не забывают предков, только стали заменять имена прозвищами.

— Насколько замечал — ты?

— Я не любопытствовал нарочно. С тех пор, как я отсёк собственную родовую ветвь, мне стало неуместно копаться в чужих корнях. Дело каждого рода, кого и как им поминать. Мудрые в такое не вмешиваются. Насколько я знаю, даже беззаконным Наритьярам не было дела до охотничьих родословий.

— То есть, запрет на имена исходил не от мудрых? Не от Совета, не от старейших?

— Нет, — твёрдо припечатал Альдира. И раздумчиво добавил. — Возможно нам, мудрым, предстоит искоренить этот обычай, как поганый, вредный. Тем, кто уходит к стихиям, им уже всё рано. А надёжные и верные хранители наших снов не заслужили забвения. Мы же лишь ругаемся безымянными щурами, и всё.

— Да уж, как-то неловко!

Любительница помянуть предков заковыристой бранью впервые задумалась, как это выглядит с их стороны. Хотя, Пращур утверждал, будто живые и мёртвые желают разного и совсем не понимают друг друга. Но Вильяра с Латирой даже без слов договорились. И мама...

— Альдира, скажи мне, а давно ли хранители снов стали немые? Ведь в сказках охотники, зачастую, беседуют со щурами, а щуры — с охотниками. Они говорят и понимают друг друга. Или это не сказки — враки?

— Нет, не враки. Так было, только очень давно. Основатели Совета Мудрых прочертили борозду, отделяющую живых от умерших. Борозда росла и постепенно стала пропастью... Спасибо, ученица, что спросила меня об этом. Позже я постараюсь ответить на твои вопросы так, как пристало учителю. А за ужином мне будет, о чём расспросить Нельмару. Или пойдём вместе, сама его спросишь? В трактире Ласмы и Груны тебе будут рады.

— Не сейчас! — мотнула головой Вильяра. — Мне пора к Нимрину.

Конечно, Вильяра очень скоро объявится на Ярмарке! Лучшее место, чтобы показаться на глаза сразу многим охотникам. После они разъедутся по домам, расскажут, что их мудрая жива и бодр. Клан перестанет чувствовать себя сиротой... Но не сегодня.

Ночь Вильяра провела рядом с больным. Песни, очевидно, шли Нимрину впрок: смертной безнадёгой от него больше не веяло. До выздоровления, как до весны, но колдунье уже не надо петь над ним непрерывно, выкладываясь в полную силу. Чужак вернулся со щуровых троп, его тело припоминает, как лечить самоё себя. Теперь Вильярина задача: поддержать его, не сбивая с толку излишним целительским рвением.

Между заботами о Нимрине мудрая успела позаботиться о себе: поесть, ненадолго

сходить к Камню, отоспаться на лежанке Туны. Лениво, медленно пробуждаясь, Вильяра с удовольствием слушала, как Рыньи развлекает Иули сказкой про похождения Канрары. Мальчишка ловко сплетал слова, подыгрывая голосом. Приятно послушать, жаль прерывать.

В ту страшную зимовку знахарка Уюни совсем не рассказывала дочери сказок. Вдалбливала ей все премудрости своего ремесла, заставляла учить, без конца переспрашивала, проверяла. В пустом, вымершем доме им отчаянно не хватало, на ком оттачивать целительские навыки. Но мать ловко плела видения, и к весне маленькая Яли знала о лечении двуногих больше, чем иные взрослые. Летом на Ярмарке она быстро добрала недостающий опыт...

А вот сказок — сказок ей до сих пор ужасно не хватает, хотя на Ярмарке их тоже немало сказывали! Это ведь не только удовольствие слушать. Это общая память всех охотников. Это прошлое Голкья, из которого тянутся следы в будущее. Досадно не различать следов, которые узнаёт любой. Для мудрой — не просто досадно: опасно. Предания мудрых точнее охотничьих сказок, но уже, как вершина горы уже её подножия... Эх, жаль, за собственной хворью и лечением Иули Вильяра упустила возможность, не застала старейшего Нельмару в говорливом настроении! Или ещё не совсем упустила?

Поручив Нимрина заботам Рыньи, Вильяра отправилась завтракать в трактир к Ласме и Груне. Изнанкой сна — в логово Латиры, оттуда — пешком по замёрзшему заливу.

Тропинки, лыжни и санные следы от береговых пещер быстро сплелись в утопанную колею, которая почти не уступала тракту, проложенному мористее. Снежные стены выросли вдоль колеи, заслонили окоём, загородили от промозглого ветра, несущего с моря запахи открытой воды.

Над правой стеной, всё ближе и ближе, высились самые большие в селении купола: тот самый трактир. Вильяра поспешила свернуть в переулок — через пару поворотов поняла, что заплутала. Снежный посёлок на льду залива каждую зиму отстраивали заново. В этом году мудрая забрела сюда впервые. Ну, да ничего, сейчас попадётся кто-нибудь навстречу, подскажет путь.

Колдунья пошла медленнее и едва не споткнулась о вытянутые поперёк проулка ноги. Двое рослых, добротнo одетых архан дрыхли, облокотившись друг о друга и о стену. Странное место они выбрали для отдыха! Конечно, здоровый охотник переночует под открытым небом и не кашляет... Если перед тем не перебрал марахской травы! Вильяра наклонилась над ближайшим засоней: проверить, всё ли с ним хорошо. Архантин тут же приоткрыл ярко-золотые глаза, смерил женщину острым, не одурманенным взглядом, лениво махнул рукой в толстой рукавице, мол, проходи мимо.

— Я иду к Ласме и Груне, в трактир. Это туда? — спросила его Вильяра.

— Обратнo, до второго поворота направо, потом налево, — буркнул архантин, щурясь на неё против света.

— В Снежных норах вам было бы теплее и удобнее, — подсказала Вильяра в качестве ответной любезности.

— Нам и тут хорошо. Иди уже, красавица... Ой, прости, о мудрая! Не заметил сразу твою серёжку. Наверное, ты — сама Вильяра, хранительница сих гостеприимных угодий? Позволишь нам с братом подремать тут?

Вильяра коротко кивнула, подтверждая и позволяя. Конечно, охотник ведёт себя не

слишком почтительно, но не настолько, чтобы его наказывать: она же не Наритьяра Старший! Арханам на ярмарке мудрая не рада, велела всем убираться в родные уголья. Но эти двое не выглядят бродягами, скорее — почтенными купцами. Такие легко находят дом, где зазимовать... Тем более, странная прихоть: спать на снегу в переулке, ну да ладно. Второй арханин так и дрыхнет, даже ухом не повёл. Может, это он нагрузился дурманом? Но вроде, не пахнет... Вообще, оба почти не пахнут, будто недавно чистились ворожкой... Колдуны, крепкие телом и одетые тепло, один — несомненно трезвый. Нет, их здоровье — точно не Вильярина забота. Мудрая развернулась и побрела назад, высматривая нужные повороты.

Путь ей указали верный. Зажатая между стен тропа нырнула под арку: лесенка вниз, лесенка вверх — первая зала. Самая холодная, обычно она давала приют всякому бездомному и калечному сброду, но сейчас пустовала. Во второй тоже сидело не больше двадцатки охотников. Мудрую узнавали, вставали и кланялись, наперебой желали здоровья. Вильяра коротко отвечала и шла мимо. Прошла трактир почти насквозь, завершив путь в зале с большим столом посередине. Пятеро мудрых приветствовали сестру по служению, не вставая. Хозяева трактира поднялись и поклонились, Ласма придвинула к столу ещё один стул. Вильяра уселась, бросив взгляд на пустое место и полупустую площадку рядом с Нельмарой. Принюхалась, фыркнула, велела принести ей разваренную сыть и немного мясной похлёбки. Без пряностей! Альдира с другой стороны стола одобрительно подмигнул.

Нельмара скользнул по Вильяре отрешённым, плывущим взглядом, откинулся на спинку стула и с полуслова продолжил предание об одиннадцати основателях Совета Мудрых.

И голос сказителя подобен был вою метели, и плетение слов его подобно сплетению корней, и образы сказуемого, подобно морским валам, вставали перед ошеломлённо внимающими слушателями...

Вообще-то, мальчишка Рыньи сказывал живее. Зато хранитель знаний излагал стародавние события в таких подробностях, каких Вильяра отродясь ни от кого не слыхала. Она развесила уши, и даже еду, принесённую Груной, заметила не сразу... Лишь когда у неё в животе громко заурчало, и Нельмара смолк, озираясь по сторонам, будто разбуженный.

Мудрый упёрся взглядом в площадку давно отсутствующего соседа, недоумённо хлопнул ладонью по сиденью пустого стула:

— Что-то я не припоминаю, Наритьяра не говорил, куда он пошёл?

— Говорил. По нужде, — отозвался Тринара. — Давненько его нет, однако!

Мудрые переглянулись, Альдира встал и раскатисто рывкнул:

— Всё! Волею временного главы Совета, повелеваю! Больше никакой марахской травы! Мудрый, уснувший в отхожем месте, это уже полное поганство.

— Чтобы не сказать, беззаконие, — усмехнулся старейший Гунтара, скиталец по чужим мирам, которого Вильяра почти не знала.

— Сейчас я за ним схожу, и... — прорычал Альдира.

Нельмара, внезапно побледнев, начал судорожно выдираться из-за стола, путаясь в ногах и ножках.

— Альдира, он не спит, он...

— Что? — резко обернулся глава Совета уже с порога залы.

— Он... Я послал ему зов... Его больше нет среди живых.

— Что!?! — вскричали все.

— Мудрый, утонувший в навозной яме, это, уж точно, полное беззаконие, — протянул Гунтара, берясь за голову. — Стоило мне возвращаться на Голкья с той стороны звёзд, чтобы застать здесь такой разор!?

Альдира с Вильярой обменялись быстрыми взглядами, и хранительница угодий сорвалась вслед за главой Совета. Её угодья, что бы здесь ни случилось! Она догнала Альдиру в длинном коридоре, прорытом в снежной толще, молча побежала следом.

В закуток с дырой в полу двое мудрых ввалился вместе. Наритьяра был здесь. Он не уснул, не утонул. Его убили. Скрюченное тело в приметной рыжей куртке — на коленях, из-под лопатки торчит рукоять ножа. А широкий стальной топор на длинном топорище убийцы прислонили к стене... После того, как отрубили им голову и сбросили в неглубокую яму, на кучу мёрзлого дерьма. И кровь уже схватилась ледком.

От смешанной вони нечистот, крови, дурной травы и дурной смерти Вильяру замутило. Она оперлась на стену, судорожно сглатывая, переводя дыхание:

— А я-то думала, не увижу ничего отвратительнее, чем головы друзей на колах!

Альдира что-то пробурчал про осквернённые Камни и предел беззакония.

— Но кто же сумел!? Мудрого! — не желая верить собственным глазам и носу, спросила Вильяра

— Дурного. От марахской травы, — отозвался Альдира. Присмотрелся к оружию, спел пару коротких песенок. — Отравленным ножом. Заговорённым топором. Они отлично подготовились и выгадали время.

— Кто — они? — прохрипел от входа в закуток подоспевший Нельмара.

Вильяра посторонилась, пропуская старейшего, но тот застрял на пороге, шатаясь от горя, гнева и остатков дурмана. Застрял — или не стал путаться у Альдиры под ногами, пока тот, угрожающе спокойный, будто лавинный склон, изучает следы?

— Это сделали архане. И они были уверены, что творят не беззаконие — правосудие, — заключил, наконец, Альдира.

— Правосудие? Это? — скорбно спросил Нельмара.

— На Арха Голкья примерно так изгоняют... Например, за детоубийство. Я вижу разницу. Но здесь-то они не всем домом — на беззаконника, а двое непосвящённых колдунов вышли на мудрого. Они убили его без оглашения вины, мгновенно, иначе не справились бы. Но для живых, кто найдёт тело, оставили ясные знаки.

Вильяра в очередной раз задавила тошноту и спросила:

— Альдира, я не пора ли нам вернуться в залы? Поискать этих шурами зацелованных мстителей? Если они уверены, что правы, может, они до сих пор там сидят?

— Может. Идём.

Вышли в коридор. Альдира замуровал вход в закуток короткой, злой снежной песнью. Благо, это не единственное в трактире отхожее место, а чистое, для почётных гостей... Было.

Мстители не стали никого дожидаться. Однако завсегдатаи трактира запомнили арханских купцов, которые сидели вот в этой зале, вот с этого краю и в полный голос обсуждали, как бы половчее утопить в навозном колодце рыжего Наритьяру. За всех, кого поганый клан обездолил и погубил! И чтобы Наритья тоже остались без мудрого, а потом несколько вёсен маялись с недоучками! Да ещё, чтобы всем посвящённым напомнить: они не бессмертны! Пусть не забывают, могущественные выскочки, кто кому призван служить!

Охотники слушали дерзкие речи, некоторые поддакивали. Ни у кого и мысли не мелькнуло, что купцы перейдут от слов к делу! Мудрых-то клянут чаще, чем погоду. Но покушаться на хранителя, даже чужого клана — всё равно, что звезду с неба сорвать и ногами затоптать.

— Они, что, правда? Убили? Рыжего? Который нам тут сказки сказывал и плясал? Певца Величайшей песни? — шерсть дыбом, потрясение в глазах всех охотников, даже самых бывалых.

— Мы пока выясняем, что произошло, — с каменным лицом ответил Альдира.

Вильяра добавила:

— Кто снова заметит этих архан, шлите мне зов немедля. И расскажите-ка нам все их приметы! И кто про них что знает?

Охотники загомонили наперебой. Нет, никто из присутствующих не припомнил, чтобы эти купцы появлялись здесь раньше. Самая яркая сегодняшняя примета — огромный топор работы мастера Лембы, с которым не расставался желтоглазый арханин. Но и узоры на одежде у них были прелюбопытные. Некоторые даже прочесть никто не смог.

Молодая охотница протянула Вильяре связку шнурков:

— Вот такие у них обоих были узлы на груди. Я близко сидела, рассматривала и вязала, чтобы запомнить. Желтоглазый, с топором, хмурился, а второй, сероглазый, улыбнулся и подправил моё плетение. Я его спросила, что означает узор? Тут уже оба рассмеялись, мол, мы не скажем, но ты сама скоро узнаешь.

Вильяра расправила узор на ладони — громко и крайне неласково помянула щуров. Она сегодня видела такие же! Значит, вот об кого она споткнулась? Вот кто ей дорогу в трактир указывал?

Зверь Груны, обученный искать потерянное и украденное, легко взял след из зала, где завтракали купцы. Мимо замурованного Альдирой отхожего места, длинным запасным ходом, зверь выбежал в тот самый проулок, где Вильяра видела двух архан. Покрутился возле подтаявших лунок в снегу — лёг в одну из них, прикрыв нос пушистым хвостом.

— Конец следа, — подытожил трактирщик.

Альдира с Вильярой осмотрели всё вокруг, переглянулись.

«Отсюда они ушли изнанкой сна», — сказала Вильяра.

«Или спели «морозную дымку» и потопали дальше ногами?» — предположил Альдира.

«Нет. Я же их видела! Они не заматали следы, только почистились от крови. Они дрыхли на снегу, как у себя дома, на лежанке. Я немного помешала им, но желтоглазый не испугался, даже признав во мне мудрую. Спровадил меня и снова уснул, куда им было нужно».

— Поищем, откуда заявились эти поганцы? — напомнил о себе Груна.

Чуткий зверь взял обратный след и, сделав круг, вывел к тем же лункам. Двое архан пришли на ярмарку с изнанки сна и туда же потом убралась.

— Щуровы сновидцы! — сплюнул в снег Груна, донельзя раздосадованный, злой и напуганный. Ведь беззаконие приключилось не где-нибудь, а в его трактире! Что дальше-то будет?

— Щуровы купцы! — ругнулся Альдира. — Бездомный дом, неведомый клан! Подкаменники ползучие, скользкохвостые! Чтоб вас валуном придавило да лавой накрыло!

— Щуровы архане! Я запрещу им появляться в моих угодьях, закляну и прокляну...

— Эй, Вильяра, остынь!

— Для тебя и твоих Альди я сделаю исключение. А все эти Скунда, Рийи, Тхи... Погани беззаконная!

— Даже если окажется, что эти двое — из Скунда, Рийи или Тхи, то имей в виду: они —

купцы. Сами по себе, себе на уме. В родных угодьях их по полжизни не видят... Однако, солнце к полудню, а тебе, Вильяра, даже позавтракать не удалось. Иди-ка ты, ученица, к своему Иули.

— А ты, Альдира?

— А я — за старейшими, в Пещеру Совета.

И добавил безмолвной речью: «Нельмара совсем плох. Не хватает нам потерять ещё и хранителя знаний!»

«Погоди, Альдира! Я хочу найти этих выползков по горячим следам, и я их найду. Если они обронули здесь хоть шерстинку... Помнишь поисковую песню, которой Нимрин всех нас научил?»

Вслух она велела трактирщику:

— Груна, возьми зверя и обойди селение. Все улицы и все жилые пещеры! Вдруг подсечёшь более старый след. Пошли кого-нибудь к Уми, пусть расскажет, кто и когда купил самый большой топор мастера Лембы? Расспроси ещё: вдруг, кто-то знает этих архан? Чтс бы ты ни нашёл, пришли мне зов.

Трактирщик тяжело вздохнул, свистнул зверю и отправился выполнять поручение мудрой. Проводив его взглядом, Вильяра присела на пятки, лицом к снежной стене, где виднелся чуть подтаявший отпечаток спины желтоглазого. Вот налипли шерстины от его белоснежной куртки, а вот здесь была голова... Пышная грива, с едва заметной рыжиной на самых кончиках ости...

«Нашла! Альдира, я их нашла!»

С горячечной поспешностью колдунья принялась обирать со стены волоски: один, другой, третий... А вот и немного посерее, от второго арханина! Один, два... В общей сложности, набралось семнадцать шпук. Один Вильяра тут же сожгла: увы, впустую. На день пути от ярмарки искомым архан не было.

«Дай мне!» — велел Альдира. — «Искать надо не здесь, а на Арха Голкья и островах. Растягивать сеть с опорой на Камни».

«Ты уверен?»

«Нет. Но предполагаю, откуда растёт этот хвост. Помнишь, у кого уже хватало поганства — покушаться на певца Величайшей песни?»

«У тех, кто ловил Нимрина? Ты же сказал, им больше не до глупостей!»

«Возможно, я ошибся, недополоскал кое-кого в океане. Но эту ошибку я буду исправлять сам. А ты побереги Иули и поищи след купцов в доме у Синего фиорда.»

«Их там нет, я только что проверила.»

«Архан там сейчас нет. Но их там могут знать, как знали синеглазого.»

На том и договорились. Вильяра отдала Альдире свою добычу, закрыла глаза — миг спустя открыла их на Ярмарочной горе, возле Чёрного камня. Потратилась на поиск, нужно скорее восполнить силу. Какая разница, где? А и любопытно взглянуть, как изменила знакомый Камень песнь Равновесия...

Кто же знал, что тихо посидеть под Камнем ей не дадут? Стира спозаранку привёл на гору всех своих подопечных и наставлял их в обращении с колдовской силой. Как бы даже не они — ей, а Вильяра им помешала.

Мудрые приветствовали друг друга: Стира был церемонен, суров и невозмутим, как всегда. Смерил Вильяру взглядом, который прежде казался ей сердитым, но нет, просто

изучающим. Слегка поморщился на её встрепанный вид, но ничего не сказал, даже безмолвной речью. Лемба, Тида, Анта и Раска дружно поклонились хранительнице клана. Выпрямились — остались стоять рядком. Вильяра медленно переводила взгляд с лица на лицо. Следуя примеру наставника, предызбранные к посвящению старались сохранять невозмутимость. С разным успехом! Лучше всех получалось у Тиды, хуже всех — у Лембы. Противоречивые чувства терзали кузнеца, ужасно противоречивые! Вильяра думала оттянуть эту встречу, отложить окончательный выбор. Камень свёл её с предызбранными, когда она сердита, голодна и спешит. Зачем?

— Мудрый Стира, позволь мне переговорить наедине с учеником твоим Тидой?

Лемба нахмурился, парень с девчонкой весело переглянулись, Тида продолжал хранить бесстрашие, лишь на миг взблеснул глазами.

— Говорите, — позволил Стира. — Если заберёшь его куда-то, потом верни.

— Нет, мы просто посидим в сторонке, — сказала Вильяра.

Они молча обошли Камень и сели друг против друга на снег. Вильяра смотрела в глаза тому, чьё место она заняла три года назад. Тида держал взгляд, привычно, умело скрывая малейшие проявления чувств. Не знает, чего от неё ждать? Не торопится произвести впечатление на мудрую, кроме того, что завидно владеет собой?

Вильяре, первой, надоели молчаливые «гляделки». Она улыбнулась: легонько, краешками губ, и спросила:

— Тида, счастлив ли ты в купцах?

Он ответил мгновенно:

— Не жалуюсь, порожняком обозы не гоняю.

Выпустил наружу капельку самодовольства — вновь укрылся за непроницаемой завесой. Ну не петь же над ним песнь Познания!

— Тида, а желаешь ли ты посвящения в мудрые?

На этот раз он долго медлил с ответом, что-то про себя обдумывая и решая. Вильяре даже неуютно стало под его взглядом: пристальным, холодным, расчётливым... На тех, кого почитают выше себя, так не пялятся! Да, знахаркина дочь младше купца Тиды по годам. Насчёт жизненного опыта она могла бы поспорить, однако спор выйдет, очевидно, дурацкий. Перебить неблагоприятный для неё расклад колдовским могуществом? Обломать строптивного силой, как поступал недоброй памяти первый наставник?

Тида, наконец-то, заговорил — Вильяра наострила уши, напрягла колдовское чутьё до предела.

— Желал ли я? Желал. Как жених — свадьбы. Но те снега давно утекли в море, — горечь сожаления, — Если ты выберешь меня, о Вильяра, и если я переживу обряд, я стану тебе верным помощником, — кислватый привкус лжи. — А если ты отпустишь купца Тиду гонять обозы, я буду благодарен тебе до конца жизни. — чистейшая, незамутнённая правда.

Вильяра улыбнулась шире, тоже принимая решение:

— Я отпущу тебя, Тида. Только не сей миг: мне нужна помощь купца-колдуна.

Он сдержал вздох облегчения, лишь немного расслабил напряжённые плечи.

— Будто бывают купцы — не колдуны! — почти усмешка. — Что за помощь тебе нужна, о мудрая?

— Я желаю разыскать этих двоих. — Вильяра сплела видение дремлющих под снежной стенкой охотников. — Скорее всего, архан. Скорее всего, купцов.

— А давно ли ты видела их, о мудрая?

— А это важно?

— Сама решай, важно, или нет. Последнее, что я слышал об этих удалых братцах, будто весной они угодили под лавину. Из большого обоза уцелели единственные сани, и это были не их сани.

— Я встретила их сегодня, на ярмарке.

— Значит, повезло. Откопались, — пожал плечами охотник, не выказывая ни радости, ни огорчения.

— Как их зовут, Тида?

— Ракта и Ташта.

— Откуда они?

— Из Рийи, но торговать предпочитали в угожьях Наритья, Джуни и малых марахских кланов.

— Чем они торговали?

— По преимуществу, тем, что можно унести в котомке за спиной. Редкими травами и снадобьями, колдовскими и просто красивыми побрякушками, зачарованным оружием. Зачаровывали сами, в этом они тоже мастера.

— А где они зимуют, ты не знаешь?

— Нет. А зачем они тебе, о мудрая Вильяра?

— А это имеет значение?

— Если ты, мудрая, желаешь совета, лучше не имей с ними дела.

— Они торгуют гнильём?

— Нет, товары у них безупречные. Они сами... странные.

— Вот за одну «странность» я и желаю с ними рассчитаться! — негромко, но грозно рыкнула Вильяра.

Тида впервые за разговор открыто ухмыльнулся:

— Многие ищут их именно за этим! Где братцы ни объявятся, жди какого-нибудь поганства. Если бы не лавина, то Джунира ещё весной объявил бы их вне закона.

— Я услышала тебя, Тида. Благодарю! Ещё один вопрос: желаешь ли ты дальше учиться у Стиры мудрого? Или отпустить тебя прямо сейчас?

Он пожал плечами:

— Мудрый Стира повторяет то, чему меня учили прежний Вильяра и хранитель ярмарки. Что пригодилось мне в жизни, то не нуждается в повторении. Прочее я забыл за ненужностью и не рвусь вспоминать. Отпусти.

— Иди. Пришли мне зов, если ты встретишь этих двоих или что-нибудь узнаешь о них.

— Благодарю тебя, о мудрая.

Тида низко, почтительно поклонился Вильяре на прощание, и его почтительность больше не вызывала сомнений. Упругим шагом, лёгкой побегой Тида припустил с горы, по тропе к ярмарке. До перегиба склона он ни разу не оглянулся.

Вильяра тяжело вздохнула и послала зов Стире: «Я отпустила Тиду. Он не годится.»

Стира не замедлил с ответом.

«Он был хорош три года назад, — Вильяре померещилось недосказанное «лучше тебя», — Да перезрел, перегорел.»

«А что ты скажешь об остальных, мудрый Стира?»

«Если Тида не годится, то не годится никто из них. Твой любезный кузнец слишком

привязался к огню и железу. Его дар ярок, но удручающе однокбок. Выправить можно, да хватит ли тебе на это власти, а ему — терпения?»

«Я поговорю с ним... Не сейчас. А подростки?»

«Вспомни себя и Лембу три года назад. Одарённые, схватывают всё на лету, но не хотят учиться, а хотят пожениться. Прости, я не уследил, как они прикипели друг к другу. Заметил — погадал на них: дружная была бы семья.»

«Надеюсь, весной будет.»

«Ты их тоже отпускаешь, о Вильяра?»

«Пока нет. Никому из них не помешает твоя наука. Однокбок — особенно. Но мы не станем спешить с посвящением. Я отпущу всех троих, если найду кого-то более подходящего. Прости меня, Стира, что я взвалила на тебя этот груз.»

«Так не ты же его на меня взвалила, а глава Совета. Я погоняю твоих, потом будет легче со своим. Мне же тоже положен Младшенький, а я давно никого не учил.»

«Спасибо тебе, Стира.»

«А скажи-ка мне, соседка, на твоё спасибо. Что у тебя случилось, прежде чем ты выскочила к нам с изнанки сна?»

«Не только у меня. На ярмарке убили Наритьяру. За подробностями — к Альдире, а я — за едой, пока остатки кишок не завязались в узел!»

Даже любопытно было бы взглянуть, сохранил ли Стира видимую невозмутимость после такого известия? Но Вильяра поблагодарила Камень, свернулась клубочком на снегу и поскорее нырнула в колдовской сон.

Ложку мясного отвара себе, ложку — Нимрину.

С ночи чужак ещё немного оклемался. Глотает похлёбку, не отказывается. И взгляд стал живее, осмысленнее, острее.

— Хватит, Вильяра. Спасибо. Остальное доешь сама.

Колдунья не стала отнекиваться, выхлебала остатки и с сожалением отставила пустую плошку. Нимрин заворочился в россыпи морского мха, попробовал приподнять руку — уронил её обратно.

— Что?

— Ничего, взглянуть хочу. Есть у меня руки, или совсем отвалились?

Вчера Вильяра отказалась давать ему зеркальце: краса лица — дело преходящее, маловажное. А вот без рук нет ни мастера, ни воина! Колдунья бережно взяла чужака за запястья, подвела кисти к лицу. Кажется, он попытался шевельнуть пальцами — не преуспел. Полежал, зажмурил глаза.

— Ладно, Вильяра, отпусти... Убогое зрелище! Но выглядит немного лучше, чем ощущается. Будешь сегодня петь?

— Буду. Вот прямо сейчас и начнём.

И она запела, сосредоточившись на его руках. Погнала ток силы от плеч к кончикам пальцев: чёрных, сухих и скрюченных, но всё же чуть тёплых, значит, не вполне омертвелых. Нимрин заскрипел зубами. Он уже говорил Вильяре, что ощущает ворожбу, не как привык её ощущать, а то — будто зуд и щекотку, то как жар, то как боль. Сегодня ему явно не повезло. Но пока терпит и не просит остановиться, Вильяра поёт... Ой, нет, хватит!

— Дурень! До слёз-то зачем терпеть!?

Он перевёл дыхание и вроде как ухмыльнулся:

— Большая ценность. Соберёшь — пустишь на снадобья.

— Дурень ты дурной!

Не ответил. Вильяра сложила его кисти ладонь к ладони, осторожно сжала в своих и запела, ослабив поток силы. На этот раз Иули дышал глубоко и ровно, зубами не скрипел, слёзы не текли. Значит, терпимо.

Закончив с лечением, мудрая попросила Рыньи принести ещё еды, а сама завалилась на лежанку и зарылась в шкуры. Полежала, собираясь с мыслями — послала зов Нгуне.

«Ты говоришь, Ракта и Ташта?» — переспросила безъязыкая болтушка после многословного взаимного приветствия. — «Были у нас такие знакомые купцы. Весной, якобы, погибли под лавиной в угодьях Джуни. Услыхав эту новость, мы посочувствовали щурам. Уж больно шевутные то были братцы! Но три луны назад померещилось мне, будто щуры этих поганцев не забрали. Пара очень похожих спин мелькнула в толпе на торжище. Здесь, на твоей Ярмарке, Вильяра! Я заметила — позвала одного, потом второго. Тишина и холод. Но что-то я сомневаюсь с тех пор, что братцы сдохли под лавиной. Сами-то они не однажды хвастали, будто умеют зачаровывать амулеты ложной смерти. А прятаться им было, от кого.»

«От кого?» — спросила Вильяра и долго внимала сказу о похождениях плутоватых архан на Нары Голкья, словно затейливой и страшноватой сказке. — «Нгуна, скажи, а где

они обычно зимовали?»

«То тут, то там. Они же сновидцы. Они меняли лёжки даже глубокой зимой. Думаю, даже среди Джуни осталось немало домов, где им были бы рады. Братцы с первого взгляда располагали к себе. А главное, они умели оказывать поистине драгоценные услуги. Но только если их не злить, а им самим не припадёт покуролесить.»

«А всё-таки, Нгуна, где бы ты их искала?»

«Не знаю, о мудрая. Расспрошу знакомых.»

«Да, расспроси. Разузнаешь что-нибудь, пришли мне зов.»

«Мудрый Альдира, ты слышишь меня?»

«Да, Вильяра.»

«Убийц Наритьяры зовут Ракта и Ташта. Они из Рийи, но торговали на Марахи Голкья. С весны прикидываются умершими... Мне дальше тебе рассказывать? Или ты сам спросишь Джуниру, за что он собирался их изгонять?»

«Спрошу сам. Пять шерстинок из твоих шестнадцати я потратил. Мы наскоро сплели поисковые сети, но на Арха Голкья и островах мы этой погани не нашли. Готовимся искать по всему миру. Если ты не занята, присоединяйся.»

«Пока занята.»

Вильяра ещё немного поела сама и покормила Нимрина. Уловив её настроение, чужак глядел насторожено.

— Вильяра, что-то происходит?

Она ответила с горечью:

— Да у нас всё время что-то происходит! Будто весной! Но у тебя, Иули, забота сейчас одна: выздоравливай. Хотя бы на ноги встань!

— А ты поворожи мне на ноги, как ворожила на руки, — он распрямил пальцы, пошевелил ими, сжал кулаки, комкая подстилку.

Колдунья тяжело вздохнула: придётся потом ещё раз сидеть у Камня, и запела.

Ромига безо всякой магии чувствовал разлитое в воздухе напряжение. Ночью было спокойно, утром опять что-то случилось. Вызнавать в деталях, что именно, он не видел смысла. А вот напроситься на лишний сеанс лечения, пока Вильяра не умчалась тушить очередной пожар — очень даже!

Рукам было больно, а ногам оказалось щекотно: тоже едва не до слёз. Зато теперь он не сомневался, что обе пары конечностей у него есть.

Вильяра допела и выдала указания Рыньи: что делать, если она не вернётся до ночи или до следующего утра.

Мальчишка внимательно слушал, потом вдруг спросил:

— Мудрая, а правда ли, будто последнего Наритьяру зарубили топором, побросали куски в навозную яму и сверху нагадили?

Колдунья зарычала:

— Уже болтают!?

Рыньи даже слегка шарахнулся от неё. Пояснил виновато:

— На кухне болтали, только я не поверил. Неужели, не врака?

Вильяра медленно, с расстановкой, выговорила, не прекращая скалиться:

— Мудрого Наритьяру действительно убили сегодня утром на ярмарке. Но Рыньи, я запрещаю тебе... — она на миг призадумалась, — Досочинять непотребные подробности и разносить эти слухи дальше!

Мальчишка опешил. До сего момента он не принимал известие всерьёз, а теперь расширил глаза и тихо спросил:

— Кто? Кто посмел?

— Какие-то беззаконники, — припечатала Вильяра. — Я иду их ловить.

А Ромига разминал непослушные пальцы и с тоскою вспоминал последний разговор с рыжим, на пути в круг: «Выживем — побратаемся». Песнь Равновесия пережили оба. Побрататься не успели. Холодок под сердцем — и бессильный гнев. На неизвестных беззаконников. А пуще того — на светлую погань, которая спасла от убийц своего злейшего врага, нава, но не защитила бывшего Солнечного Владыку... Эхом Ромигиных мыслей, вкрадчивым шепотком: «Бывшего. Какое нам дело до бывших. А ты, нав, мне ещё пригодишься, поэтому ты в деснице моей.»

Нав зарычал, чувствуя, как вонзаются ногти в ладони, как трескается короста на заострившихся ушах. Вильяра и Рыньи разом обернулись к нему:

— Что?

— Поймай их, Вильяра! Изгони к щурам! Пусть жизнь их будет короткой, а смерть — долгой. Жаль, я пока не могу помочь тебе в этом.

Оскал колдуньи перетёк в жуткую, яростную усмешку. А потом мудрая в пару вздохов успокоилась, прилегла на лежанку и исчезла.

Остался растерянный, перепуганный Рыньи. Кажется, мир для него только что немного рухнул. Суровый, но по-своему уютный мир, где не убивают мудрых и, вообще, редко и неохотно отнимают жизнь у двуногих.

— Рыньи, ты уже сталкивался с беззаконниками, — подсказал нав. — Ты знаешь, что с ними надлежит делать. Мудрая Вильяра — тем более знает. Давай, пожелаем ей удачи?

Ракту и Ташгу поймали прежде, чем Вильяра присоединилась к охоте. И даже раньше, чем Альдира созвал достаточно мудрых, чтобы они растянули поисковую сеть на весь мир.

А вот не зря Тринару зовут величайшим сновидцем из ныне живущих! Он подхватил тающие, ускользающие следы на изнанке сна и выдернул беззаконников из их логова: где-то аж на Лима Голкья[1]. Застал обоих врасплох, скрутил и приволок в Залу Совета.

Когда Вильяра явилась туда по зову Альдиры, Ракта и Ташта уже сидели спина к спине, накрепко зачарованные, чтобы не удрали. Двадцатка мудрых вокруг — словно голодная стая, и Вильяра присоединилась к этой стае, желая урвать кусочек. Не плоти, нет! Знания: как додумались купцы до убийства мудрого? Как дерзнули? Сами, или кто подговорил? А может, вовсе заставил, подчинив запретной ворожбой? Вильяра поспешила поделиться этим предположением с Альдирой, он отрицательно качнул головой. Чужих чар, или следов таковых, на поганцах не нашлось. Всё — сами!

Чары мудрых тоже не ломали пока волю пленников, не туманили им рассудок, не потрошили память. Только не позволяли арханам шевелить руками-ногами, призывать стихии, сбежать тропой сна.

Неужели, Альдира даёт убийцам возможность высказаться в свою защиту? Неужели

кровь мудрого, пролитая на снег и смешанная с нечистотами, может быть чем-то оправдана? Даже мысль отдаёт беззаконием! Впрочем, Вильяра сама отпустила охотника, убившего Мули, чтобы добраться до подстрекателя... Ой, не время вспоминать то, что уже завершилось. Всё внимание — на происходящее.

Желтоглазый пленник щерит зубы на мудрого Джуниру, повествующего о воровском промысле братьев-купцов. Как они торговали не только честно добытым, сделанным своими руками или перекупленным, а краденным из чужих кладовок, из чужих заветных сундучков. Двум хитроумным колдунам — никакие замки не помеха! Желтоглазому Таште благосклонно внимали стихии, а сероглазый Ракта чувствовал себя на изнанке сна уверенней, чем наяву...

Э, да он и сейчас сидит с закрытыми глазами! Неужели, всё ещё надеется отыскать слабину в заклятиях мудрых, скрыться самому и выдернуть брата? Похвальное упорство... Вильяра склонилась над пленником, дважды прищёлкнула пальцами, заставляя его разжать веки — и больше не сомкнуть. По себе она знает: глаза без моргания мучительно сохнут, но убийца мудрого заслужил наказание похуже!

«Вильяра, не мельтеши! Присядь и слушай,» — одёрнул её Альдира. — «Я подтверждаю: право скорого суда — за тобой. Но властью временного главы Совета я повелеваю тебе, обожди.»

А Джунира, между тем, продолжает рассказывать. Как с середины прошлой зимы вороватые купцы начали торговать не только чужим товаром, но и чужой смертью. К ним тайком обращались Джуни, обиженные соседями Наритья: слишком слабые или трусливые, чтобы мстить своими руками, недостаточно терпеливые, чтобы дожидаться лета, законного времени мести. Ракта и Ташта ловко подстраивали гибель обидчиков: вроде бы от естественных причин, от стечения обстоятельств. Обидчик умирал — они получали заранее оговоренное вознаграждение. Братья очень умело заматали следы, Наритьяры их не поймали, даже не заметили, что происходит. И Джунира не заподозрил бы, не проболтайся ему один из покупателей «услуг».

Услышав имя болтуна, желтоглазый Ташта сплюнул:

— Щурова пропасть! Дурень Акуна — действительно, первый, с кого мы взяли награду за мертвеца. Вернее, мы с Акуной просто побились об заклад, что выродок Наритья, который снасильничал его дочку, не доживёт до весны. Я-то просто-напросто знал, что тот урод заедается со Стурши, а такие долго не живут. Одним щурам ведомо, сам он загремел с лестницы, или серый свернул ему шею? А я тогда просто выиграл спор, — Ташта довольно ухмыльнулся, — А вот в следующий раз мы уже поспорили... Наверняка, — ухмылка стала шире. — Так что, пока ты, Джунира, поджавши хвост, ползал на брюхе перед Наритьярами и не слушал ничьих жалоб, мы вершили справедливый и беспристрастный суд. Поганью меньше, мир светлее!

Джунира сморщился, будто от песка на зубах, и не сразу нашёл слова для ответа. Альдира резко развернулся к нему, спросил:

— Охотники, убитые Рактой и Ташпой, действительно заслуживали изгнания?

Джунира скривился сильнее:

— Некоторые... Многие! Именно поэтому я не доискивался следов сам и не сообщил Наритьярам. Я смотрел в другую сторону, пока эти поборники справедливости не тюкнули по башке моего Джуни. Просто за то, что он застал их у себя в кладовке, с полными мешками краденного.

— Неловко вышло! — фыркнул Ташга, перебив мудрого. — Ракта не хотел его убивать. Но кто же знал, что у драчливого жадины окажется такая слабая черепушка!

— Мы заплатили бы виру, по закону, — хрипло проговорил Ракта.

— Или весной приняли бы вызов на поединок, от любого из родни, — добавил Ташга. — Мы без тебя разобрались бы, Джунира! А ты... Пока поганые Наритья били-грабили всех, кого видели, ты прицепился к нам за труп неудачника и пару мешков сыти!

— За девятнадцать трупов, непрерывное воровство и неслыханную наглость, — поправил Джуни. — И чтобы вашему примеру не последовали другие сновидцы.

Жёлтые глаза Ташты блеснули торжеством:

— Ага! Нашему примеру уже следуют и будут следовать! Мы-то спровадили к щурам всего пятнадцать Наритья, считая сегодняшнего. А ты, Джунира, даже следов не способен различить, не то что судить праведно! Все вы, недомудрые, сбились с тропы, следуя за незаконными Наритьярами! Нет вам больше ни веры, ни доверия! Да извергнут вас стихии посвящения!

— Однако ты, ворюга, сидишь здесь и пальцем не шевельнёшь, пока мы тебе не позволим, — напомнила Вильяра, срываясь на рык.

— О, я и моргнуть не могу без твоего позволения, недомудрая! — издевательски протянул Ракта. — Однако правда-то не в силе! Сила в правде! И ты тоже познаешь это очень скоро. Ты будешь вздрагивать от любого шороха за спиной. Ты станешь трястись, как прошмыгин хвост, в страхе справедливого, беспристрастного суда...

Вильяра начала набирать воздух для ответа, но тут Альдира рывкнул так, что прижали уши все присутствующие:

— Хватит! — глава Совета позволил эху отгулять по зале и продолжил. — Ракта и Ташга, с кем вы сговорились, что убьёте мудрого Наритьяру?

Ташга ответил легко, не задумываясь:

— С кем? Да мне же не хватит рук[2], сосчитать всех, кто при мне желал рыжему выползку сдохнуть позорно и в муках!

Вильяра не усомнилась в правдивости его слов. Что уж там, она сама не единожды посылала Наритьяр кувырком ко щурам. Всех вместе! Да, позже случились «качели смерти» и песнь Равновесия, когда Младший Наритьяра показал себя наособицу от Старшего и Среднего...

Альдира быстро задал убийцам следующий вопрос:

— Кто пообещал вам награду за смерть мудрого?

— Никто. Это наш прощальный дар Голкья, — не сказал, а прямо-таки провозгласил Ракта.

Колдунья снова не почуяла лжи. Ей ужасно не нравилась, как держатся братья: даже не нагло — уверено, с достоинством. Будто закон, обычай и правда действительно на их стороне.

— Вы собирались умереть? — спросил Альдира, не давая никому времени на размышления.

— Мы собирались на ту сторону звёзд, — улыбнулся Ракта, и добавил, не сдержав досады. — Мы просто не успели туда уйти. Жаль! Там тепло, и много дичи. Там ни одна зверюга не взяла бы наш след.

Вильяра обменялась взглядами с Тринарой, тот поморщился: «Да, они уже уходили и возвращались. В их логове много чужого. Щуровы сновидцы, не ведают ни страха, ни стен,

ни берегов!»

«Сновидцы... Мудрый, а ты сам-то, кто?»

«И я такой! Живу дольше, успел немного поумнеть.»

— Вы ошиблись, — припечатал Альдира. — И вы ошиблись не единожды. Мудрый Рийра, у тебя есть, что сказать о Ракте и Таште из клана Рийи?

Рийра выглянул из-за спин других мудрых, как белянка из норы:

— Нет, я не знаю этих двоих. Они покинули уголья Рийи прежде, чем я принял посвящение мудрого. Я их не знаю, и до рассказа Джуниры не знал об их делах. Поэтому я отказываюсь от права убежища и от права суда над этими Рийи.

— Мудрый Рийра, ты совсем ничего о них не знал? — уточнил Альдира.

Хранитель Рийи замялся и нехотя добавил к сказанному:

— Я слышал кое-что, но не поверил слухам и не обратил внимания. Мало ли, что болтают охотники, пережидая пургу.

— Мы услышали тебя, о Рийра. Мудрый Джунира, желаешь ли ты судить Ракту и Ташту из Рийи за их незаконные дела в твоих угольях?

Джунира внимательно посмотрел на пленников, прошёлся взглядом по лицам мудрых, задержался на Вильяре и ответил главе Совета:

— Я уступаю право суда хранительнице Вилья, в чьих угольях Ракта и Ташта сотворили своё последнее беззаконие.

— Мы услышал тебя, о Джунира, — тяжело вздохнув, сказал глава Совета. — Мудрая Вильяра, желаешь ли ты судить Ракту и Ташту из Рийи за убийство, совершённое в твоих угольях? Или передашь убийц мудрого на суд Совета Мудрых?

Вильяра подобралась, как перед прыжком. Альдира давал ей понять, что готов избавить её от выбора, от ответственности за выбор. Поганный выбор, на самом деле! Она сама достаточно пробыла под рукой Старшего Наритьяры и успела насмотреться на Среднего, чтобы понимать, что двигало убийцами Младшего. В то же время, Вильяра не желала, чтобы охотники так вот запросто изгоняли мудрых. Особенно не желала она вечно стеречь свою спину даже не от тех, кто лично затаил на неё обиду, а от ловких и дерзких торговцев чужой смертью.

— Я пока не приняла решение, о мудрый Альдира. Я желаю ещё расспросить этих двоих. Ракта и Ташта, скажите, что означали узлы на ваших куртках? — колдунья коснулась своей груди примерно там, где заприметила на одежде купцов незнакомый узор.

— Какие именно узлы? — переспросил Ракта. — Наши куртки были щедро изукрашены. Жаль, они остались дома! Может, позволишь мне сходить за ними, о мудрая? Я принесу — ты покажешь, о чём спрашиваешь?

Его ухмылка, в сочетании с вытаращенными, слезящимися глазами, смотрелась жутковато. Убийца, в общем, не надеялся, что его отпустят, но время тянул изо всех сил. Вильяра порылась в поясном кармашке — вытащила связку шнурков, которую отдала ей молодая охотница в трактире:

— Незачем далеко ходить. Вот такой узор.

— О, ты немножечко умеешь связывать концы с концами, — усмехнулся Ракта. — А теперь положи-ка рядом эти шнурки, свою серёжку мудрой и сравни. Или тебя не учили, что означает каждое из её плетений?

Вильяра рыкнула, не находя слов. Наставник Наритьяра, правда, не вдавался в подобные мелочи. А вот старый прошмыга Латира, любопытной знахаркиной дочке — да, показывал и

объяснял. Она просто не сообразила соотносить одно с другим.

— Молчишь и яришься? Значит, не знаешь! — восторжествовал убийца. — А я тебе подскажу! Право суда, справедливого и беспристрастного, вот что означает такой узор! Стародавние мудрые взяли право суда себе, а вы, недомудрые, упустили. Ну, раз упустили, так упустили. Кто смог, тот подобрал.

Вокруг невнятно ворчали, переглядывались и обсуждали услышанное безмолвной речью. А Вильяра, припомнив Латиру, разом обрела спокойствие. Она проговорила мягко, почти ласково.

— Я услышала тебя, о Ракта. Однако вы с братом — большие молодцы, что повязали себе шнурки, но не стали вдевать серебро в уши! А то охотники могли подумать, будто вы и весной их защитите. От паводка, от урагана, от лавы... А вы — шасть на ту сторону звёзд, и нету вас. Неловко бы вышло, правда?

Колдунья прищёлкнула пальцами перед лицом Ракты, ослабляя заклятие, а то смотреть уже больно, как он вращает глазами, лишь бы краешком закатить их под веки. Убийца, злобно зашипев, зажмурился: теперь, пока не проморгается, немного помолчит.

Второй беззаконник молчать не стал:

— Так это же ваш долг — хранить кланы от стихий! Вам за это уплачено вперёд: бесконечной жизнью и колдовским могуществом. А вы мир шатаете, вместо того, чтобы его хранить!

— Мы храним мир и судим всех, кто его шатает, — Вильяра хотела сказать, мол, так было, есть и будет, но осеклась, со стыдом и горечью. Да, так должно быть, но бывает-то по-разному... Она встопорщила гриву, сжала кулаки. — Я, хранительница Вилья, всю жизнь и могущество своё отдаю служению. Я храню равновесие стихий и благо охотников!

Ташта подмигнул ей так, будто заигрывал в плясовом кругу:

— Вот и славно, красавица! Все бы вы делали так, как ты сейчас говоришь! Может, и не пришлось бы охотникам вязать на себе давно забытые узлы.

Вильяра, наконец, вспомнила ярмарочное присловье: «пойди и переспорь купца». Фыркнула, встряхнулась:

— О мудрые, я, хранительница Вилья, услышала всё, что хотела. Желает ли кто-то ещё задать вопросы Ракте и Таште из Рийи? — Молчание в ответ. — Или споём над ними песнь Познания?

Первым отозвался Нельмара: тихо, будто тростник прошелестел:

— Пой, Вильяра, я тебе подпою.

— И я. Любопытно, чего ещё я про них не знаю? — присоединился Джунира.

— И я. Любопытно, по каким мирам их носило, — Тринара.

Альдира немного обождал, но других желающих не нашлось. Тогда глава Совета спросил:

— А ты, о мудрый Рийра, не желаешь ли познакомиться ближе с выходцами из твоего клана?

Молодой хранитель Рийи сверкнул глазами:

— Я не желаю знать эту бродячую погань... Но я подпою Вильяре.

— И я спою с вами, — подытожил Альдира.

— Песнь познания? Над нами? Да от неё же с ума сходят! — начал громко возмущаться Ташта.

— А ты думаешь тебе ещё пригодится то, что у тебя вместо ума? — зарычал на него

Рийра. — Не надо было попадаться!

Альдира лишил голоса обоих убийц, не дожидаясь ответа.

Песнь Познания поётся не быстро и не легко, ведь тот, над кем её поют, как бы заново проходит весь свой путь: от рождения, по сей миг. Когда поют над обморочным, сонным или одурманенным, видения его прошлого — добыча только поющих. Когда начинают петь над бодрствующим, он тоже впадает в транс и проживает свою жизнь заново, будто наяву. Песнь поднимает со дна памяти глубоко зарытое и накрепко забытое: болезненное, страшное, стыдное. Кое-кто трогается умом, не выдержав новой встречи со старыми кошмарами. Однако сновидцу, который поладил со своим даром, безумие обычно не грозит, и никто не позаботился поднести Ракте чашу с зельями. А брату его Таште...

— Мудрая Вильяра, я не вижу смысла петь второй раз, над Таштой: эта двойня неразлучна с рождения. Желаешь ли ты увидеть те же события ещё одними глазами? Желаешь ли ты знать мысли второго брата, как знаешь — первого?

— Нет, Альдира, я не желаю. Я увидела всё, что хотела. И я решила: я не стану передавать этих двоих беззаконных Рийи Совету. Я изгоню Ракту и Ташту сама, не откладывая. К шурам!

— Да будет так.

[1] Континент на другом боку мира. В отличие от Нары, Арха и Марахи Голкья, вытянутых цепочкой и разделённых неширокими проливами, Лима со всех сторон омывается океаном, сухого пути туда нет ни в какое время года.

[2] Купеческим счётом на одной руке считают до двадцати, на обеих — до четырёхсот.

Хранительница Вилья вывела Ракту и Ташту на лёд и погнала их к ярмарочному селению. Негоже засорять жилое место падалью, только поэтому колдунья не приморозит их в стенке прямо там, где повстречала прошлым утром. Однако все обитатели Ярмарки увидят явный и несомненный конец незаконного пути.

Над горами уже занимается заря: ярко-синими, впрозелень, полыньями среди чёрных туч. Зачарованные убийцы нехотя, но быстро переставляют ноги. По-над льдом свистит позёмка, время от времени свиваясь в вихри: числом — четыре, если хорошо приглядеться. Вильяра знает, не приглядываясь, что Альдира, Нельмара, Джунира и Рийра идут рядом, а Тринара сторожит на изнанке сна. Беззаконные братцы из Рийи не заслужили такой чести, но хорошо бы изгнать их за один раз, а не как Стурши.

Сама Вильяра переставляет ноги со всё бóльшим трудом. Шрам тянет и ноет, в животе ворочается боль. Мудрой ужасно хочется тёплого питья, свернуться клубком под пушистой шкурой, закрыть глаза и уснуть. И чтобы никто не будил до низкого солнцестояния...

— Хватит, пришли.

Повинуясь её окрику и чарам, Ракта и Ташта встали спиной к спине. Вильяра обошла их кругом, заглянула обоим в глаза. Откашлялась и запела, вмораживая ступни беззаконников в снег, в лёд.

Вообще-то она собиралась убивать поганцев долго и затейливо, по совету Нимрина. Пусть бы замерзали до полудня! Пусть бы хорошенечко прочувствовали, как прорастают сквозь тело ледяные иглы! Но увы, она слишком устала, чтобы столько времени продержаться в подчинении двух умелых колдунов, не смирившихся с собственной участью. И как ни гневается она на этих незаконных перевертышей, а боль их не приносит ей ни облегчения, ни радости. Значит, пусть катятся к шурам поскорее!

Проталины в тучах едва сменили зелень на желтизну, а всё уже кончено. Два тела слились в единый ледяной столп, только лица остались узнаваемыми: Вильяра нарочно об этом позаботилась.

Усталая колдунья отошла в сторонку и присела на снег: спиной к поганым мертвецам, лицом к Ярмарке.

Оттуда уже спешат на лыжах... Двое... Четверо... Небольшая толпа...

Так и должно быть! Выводя убийц из Пещеры Совета, Вильяра послала зов трактирщику Ласме, чтобы он оповестил охотников. Вот, подождали на безопасном расстоянии, пока мудрая доворочит, теперь бегут смотреть.

А и не только смотреть, однако. Все, кто не поленился выйти на мороз в такую несусветную рань, явились с подношениями для покойных. Ласма первым «почтил» мертвецов, помочившись им под ноги. Его жена Груна прикатила на салазках здоровенный горшок помоев — выплеснула.

Тухлое мясо... Прокисшая сыть... Гнилая рыба... Дерьмо... Ещё рыба... Надо бы разузнать потом, кто додумался до таких посмертных даров? Вильяра поспешила встать и выбраться из-под вонючего ветра.

Уважив по заслугам Ракту и Ташту, охотники старательно обтирали руки снегом. Кто умел, чистился ворожкой. Ласма и Груна подошли к мудрой, с низким поклоном

поблагодарили её за скорое возмездие поганцам, осквернившим кровью мудрого и трактир, и всё поселение.

Вильяра ответила, что исполнила свой долг: вместе с хранителями других кланов и старейшими. Исполнила сейчас — намерена исполнять впредь. Поблагодарила всех присутствующих и отсутствующих за посильную помощь в розыске убийц. Отдала кое-какие распоряжения на будущее... Тут бы самое время ей спеть Летучую, да вихрем позёмки умчаться прочь... Ладно: скрыться на изнанку сна — тоже неплохо.

Скорее к серому Камню, где когда-то отлёживался Нимрин! Ведь мудрая потратила на Ракту и Ташгу гораздо больше колдовской силы, чем рассчитывала. Опасно много! А именно у этого Камня имеется уютное, уединённое логово — иглу. Вход замело наглухо, но, чтобы расчистить его, силы хватит. И чтобы согреть, подсушить перемёрзшие шкуры. И на привычные с детства обережные песенки... Нет-нет, спать до низкого солнцестояния Вильяра не станет. Но хоть бы восьмушку солнечного круга[1]! Пить и есть, долечиваться самой и лечить других — всё потом.

Она желает уснуть глухо, без снов. А снится ей Пращур: молчаливым присутствием. Нет, даже в той пустоте, что ему — дом, она — слишком усталая, чтобы заговаривать с ним первой.

Разбудил её запах целебного травяного отвара. Странно... А, впрочем, нет, не странно: Альдира решил позаботиться об ученице. Ужасно вовремя, её до сих пор мутит и знобит. Чтобы изгнать Ракту и Ташгу к щурам, чтобы не вернулись с полдороги, ей далеко вато пришлось их провожать.

Вильяра села, приняла из рук Альдиры горячую кружку, глубоко вдохнула душистый пар и начала пить, смакуя каждый глоток, привычно разбирая, что мудрый туда намешал. Альдира молчаливо присутствовал, в точности как... Ой, не помянуть бы нечаянно того, кто запрещает болтать о себе...

— Мудрый Альдира, пожалуйста, ответь ученице. Доволен ли ты, как я распорядилась моим правом скорого суда?

Альдира улыбается едва заметно, краешками губ:

— И да, и нет, о мудрая Вильяра. Я доволен, что беззаконные братцы отправились к щурам, что они никого больше не убьют, не ограбят. Я доволен, что именно ты изгнала их, и я доволен, как ты это сделала. Я очень доволен, что обитатели Ярмарки обрадовались изгнанию беззаконников и поспешили проявить свою радость самым наглядным образом. Но я ужасно недоволен, как эта ворожба вымотала тебя.

Вильяра резко тряхнула головой:

— Не только ворожба, Альдира. Мне тошно и погано от того, как далеко зашло всеобщее беззаконие. Если уж дикие перевёртыши вяжут на себе узлы справедливого суда... Они же искренне пытались занять место, которое мы, мудрые, оставили пустым! А при том они сами, да, они сами — поганые перевёртыши! Я решила их судьбу, едва узнала, что лавину на обоз они спустили нарочно. Они погубили пятерых своих товарищей ради того, чтобы скрыться от Джуниры. Нет, такая погань не должна топтать Голкья! Даже если бы они убили не Младшенького. И не после Величайшей песни. Даже если бы они добрались до Среднего, вместо Нимрина!

Альдира слушал и кивал, соглашаясь. Дождлся, пока она замолчит, тихо и грустно

сказал:

— Да, Вильяра, эта рана ещё долго будет гноиться. Одной песней и парой примочек её не исцелишь. Но вспомни: «подарочки» поганцам поднесли не только твои Вилья. Я заметил там двоих Рийи и одного Тхи. Даже эти бродяги — на здоровой, законной стороне. А твои охотники не гоняют всех архан, без разбору. Мы исцелим эту рану, или я — не глава Совета Мудрых.

Вместо ответа Вильяра вернула ему пустую кружку и закопалась обратно в шкуры.

— Мудрая Вильяра, давай я проведу тебя в круг, как наставник? Рыньи прислал мне зов, они с Нимрином очень ждут тебя.

— Нет, Альдира, увы. Серый Камень нам с тобой не откроется. И другие — тоже. Меня теперь примет один-единственный круг. Тот, в котором я ранила себя. Если всё сложится удачно, в нём же я найду своё полнейшее исцеление.

Сказала — сама опешила, откуда взяла столько уверенности. Пращур ли вложил ей это знание? Серый ли Камень?

— А если сложится неудачно? — как ни в чём ни бывало, переспросил Альдира.

— То я останусь в круге, — и этого Вильяра не знала мгновение назад, теперь узнала.

— Щуры ещё не нашептали тебе, что именно ты должна сложить удачно? — кажется, спокойствие мудрого было напускным, хрупким, будто каменная корка над лавовым потоком.

— Нет, больше ничего такого мне не думается, не говорится, — она ещё раз прислушалась к себе. — Нет, Альдира, ничего! Но скажи, кто может заново собрать тот круг из бродячих алтарей?

Мудрый пожал плечами:

— Можем погадать: на тебя, на меня, на твоего Нимрина.

— А на тебя-то почему?

— По праву и долгу твоего временного наставника, о прекрасная Вильяра. А также по праву и долгу главы Совета.

— Давай, погадаем вечером. Ты ещё поучишь меня? Ты придёшь на закате в логово старого прошмыги?

— Договорились, приду. Если не случится какой-нибудь новой погани. А ты не возражаешь, если я прямо сейчас немного подремлю вот в этом твоём логове?

— Нет, я только порадуюсь! Ты большой и тёплый, позволь мне погреться об тебя, прежде чем я пойду лечить Нимрина?

Плохо, ему всё ещё очень плохо.

Вообще, можно ли отыскать что-нибудь хорошее в нынешнем положении Ромиги?

Ну... Он почти перестал сомневаться, что выживет и в этот раз.

А что плохого, кроме самочувствия? По пунктам? Слишком длинный список. Даже непонятно, какой пункт ставить вторым, после однозначно первого: асура на Голкья.

Ну, вот, к примеру: больной, изувеченный нав отчаянно нуждается в Вильяре. Опять и снова, как в самом начале их знакомства! Вильярины песни, буквально, воссоздают его тело, пожёванное светлым кругом, почти переваренное его собственной, Ромиги, жаждой небытия... Не бытия, асур знает, кем, как и где: поправка важна! Ромига — нуждается, а колдунья ловит очередных беззаконников.

От песенок Рыньи, по сравнению с Вильяриными, проку мало. То есть, не то, чтобы совсем никакого: нав и от малого не отказывается, не в его положении — привередничать!

А ещё мальчишка Рыньи — замечательный сказитель. В его устах прошлое Голкья занимательнее, живее и ярче свежих новостей. Все эти истории о могущественных колдунах, искусных мастерах, удачливых купцах, о прочих обитателях холодного мира, сотворивших — или натворивших — в своей жизни нечто достаточно неординарное, чтобы остаться в памяти поколений. Для внимательного исследователя все эти сказки могли бы стать кладзем информации о быте, нравах и образе мышления голки. Они и становятся, только иначе, чем обычно. Они берегут Ромигину память, поднимая из её глубин обрывки, ключья от былого всеведения Повелителя Теней. Что осталось от того всеведенья, а что ушло безвозвратно, наву ещё предстоит выяснять. Океан сырой, неструктурированной информации смутно и угрожающе плещется за хрупкой преградой из «я пока не в состоянии об этом думать». Однако Ромига уже способен, слушая сказки Рыньи, вышелушивать истинные факты из вранья очевидцев и позднейших домыслов. Он ясно ощущает грань, его увлекает игра ума...

Тунья принесла еду. С чувством времени у Ромиги сейчас примерно так же, как с ночным зрением, поэтому он не уверен, завтрак это, обед или ужин? Неважно: еда. Ему наконец-то всерьёз захотелось есть. Он глотает бульон с перетёртыми волокнами мяса, облизывается и просит добавки, потом ещё добавки. Рыньи переспрашивает, уверен ли он? Может, позже? И не пора ли перестелить морской мох? Тунья, отворачиваясь, морщит нос, в глазах мелькает брезгливая жалость.

— Тунья, дай мне зеркало, — требует Ромига тоном, не терпящим возражений.

Охотница фыркает, роется в стенной нише и достаёт просимое. Придерживает тяжёлую серебряную пластину, чтобы он не уронил... Н-да! Болезненно тощая, рябая рожа в зеркале не имеет ничего общего с холёным Мистером Безупречность. Кожу стянуло рубцами. Волосы, брови, ресницы сгорели в буйстве стихий и не торопятся отрастать. Белки глаз — в густой сетке кровеносных сосудов: выглядит жутко, будто трещины от зрачков...

— А я тебе говорила, незачем тебе на это смотреть!

Голос Вильяры прозвучал так внезапно, что Тунья выронила зеркало. Ромига вцепился в резные края всё ещё не слишком послушными пальцами — удержал.

— Оплакиваешь свою гладенькую шкурку? Дурень! — рывкнула на него колдунья. — Жив будешь, нарастишь новую.

Она заглянула в котелок с остатками похлёбки, выхватила у Рыньи ложку и жадно накинулась на еду. Выскребая гущу со дна, велела Тунье принести ещё. Та, кажется, охотно воспользовалась предложением, лишь бы убраться подальше от голодной и злой хранительницы клана. Рыньи тоже притих, насторожённо поблескивая зрачками. Ромига решил избавить его — заодно и себя — от мук любопытства. Спросил.

— Вильяра, ты поймала ту погань?

Мудрая проворчала сквозь зубы:

— Мы поймали. Я изгнала.

Лишённый магии нав не способен заглянуть в её память, не видит даже ауры, но судя по тону, дальнейшие расспросы неуместны. Как если бы над головой колдуньи полыхало неонам: «Не влезай, убью!»

С поразительно мерзким дребезжанием Вильяра отставила пустой котелок. Метнулась туда-сюда по комнате, встряхивая, потирая и разминая кисти рук. Прижала пальцы к собственной щеке — поморщилась.

Почему она морщилась, Ромига понял сразу, едва Вильяра начала ворошить этими руками его уютное гнёздышко из морского мха. Не руки — ледышки! Но не успел он возмутиться вслух, как Вильяра уже подхватила и вытащила его из короба со мхом. Переложила на свободную часть лежанки, принялась деловито осматривать, ощупывать... Хмурила брови, негромко напевая в тревожном, дёрганном ритме. То ли от песни, то ли от ледяных пальцев, бесцеремонно проминающих тело, Ромигу пробрала дрожь. Нав ещё ни разу не наблюдал Вильяру такой отстранённой и сосредоточенной одновременно. Когда колдунья перевернула его со спины на живот, он едва ли не обрадовался возможности не встречать её взгляда.

— Рыньи, выйди! Следующая песнь — не для тебя. Почую, что ты подслушиваешь, вырву язык вместе с горлом. И Тунье скажи, чтобы не заходила, пока я не позову.

Мальчишка не посмел возразить: выскочил из комнаты и дверь за собой закатил. Колдунья что-то пропела вслед.

— Вильяра, что ты собираешься делать? — с опаской уточнил нав.

— Я не собираюсь, я делаю. Я лечу тебя. Лежи смирно и терпи. Кричать, смеяться или плакать я тебе разрешаю. Шевелиться — не разрешаю, — сказала она и, не дожидаясь ответа, запела в полный голос.

Поначалу никаких ощущений: Ромига успел вздохнуть и расслабиться, смиряя озноб. Потом... Сколько нервов в организме нава? Вот если бы он раньше не интересовался этим вопросом, то узнал бы прямо сейчас, но вряд ли запомнил: отключился от боли почти мгновенно.

Пришёл в себя под тот же голос, под новую песнь, совершенно точно не в доме Кузнеца. Открыл глаза — подумал, что окончательно ослеп. Но нет, наверное, здесь просто темно. Холодно, сыро, капает вода. И Вильяра завывает так, что хочется заткнуть уши... А почему бы, собственно, ему их не заткнуть? А потому что... Руки-ноги отнялись!

Он думал, что в полной мере познал бессилие и беспомощность? Нет, кажется, предстоят очередные открытия.

— Вильяра?! — изо рта не вылетело ни звука. Ромига попытался позвать колдунью ещё раз, с тем же результатом.

Она была уже на каких-то совсем запредельных низах, едва слышно, скорее — ощутимо. Капли с потолка звонко падали в большую лужу или маленькое озеро, порождая причудливое многоголосое эхо. Ромига по-прежнему ничего не видел, но узнал ритм этой капли. Или ему показалось? Ну не затащила же его Вильяра в Дом Теней, в места тысячелетних мучений Онги? Ну, нет же?!

Ладно, по крайней мере, Ромига не привязан к алтарю. Он просто лежит, завёрнутый... Закатанный в большую рогачиную шкуру, как в ковёр, одна голова снаружи. Да, он более-менее ощущает своё тело, но шевелиться не может... Паника — не выход из ситуации! Да, иногда она пробуждает скрытые резервы... Не в этот раз!

Вильяра допела.

Несколько мгновений совершенной, оглушающей тишины. Разочарованный вздох, и вот

уже в темноте затеплился колдовской огонёк, освещая лицо Вильяры и — Ромига не ошибся — прежнее обиталище Онги.

Колдунья подошла к лежащему наву, прищёлкнула пальцами, бросила устало:

— Теперь ты можешь говорить.

Зарычать он смог, наброситься на неё — нет.

— Что! Мы! Делаем! В этой щуровой заднице?

Колдунья молча села, потом прилегла рядом: впритирку, спиной к Ромиге.

— Я звала Камень-алтарь. Увы, он не пришёл, — она то ли усмехнулась, то ли всхлипнула, предваряя следующий вопрос. — Нет, Ромига, не для жертв. Ты однажды лежал на этом Камне, и Камень лечил тебя. Он помнит тебя. Он вылечил бы тебя и сейчас, если бы явился на мой зов. А потом ты призвал бы остальные бродячие алтари, что были в Пещере Совета, и вы бы исцелили меня. А потом мы вместе придумали, как доисцелить Голкья.

— Умопомрачительный замысел! — только и нашёлся ответить нав. Его колотило от бессильной ярости и пережитого страха, но он старался говорить тихо, ровно, внятно. — Что ты намерена делать теперь, когда твои расчёты ухнули в навозный колодец?

— Мы вернёмся в дом Кузнеца, я продолжу петь над тобой, как пела прежде. Я больше не стану спешить. Это было жестоко и необдуманно — призывать на тебя изначальную стихию, в полноте и силе. Прости меня, Ромига. Как бы я ни устала ждать весны, мы с тобой не будем спешить.

— Ты звала Тьму?

— Да. Поэтому я выгнала Рыньи.

Ромига заметил, что трясёт здесь не его одного: Вильяра тоже мелко дрожит.

— Как мы попали в эту пещеру?

— Ты уже бывал здесь, и я — немножко, вместе с тобой. Я легко нашла этот Дом Теней, ведь чары Иули больше не скрывают его. Мы с тобой явились сюда изнанкой сна и так же уйдём... Прости, Ромига, я очень испугалась за тебя, — она всхлипнула и теснее прижалась к его боку.

— Я умирал?

— Мне показалось, да. Поэтому я рискнула принести тебя сюда и позвать Камень. Это тоже дурость, но я больше не повторю её. Песнь Призыва можно спеть единственный раз в жизни.

— А песнь Равновесия?

Вильяра не ответила, трясло её всё сильнее.

— Ты нарочно заколдовала меня, чтобы я не шевелился?

— Да. Чтобы ты сгоряча не проломил мне башку. Как только вернёмся в дом Кузнеца, я сниму все чары.

— Тогда возвращай нас туда... Нет, сперва погаси огонёк и подожди.

Одинокий «светляк» мигнул и покорно сгинул.

Ромига закрыл глаза. Досчитал до десяти — открыл. Снова закрыл. Повторил несколько раз, сравнивая ощущения. Увы, подземный мрак оставался для него абсолютно непроглядным. То есть, нав обошёл бы пещеру, не бодая лбом сталактиты и не спотыкаясь о сталагмиты. Тьма оставила своему непутёвому чаду достаточно подсказок: эхо, запахи, движение воздуха. Однако ночное зрение не возвращалось, и Теней в их обиталище Ромига не чувал. Ну, в общем-то, за что боролся...

— Ромига?

— Да, Вильяра.

— Тени пробуждаются. Они недовольны тем, что мы здесь. Нам пора уходить.

Нав по-прежнему не ощущал ничего: ни пробуждения Теней, ни их недовольства.

— Пора, значит, веди.

[1] Примерно три с половиной часа.

А не так уж долго они отсутствовали в доме Кузнеца! Тунья едва успела до кухни и обратно. Вильяра сама откатила перед нею дверь, забрала котелок с горячим, парящим варевом и отослала охотницу прочь.

Рыньи объявился, когда нав и колдунья доедали похлёбку. Ложку Ромига держал сам, хватит уже валяться тряпочкой!

Как здорово было бы влезть к Вильяре в мозги или учинить ей допрос с пристрастием! Выяснить, что происходит с навом, с ней самой, со всем её шурами и асурами драным миром? Что она знает и думает об этом? Но пока Ромигины возможности, мягко говоря, ограничены: он способен лишь смотреть, слушать, задавать вопросы... Тоже не мало, если умеючи.

Тем более, Вильяра не избегает беседы. Наоборот, она явно ищет возможности выговориться. Снова прогнала Рыньи и, кажется, зачаровала комнату от подслушивания.

— Нимрин... Ромига, скажи, ты слышал, как я звала Камень?

Нав отметил, что сытная еда и тепло жилого дома так и не уняли дрожь Вильяриных пальцев, глаза колдуны — солнца в День Владыки, и запах страха сочится из её пор.

— Слышал. Не всё, но кое-что. А что, я не должен был?

Она отрицательно мотнула головой, понимай, как знаешь. Спросила, требовательно заглядывая ему в глаза:

— Ты запомнил песнь? Ты сможешь повторить её, если колдовской дар вернётся к тебе?

Ромига постарался улыбнуться ей мягко, успокаивающе. Хотя, как это смотрится на его обожжённой роже — асур знает.

— Если. Пусть сначала вернётся. Скажи-ка, Вильяра, а ты надеялась, что Камень возвратит мне дар вместе со здоровьем?

— Я надеялась... Вернее... Ромига, я хочу, чтобы ты знал: никто не учил меня призывать бродячие алтари. Никто из живых или недавно умерших. Никто из моих наставников. Никто, ты понимаешь!?

Он понимал, что очень могущественная и не трусливая колдунья смертельно напугана. Но что именно её напугало?

— Никто не учил тебя? Так может, поэтому ты и не смогла?

Вильяра отчаянно замотала головой:

— Если бы! Но я уверена, моя песнь была действенной. Я не знаю, откуда, но я совершенно точно это знаю. Просто Камень не пожелал идти на мой зов. Так бывает. А вот чего я не знаю, так это повезло нам с тобой, или нет, что Камень не явился.

Нав фыркнул:

— Терпеть не могу подарков из ниоткуда! С ними вечно какие-то неприятности. Поэтому я предпочту думать, что нам повезло.

— А ещё... Ромига, я... Сейчас мне кажется, я не вполне сознавала себя, когда затащила нас с тобою в Дом Теней и запела там песнь Призыва, — она осеклась, ужас плеснул из расширенных зрачков.

Вот теперь — страшно. По-настоящему. Потеря контроля для мага её уровня — как правило, смерть. Вопрос только, чья? Теперь понятно, почему Вильяра в Доме Теней остерегалась схлопотать от нава по башке и приняла меры предосторожности. Контроль-то

она теряла, а соображалку — не вполне, значит, была втрое опасна... Опасна до сих пор?

Никаких магических возмущений Ромига не ощущает: совсем. Это сбивает ему старательно наработанные реакции. Потому он держится гораздо спокойнее, чем должен. А с другой стороны... Что ещё он может противопоставить идущей вразнос колдунье, кроме этого своего не вполне естественного спокойствия? Ведь даже в идеальной форме гарка Ромига, не факт, что справился бы с мудрой Вильярой. Не факт, что сумел её безопасно скрутить или уничтожить. А сейчас решать проблему силовым путём — как доходяге-челу переть на гарку. Зато, и полуживой Ромига вполне в состоянии затянуть простую, «детскую» песенку, которая действует на всех голки: без приложения колдовства, на одной привычке.

Вильяра охотно подхватила Зимнюю песнь умиротворения, и ей-то было, что туда вложить! Если она не экранировала комнату, небось, хватило на весь дом Кузнеца.

Допели. Помолчали.

— Вильяра, а ты можешь рассказать, что с тобою происходит, кому-то из мудрых? Посоветоваться с тем, кому доверяешь? Кого уважаешь?

Она кивнула:

— Я должна. Я расскажу всё Альдире. Я назвала его наставником, и он сейчас временный глава Совета Мудрых. Ему следует знать. С тех пор, как я ранила себя в Пещере Совета, со мной творится неладное. Я не знаю, какой вихрь подхватит меня завтра, и куда понесёт. А я не желаю становиться чем-то вроде Великого Безымянного! Нимрин, пожалуйста, выздоравливай скорее!

— Я стараюсь. Вильяра, а как ты думаешь, когда ты призывала ко мне Тьму, тебя тоже несло?

— Нет. Я просто надеялась ускорить твоё исцеление, но я переборщила. Хотя... Нет, вряд ли... Возможно, песнь старшей стихии странно наложилась на мой искажённый дар? Я не знаю.

— Вильяра, попробуй ещё раз. Осторожно. Медленно.

— Нимрин, ты спятил! Без присмотра Альдиры — я больше ни за что!

Он вздохнул с облегчением:

— Я рад, что ты это сказала. А споёшь, как пела раньше?

— Да, если ты настаиваешь.

— Да, я настаиваю.

Волны тепла и холода, мурашки, лёгкое покалывание — ничего экстремального. Кажется, Вильяра осторожничала, Ромига не возражал.

А потом колдунья переместила его в купальню или баню: небольшую пещерку, где полно горячей воды и пара. Там уже хозяйничал Рыньи, смешивая воду в огромных кувшинах. Колдунья с мальчишкой помогли Ромиге смыть с кожи всю накопившуюся за время болезни дрянь. Облегчение — невероятное! Слабость — тоже, но вопреки обстоятельствам, Ромига внезапно ощутил себя почти довольным жизнью.

Так он и уснул: чистый, укутанный в чистые шкуры. Лёгкий, как дуновение ветерка, как лунные блики на снегу...

Сияющий чертог, свет полной луны — искрами сквозь мириады граней. Камень-алтарь: Ромига повидал их достаточно, чтобы не обознаться. Тело на алтаре — асур. Их-то Ромига не встречал во плоти, но сие немислимое совершенство ни с чем не перепутаешь. Ненавистный враг лежит на спине, руки сжаты на рукояти кинжала, клинок — в сердце.

Лицо с закрытыми глазами величественно-спокойно, как у статуи. Враг не шевелится и не дышит, но считать его мёртвым преждевременно.

Три шага вперёд, повернуть клинок в ране, выдернуть и полоснуть по горлу, одним ударом отсекая голову от тела...

Нав даже не начал движения, как пол ушёл из-под ног, лавиной обломков увлекая в пропасть. Было ли там дно, Ромига так и не узнал — просто очутился в исходной точке.

Скользкий шаг вперёд и в сторону: без мыслей, без намерений, просто чтобы не стоять, где однажды провалился.

А теперь, нав Ромига, придержи-ка свои инстинкты, осмотришься и подумай. Где ты? Как ты сюда попал? По чьей воле ты здесь?

Не по своей — точно. Засыпая в доме Кузнеца, Ромига не думал об асуре: насколько возможно не думать об этой белой обезьяне. По крайней мере, нав не горел желанием повидаться с тварью немедленно. Однако они оба здесь, в этом чертоге.

Реально ли происходящее? Колдовать Ромига не может, магию не ощущает. Поэтому для начала он быстро осмотрел себя, насколько смог без зеркала. Цел, не истощён. Одет поохотничьи. Никакого оружия или артефактов. Итого: отличия от предыдущего момента, где он себя помнит, очевидны и существенны. Вряд ли у него выпало из памяти, как он выздоравливал. Скорее, это сон или наваждение... Ладно, допустим.

Лёгчайшим, плывучим шагом нав приблизился к алтарю — пол держал, не проваливался.

Что имеем здесь, кроме объекта генетической ненависти и острейшей личной неприязни? Беломраморная глыба: грубо отёсанная, с проушинами для ремней, но сами ремни отсутствуют. Привязи не нужны, лежащий на алтаре принёс себя в жертву сам. Асур смертельно ранил себя... Или не смертельно? Маловато Ромига интересовался физиологией Первых, кто же знал, что пригодится... Несомненно, рана — тяжёлая, и оставленный в ней клинок не способствует заживлению. Ключевой вопрос: алтарь вытягивает жизнь из жертвы или, наоборот, хранит её и поддерживает, как было с Онгой?

Нав сделал ещё один малюсенький шаг вперёд и коснулся Камня. Не ощутил ничего, кроме прохладной шероховатости мрамора: магическая составляющая мира недоступна, хоть разорвись! Набрался решимости, смирил отвращение и дотронулся до врага. Асур не среагировал ни на первое, осторожное прикосновение к плечу, ни на беглую проверку кое-каких медицинских показателей. Насколько Ромига смог определить без сканирующих арканов, враг в глубочайшем анабиозе.

На крепнущее желание — добить гада — пол под ногами отвечает многозначительным потрескиванием. Впрочем, Ромига и так не спешит осуществлять желаемое, припоминая, что мудрые говорили о ситуации с Онгой. Здесь ритуал, несомненно, другой, но... Пока асур на алтаре, его смерть может быть чревата. И совершенно не ясно, получится ли снять его с алтаря живым?

Как же не хватает магии! Хотя... Неизвестно, смог бы *нормальный* нав попасть в это место и безнаказанно находиться в нём?

Кстати, а что за место-то? Даже в лунном свете оно слепит бликами, до головокружения раздражает, будоражит своей чуждой сияющей гармонией. Ромиге трудно сфокусировать взгляд, оценить форму помещения и расстояние до стен. Ему кажется, он попал внутрь искусно огранённого бриллианта. А, впрочем, натёки льда немного пригасили свет, смягчили и сгладили идеальную геометрию... Это круглая башенка с заострённым куполом,

ярдов двадцати в диаметре. Прозрачные грани стен позволяют любоваться окрестным пейзажем: лунно-звёздным небом, волнистой пленой облаков далеко внизу, и торчащими из облаков горными пиками. Похоже, что алтарь — вершина высочайшего из них, башенка надстроена сверху.

Вид ночного заоблачного высокогорья до тоски похож на земные Гималаи, и Ромига замирает, прильнув к холодной стене. Злобно косится на откровенно иномирную серую луну, бьётся лбом о хрусталь: не в полную силу, но ощутимо. Асур, падаль неуспокоенная, за свидетеля: нав не готов вернуться домой таким, какой он сейчас. Резко оборачивается, будто бы услышав короткий смешок... Показалось.

Асур на алтаре неподвижен, словно изваян из глыбы, на которой лежит. Лунные блики обрисовывают совершенное существо, прекраснейшее творение Спящего. Кожа — белее мрамора, белые волосы туманными струями ниспадают с Камня и растекаются по хрустальному полу.

Кажется, эти бесконечно длинные пряди — единственное, что роднит врага с Онгой. Нет, ещё то, что и тёмный, и светлый, в не слишком-то ясном сознании пребывая на алтарях несчётные года, волосам своим позволяли расти, а ногтям — нет. Ромига фыркает, представив, как выглядело бы обратное... Онге-то всё равно: хуже некуда. А вот если Ромига примет предложение врага и уляжется на алтарь сам, то придётся внести поправку в мелкие бытовые привычки... Тьфу! Магию бы сначала вернуть!

Он передёрнул плечами, всё отчётливее ощущая себя не у хрустальной стены над горной высью, а в Доме Теней, навзничь на Камне. В руках — обсидиановый клинок, вроде тех, что делал Арайя, и *надо воткнуть это в себя*. Благодаря Стурши, Ромига отчётливо представляет, что его ждёт. Однако почему-то решил, что так будет лучше для всех. Остриё предвкушающе покалывает кожу: решил — не тyani. Резкий вздох, короткое напряжение мышц, хруст разрезаемой плоти — боль ожидаемо захлёстывает, но не угасает вместе с жизнью, а растягивается в бесконечность. Становится привычкой. Оставляет пространство для ещё более невыносимой мысли-ощущения: всё это зря...

Ромига закашлялся, не сразу вспомнив, как дышать. Отлип от стены, в несколько шагов преодолел расстояние до алтаря. Упёр ладони в Камень по обе стороны от лежащего там. Рывкнул ему в лицо:

— Нет! Не дождёшься! — чуть сбавил тон. — И тебя я отсюда скovyрну. Найду способ. Потом продолжим войну где-нибудь в другом месте. Не на Голкья.

Лицо врага осталось каменно неподвижным, но нав словно бы услышал его ответ в своих мыслях. Неожиданно безнадёжное, вымученное: «Попробуй, нав. Вдруг у тебя получится. Вдруг, нам действительно пора уходить отсюда. Тогда я тоже не стану вредить тебе на Голкья.»

— Поклянись, что не станешь мне вредить!

«Клянусь! Свет, Тьма и все стихии Голкья да будут мне свидетелями.»

Асур, призывающий Тьму в свидетели — это стоило услышать! Хотя веры врагу всё равно нет и не будет.

Предельно осторожно и бережно, чтобы не стронуть клинок в ране, Ромига начал разжимать стиснутые на рукояти пальцы, но в этот самый миг и асур, и кинжал сделались для него призрачными, как давешние образы Первой Войны. Видеть — видел, воздействовать не мог.

«Не так быстро, нав. И вообще, тебя здесь нет, ты не настолько хороший сновидец. Да,

ты спишь, и тебе снится! Просыпайся, выздоравливай, разыщи мой дом наяву.»

Ромига, и правда, проснулся. И тут же выпросил у Рыньи уголёк, чтобы набросать на стене панораму горных вершин, которые виднелись из той башенки.

Мальчишка молча наблюдал за Ромигиными стараниями, а дождавшись результата, восхищённо воскликнул:

— Ты зарисовываешь сны на стене, совсем, как мастер Лемба! А кто это? Зверь-рыба скрадывает добычу на мелководье?

Нав ещё раз присмотрелся к своему рисунку: да, если сменить масштаб, острые пики похожи на ряд спинных плавников, режущих водную гладь.

— Нет, Рыньи, это горы над облаками. Возможно, высочайшие горы Голкья, или просто очень высокие и острые.

Мальчишка приоткрыл рот в изумлении:

— Разве можно так рисовать горы? Даже наш мастер так не делает!

— А я делаю, — рассмеялся нав, хотя ему было совсем не весело. — Рисую, чтобы лучше запомнить место, которое явилось мне во сне. И чтобы показать его другим, ведь я больше не могу сплетать видения. Скажи-ка мне, Вильяра ушла давно?

— Незадолго до заката, а сейчас уже стемнело. Она обещала вернуться после полуночи.

— Позови её? А лучше, вместе с Альдирой. Хочу показать мудрым этот вид.

Лемба, внук Зуни, сидел на снегу и ворожил снег, а выходила у него, вопреки стараниям, то крупа, то град. Колючие льдинки долбили его снаружи, чёрные мысли — изнутри, сбивая колдовскую песнь с тона и ритма.

Особенно трудно сосредоточиться, слушая, как звонко смеются рядом Анта и Раска, выхваляясь перед мудрым Стирой, а больше — друг перед другом, огромными, в две ладони, снежинками. Взаимное влечение и удачная ворожба дурманят обоих, сильнее маракской травы. Счастливые! Пока не задумываются, не понимают, что посвящение пройдёт лишь кто-то один...

Крупная градина больно клюнула в лоб, и Лемба зарычал, чувствуя, как сочатся из глаз злые слёзы. Нет! Чтобы эти дурни остались вместе, а Лемба — со своей Яли, он теперь ишкура выскочит, но станет младшим Вильярой! Раз уж судьба поманила его внезапным подарком...

Он крепко зажмурился и представил себе знахаркину дочь Яли: пришелицу с Ярмарки, младшую служанку в доме Кузнеца. Вспомнил, как дарил любезной не только свои первые поковки, но и прекрасные снежные звёзды. Голос с тех пор огрубел, дар, по словам Стиры, стал удручающе однобоким, но Лемба же не забыл ничего! Песнь, наконец-то, полилась, а в колдовской силе у него недостатка не было: не зря ученики мудрого Стиры днями напролёт сидят возле Камня...

Продолжая петь, Лемба вытянул перед собой руки и поймал на рукава сотворённую снежику: ощутимо тяжёлую, раза в два крупнее, чем у Анты и Раски. Открыл глаза. Увидел Стиру ровно там, где только что воображал себе Яли. Скривился.

Мудрый будто не заметил неподобающей гримасы ученика, кивнул одобрительно:

— Холодные стихии всё-таки слушают и слушаются тебя, о кузнец. Твоя песнь была сильна. Эта снежинка — величайшая из тех, что я видел в своей жизни, — Стира помолчал,

давая Лембе осознать похвалу, распробовать её на вкус. — А теперь закрепи свой успех, спой ещё раз. Сосредоточься не на величине, а на совершенстве узора. Вспомни, что ты рассказывал мне о мастерстве и тонкой работе?

Лемба кивнул — и снова зажмурился, воображением рисуя под веками образ любезной. Но едва он запел, девушка-мечта вдруг подмигнула, и глаза её, только что — серебристые, сверкнули голубизной. Уже не Яли дочь Уюни — Аю дочь Тари взирает на кузнеца, своего мужа, с недоумением. Да, голубоглазая красавица совсем не понимает подарков, которые мгновенно тают в руках, ей такое даже обидно! А из-за плеча младшей кузнецовой жены деловито хмурит брови старшая, Тунья. Вот она бы оценила: она всегда восхищалась колдовским даром Лембы, в любых его проявлениях. Только самому кузнецу никогда не приходило на ум — радовать Тунию такими нежными, хрупкими, невесомыми подарками. Иное дело, золотая гривна управительницы: заслуженный знак уважения и доверия, а заодно, новый груз забот...

Рывок за шиворот, с насиженного места, сбил и песнь, и вереницу образов. Что-то просвистело, ухнуло в снег там, где Лемба только что находился.

— Зря я похвалил тебя, — сказал Стира. — Ты, что же, не рад успеху, а решил поскорее расстаться с жизнью?

— Почему?

— Погляди сам, что ты наворожил.

Лемба с опаской ковырнул снег сапогом. Опять у него получилась градина! Вернее, ледяная глыба, с голову величиной: как раз бы и вмяла её в плечи до самой задницы.

Стира позволил всем троем ученикам налюбоваться на сотворённое Лембой: испугаться, потом успокоиться. А после рассадил их в кружок и велел петь снова, не закрывая глаз, не вдохновляясь никакими воображаемыми образами и сложными чувствами. Просто слушать стихии, быть наполовину — ими, на вторую — волей, не ведающей колебаний.

Как непривычно, как странно: стать влажным ветром с моря, низкими тучами и растущим, цветущим в них льдом. Это уже не песенка-забава, какую смолоду умеют многие одарённые. Стира вплетает свой голос в хор учеников и ведёт их всё выше и дальше. Лемба, кажется, сам уже стал лёгким, прозрачным, на три стороны равным, будто ледяной кристалл. Путаница мыслей, сумятица чувств, разноголосица желаний остались далеко внизу и больше не гнетут его. Он уносится к горам вместе с западным ветром...

Оплеуха. Больно. Холодно.

— Лемба, ты, правда, не хочешь жить?

— Почему? Хочу!

— Так не растворяйся же в стихиях!

Запоздалый страх. Отец Лембы пугал сына сказками, как стихии заигрывают и забирают к себе сильнейших колдунов. Отец горячо и многословно объяснял мальчишке с ярким даром, почему большинство одаренных не сидят у Камней подолгу, не слагают новых песен, ворожат лишь по суровой необходимости. Отец пугал сына, да, видимо, не из своего опыта. Он не предостерёг, что холодные стихии уносят из жизни так нежно и незаметно. В огонь-то запросто не шагнёшь, ни с песней, ни в полной силе...

Стира дёрнул Лембу за волосы, привлекая внимание:

— До завтра — никаких песен! Совсем никаких! Вообще никакого колдовства! —

повысил голос, обращаясь ко всем троим. — О предызбранные к посвящению, довольно вам учёбы на сегодня. Идём отдыхать, есть и спать, — снова переключился на Лембу. — Кузнец, ты на ноги-то встанешь?

Лемба удивился вопросу, однако тело, правда, заколело почти до неспособности двигаться. Он всё-таки поднялся, пошагал на месте, с трудом переставляя негнущиеся ноги, попрыгал, похлопал руками по бокам. Стира наблюдал за его попытками согреться и расшевелиться: не помогал, но готов был помочь. Лемба справился сам.

Мудрый выждал ещё немного и велел ученикам бежать к их нынешнему обиталищу — Пещере Совета. Сам припустил следом, как матерый зверь за выводком щенят. Слыша за спиной его лёгкие шаги и размеренное дыхание, кузнец ощущал себя неловким, косолапым, безнадёжно тупым.

Однако на бегу постепенно отогрелся, ноги обрели привычную резвость, а ум — остроту. Только порадоваться этому Лемба, увы, не смог. Лишь яснее ощутил, что тело и дар, мысли и чувства больше не ладят между собой, и от их разлада, прежде неведомого Лембе, в собственной шкуре тесно и погано.

Вспомнилось и не дало себя забыть, как две луны назад мчал он с Ярмарки, наперегонки с позёмкой. Как тревожил снега ликующим кличем, от полноты силы и удали. А потом звери откопали чёрную дохлятину, и с этого мига жизнь Лембы покатила кувыркком с горы... Да нет же! По уму, Лемба зазвал к себе в гости беду ещё раньше! Бродячие архане не собирались зимовать младшими слугами, они выжидали случая, чтобы ударить в спину. И кабы не чужак... Да, по уму, бродяга Нимрин был счастливой находкой. Но вспоминать его тошно, а ещё тошнее знать (и хранить в тайне), что Светлейший круг не убил Повелителя Теней, а верная Тунья снова нашла чужака в снегах и выхаживает больного. При том, мужу, главе дома — ни словечка! Слухи же поползли такие, что Лемба извёл расспросами старого Зуни. Тот нехотя признался внуку, кого они прячут. Объяснил также, почему прячут: некоторые мудрые считают Нимрина ходячим бедствием и норовят убить.

Мудрые... Лемба сам стремится стать одним из них. Но чем больше он наблюдает и слушает их в Пещере Совета, тем страннее ему эти могущественные колдуны-долгожители. Всё-то у них не по охотничьи! И Вильяра после посвящения стала, будто не своя. Даже в мыслях всё труднее звать её прежним, любезным сердцу именем. Лемба уже почти уверился, что Яли, его милая Яли, действительно умерла. А ту колдунью, что сотворили из её останков стихии посвящения, он так и не познал. Сколько ни принимал Вильяру мудрую в своём доме, сколько ни валял по пушистым шкурам. Может, если бы она пригласила его в круг... Стира сказал, очень хорошо, что она его туда не приглашала. Почему хорошо, объяснять не стал: мол, в своё время сам поймёшь и поблагодаришь. Стира, вообще, немногословен: больше натаскивает, чем объясняет. Но учиться-то у него здорово... Да только Лембе не учится!

Вон, купцу Тиде учёба тоже не шла впрок, так Вильяра переговорила с ним и отпустила восвояси. А на Лембу лишь глянула издали. Ни полсловечка для него тогда не нашла: ни вслух, ни безмолвной речью. И пусть она — мудрая, то есть, заведомо лучше знает, что делает, а всё равно он на неё сердит и обижен!

Однако обрадовался, встретив её в Пещере Совета.

Обрадовался — и тут же огорчился: следам нездоровья, усталости и тревог на милом

лице, во всём облике и ауре колдуньи... Снова обрадовался, что видит её — живую, потому что мог не увидеть вовсе... Сильнее ужаснулся, что едва не потерял...

Она поманила его за собой и ни разу не оглянулась, пока не завела в какую-то дальнюю комнатку. Затворила, запечатала тяжёлую каменную дверь. Смерила Лембу пристальным, совершенно не ласковым взором и указала на грудку пушистых шкур в углу. Уютное логово, мягкое ложе! Однако расценить её жест иначе, чем приглашение к деловому разговору, Лемба и не подумал: таким холодом от неё веяло. Уселись друг против друга: близко, но не вплотную.

— О предызбранный к посвящению...

Вильяра осеклась, скривилась: то ли от произнесённых слов, то ли потревожила недавнюю рану. Выровняла дыхание, заговорила снова — почти пропела.

— О Лемба, друг мой любезный! — расширенные зрачки полыхнули зарницами, но бледные губы тут же сжались в линию. — Я, Вильяра мудрая, пообещала жене твоей, Тунье, что дам тебе то, чего не было у меня самой: право выбора. И я спрашиваю тебя, о Лемба. Желает ли ты дальше учиться у Стиры, чтобы принять посвящение в Вильяры Младшие? Или ты желаешь остаться мастером кузнецом и вернуться в дом Кузнеца?

Лемба резко подался вперёд, не веря своим ушам:

— А что, неужели, как я скажу, так и будет?

Вильяра кивнула:

— Да, я подкреплю твоё желание, твой выбор своим веским словом, словом хранительницы клана. Так скажи мне, кто ты, о Лемба: предызбранный к посвящению или глава дома Кузнеца?

Лемба молчал, не в силах дать прямой, краткий и точный ответ. Чтобы выгадать время на раздумье, а то и получить подсказку, он переспросил.

— А ты, о Вильяра мудрая? Кем ты желаешь меня видеть?

Колдунья резко, недовольно мотнула головой:

— Я первая задала тебе вопрос. Ответ за тобой, Лемба.

Он замер, как на краю обрыва. Кто он, и чего желает?

— Хорошо, я выскажу тебе, Вильяра, всё, чем я себе уже весь ум изломал! В моей кузнице я каждый миг был на своём месте и счастлив этим. А в учениках у Стиры мне кажется, будто я занимаю чужое место. Я желал бы вернуться домой...

Лемба собирался ещё порассуждать вслух, намотать побегайских петель, да и подвести к тому, что желает он, или нет, или сам не поймёт, чего желает, а примет посвящение, потому что...

Вильяра оборвала его речь резким, как удар бича:

— Ты сказал!

Он вскинулся:

— Что?! Я же не договорил!

Вильяра выставила руки ладонями вперёд:

— Ты сказал главное, что я должна была услышать. Ты выбрал свою судьбу, мастер Лемба. Пока я жива и храню клан Вилья, стихии посвящения не коснутся тебя, — кажется, она вздохнула с облегчением.

— То есть, я...

— То есть, ты всё-таки пройдёшь обучение у Стиры до конца, потому что прерывать учёбу сейчас — опасно для тебя. А потом ты вернёшься в свою кузницу. Туда, где ты

пребываешь на своём месте и счастлив.

— Но почему?

Вильяра будто не расслышала, продолжая говорить:

— Ты доучишься, чтобы тебя по-прежнему считали моим преемником, пока я не найду кого-то другого. Всем так будет спокойнее. Ты доучишься, но я не позволю посвящать тебя, потому что твои расклады на исход обряда — хуже обычного.

Лемба помолчал ошеломлённо. Потом с внезапной, для самого себя, дотошностью уточнил:

— Насколько хуже?

Вильяра поморщилась:

— Я сегодня гадала: один белый камушек к трём чёрным, вместо четырёх белых к одному чёрному.

— Но почему?

— Потому что рогач сказал: «Му-у-у!» — она рассмеялась, зло и обидно, совсем как девчонка с Ярмарки, шугавшая любопытных этим своим присловьем. Мазнула рукой по глазам, потрянула головой. Вдруг добавила, тихо и устало. — Откуда я знаю, Лемба. Не петь же мне песнь Познания, чтобы разъяснить, что с тобой не так. Или не с тобой, стихии тоже чудят. А я просто ужасно не хочу терять тебя до срока, кузнец.

Раньше она непременно сказала бы — мой кузнец. И облизнулась бы зазывно, и смотрела бы на него, а не мимо... Зябко передёрнула плечами, куртку не сняла даже в логове... У Лембы аж сердце захолонуло от сочувствия и нежности, от пронзительной зимней тоски. Но всё-таки он никогда не позволял хитрющей Яли безнаказанно вязать из себя узлы.

— Значит, ты нагадала мне плохой расклад при посвящении. Но ты ничего мне об этом не сказала, а велела самому выбирать. И тут же поймала на слове, на первом произнесённом «желаю»...

Жест отрицания — почти гневный. Прямой тяжёлый взгляд:

— Не я поймала тебя, Лемба, а всё, наконец, сошлось. Твои слова, где ты на месте, а где — нет. Слова мудрого Стиры о тебе. Моё гадание и то, что я вижу своими глазами. Это твоя судьба, кузнец, прими её и успокойся. Но если вдруг случится так... Если и в кузнице ты не обретёшь покоя, то расти свой дар, блюди его равновесие и жди, когда расклады переменятся.

Не-ет, это сказала не прежняя Яли! Даже не Вильяра, знакомая и привычная Лембе Изрекла хранительница. Та, что стоит между охотниками и стихиями, между живыми и щурами. Это стало в ней ярче? Или предызбранный кое-чему, кое-как всё-таки научился у мудрого Стиры? Так или иначе, Лемба, без сомнения, услышал глас судьбы. Постарался принять услышанное. Не посмел оспорить, однако же уточнил.

— Вильяра, скажи, а расклады когда-нибудь изменяются? Кроме сказок?

— Да, они меняются. Я точно знаю, я видела это сама, — она устало прикрыла глаза и откинулась на подушки, давая понять, что разговор окончен.

Лемба лёг рядом и обнял свою любезную колдунью: по-зимнему, без страсти, делаясь теплом. Она прижалась к его боку и уснула мгновенно. Лембу тоже сморило.

Проснулся — один, с зажатым в кулаке ключом от комнаты. Вильяра ускользнула изнанкой сна, иначе кузнец заметил бы, как она уходит. Он тяжело вздохнул, завидуя навыку, который самому ему упорно не даётся: иначе уже побывал бы дома, проверил, как

там и что. Но увы, ему проще увидеть миры по ту сторону звёзд, нежели знакомые места на Голкья. Потому, вздохнув, он перевернулся на другой бок, закутался плотнее в шкуры и проспал до утра.

Вильяра с Альдирой не слишком торопились на зов Рыньи. Ромига как раз дорисовывал Онгу в Доме Теней: уж марать стену, так марать.

Хрустальный чертог и асура на алтаре он изобразил ещё раньше, сам удивляясь, как ярко врезалась в память картинка, и как легко, уверенно ложатся угольные штрихи на шершавый песчаник. Будто некий более умелый рисовальщик слегка направляет руку нава... Или померещилось?

Уж Онгу-то — точно сам! Ромига запечатлел древнего нава таким, каким его нашёл, во всём безобразии распада. И тут же, рядом — исцелившегося, торжествующего. Рисовал — снова думал, могла ли та история завершиться иначе, чем она завершилась? Нет, ни в одном из своих действий Ромига не раскаивается! Ни что кинулся сородича лечить, ни что убил Повелителя Теней. Но пока рисовал, окончательно уложил в голове, что любой нав, который прожил вне Дома слишком долго, может оказаться уже не совсем навом — или совсем не навом. Вести себя с такими бродягами, будто с товарищами по арнату — опасная привычка, подлежащая искоренению. Вытравливая безусловное доверие к представителям своего генстатуса, Ромига сам идёт по пути неприкаянных, непредсказуемых одиночек. Единство с Навью больно трещит по очередному шву... Или он просто становится осторожнее и рассудительнее, чего всю жизнь желали ему старшие товарищи? Боль — роста, а не разрыва?

Так или иначе, неизвестно, встретит ли он в своих скитаниях других навов. Встретит — поглядит, кто или что они такое. А в данный момент на повестке дня асур. С поправкой на возможную ложь, светлый тоже очень давно не бывал дома. То есть, ожидать от него можно всего, чего угодно. Даже вменяемости, дружелюбия и сотрудничества... Эсть'эйпнхар! Придёт же такое в голову... Нет, разумеется, правильнее ждать от светлой твари смертельного подвоха. Но пока Ромига нужен асуру больше, чем он — Ромиге... Увы, это тоже не точно.

Нав стряхнул с пальцев раздавленный в пыль уголёк и попросил у Рыньи другой, но мальчишки в комнате не оказалось. Ромига так увлёкся рисованием и своими мыслями, что не заметил, как тот вышел... Плохо! Но лучше, чем вчера, и гораздо лучше, чем позавчера. Короткая медитация — самодиагностика...

— Нимрин?

Ну, вот и Вильяра! Ромига со вздохом открыл глаза: Вильяра и Альдира.

Мудрая, первым делом, принялась проверять состояние пациента и тоже одобрила динамику.

А мудрый уставился на рисунки, как шас — на налоговую декларацию. Да, именно с таким сложносочинённым выражением лица, способным впечатлить даже философски настроенного нава!

— Рыньи передал, ты хотел показать нам с Вильярой зарисовки своих снов?

— В первую очередь, вот это, — Ромига обвёл рукой пейзаж. — Знакомы ли тебе, о мудрый, эти горы?

Альдира нахмурился сильнее. Молча переглянулся с Вильярой и запел. Провёл ладонью над рисунком, потом у Ромиги перед лицом — нав тихо, угрожающе зарычал на такую бесцеремонность — снова над рисунком. Старательный, но далёкий от совершенства

набросок обрёл фотографическую точность, цвет и глубину. Словно распахнулось окно в стене. Да, именно такой образ Ромига явил бы мудрым, если бы мог. Три пары глаз некоторое время созерцали горные пики над пеленой облаков.

А потом и асур на алтаре стал во всём подобен настоящему... Ромигины уши заострились не столько от генетической ненависти, сколько в ответ на ворожбу Альдиры. Голки так легко и непринуждённо вывернул наизнанку память нава!

Заметив Ромигину реакцию, Альдира не стал проявлять Онгу. Спросил:

— Иули, объясни, чем ты недоволен? Ты желал нам это показать. Ты приложил изрядную смекалку, сноровку и упорство, чтобы мы это увидели. Мне осталось наполнить образы, которые ты создал, колдовской силой, и мы их увидели. Что не так?

Ромига зарычал — теперь уже от досады, чувствуя себя идиотом. Конечно, он сам выложил им эти картинки: на блюдечке с голубой каёмочкой, как говорили знакомые челы. Но не ощущать магию, не сознавать и не контролировать глубину вторжения в собственный разум — невыносимо!

— Альдира, много ли ты видел калек, которые рады напоминанию о своих увечьях?

Вильяра ласково коснулась его руки:

— Ты не калека, Нимрин. Ты ранен, ты болеешь, но ты идёшь на поправку. Ты поправишься.

Ему бы её уверенность!

— Ладно, возвращаемся к началу. Мудрые, вы узнали эти горы?

— Это не наши Небесные, — первой ответила Вильяра. — У нас голкья другой породы, и вершины не такие острые. Может, на севере, за угожьями Сти...

— Такие зубцы могут быть ещё в трёх-четырёх местах, — сказал Альдира и в очередной раз поморщился. — Если бы Повелитель Теней не уничтожил образ Голкья в Пещере Совета, мы прямо сейчас посмотрели бы и узнали наверняка, где это.

— Вы не можете повторить то, что создали ваши предшественники? — ехидно осведомился всё ещё злой нав.

— Мы можем, — спокойно ответил ему Альдира. — Мы уже спели Зрячие песни. Не прежний образ Голкья жил и обрастал подробностями сотни лет, а новый едва родился. Ему нужна дюжина лун, чтобы отразить основные черты мира. А потому сейчас мы станем искать это место иначе. Мы найдём, не сомневайся.

Мудрый снова запел над изображением асура, начавшим, было, затуманиваться. Вернул картинке ясность — буркнул себе под нос.

— Белый Камень-алтарь! И где же у нас обитали такие затейники?

Ромига уточнил:

— Цвет имеет значение?

— И цвет, и порода. Вот такую — нечасто встретишь. Я догадываюсь, откуда эта глыба. Камень-то бродячий: мог убраться далеко от места, где его добыли и зачаровали. Но Камни не любят пересекать моря. Я почти уверен: белый Камень родом с Марахи Голкья, там и пребывает. Подходящие горы там одни. Дикая Стая.

Вильяра как-то по-детски ойкнула, Альдира усмехнулся:

— Да, горы Дикой Стаи высоки, круты и опасны. Там никто не живёт, никто не дерзает объявлять их своими угожьями. Джуни туда, мало, что не ходят, так стараются лишний раз не глядеть в ту сторону. Сказывают, те горы — не для живых. Будто само Солнце присаживается отдохнуть на заоблачные пики и беседует со щурами, а стихии и звери

сторожат их покой. Любому незваному гостю — смерть. Но то Джуни! Наритья давным-давно добывают в предгорьях Дикой Стаи медь, золото и яркие камушки для украшений. Считают их благословением самого Пращуря.

Ромига заметил, как мудрая вздрогнула и опустила глаза, а мудрый очень старательно не обратил на это внимания. Асур ведаёт, что между ними творится! Нав переспросил Альдиру.

— Что за Пращур?

Альдира чуть пожал плечами.

— Мы, мудрые, знаем о нём гораздо меньше, чем нам следовало бы знать. Он — единственный хранитель снов, кто не лишился голоса после заклятья Одиннадцати. Он — даритель новых, неслыханных песен, добрый советчик и надежда отчаявшихся. Сказывают, будто он обладает особой властью над жизнью, смертью и удачей тех, кого касаются его длани. Многие считают его первопредком всех охотников. Но чем дальше, тем сильнее я сомневаюсь, что это действительно так, — мудрый сделал многозначительную паузу. — Уж не почивает ли некто, именуемый Пращуром, на белом Камне-алтаре, на высочайшей из гор Дикой Стаи? Отзовись мне, о Асми!

Вильяра охнула и прижала ладони к щекам. Расширенные зрачки полыхнули не обычным её звериным огнём — отблеском Света вековечного. Ромига сморгнул и уставился на мудрую, пытаясь понять: правда, или показалось? А Вильяра пялилась на Альдиру, как пришибленная, потом вдруг встрепенулась и заговорила... Никогда её глубокий, богатый обертонами голос не звучал столь чарующе!

— Ты прав, о мудрейший из мудрых. Из всех, рождённых под солнцем Голкья, ты один догадался верно. И как ты поступишь теперь, о Голкира Великий?

Нав узнал эти вкрадчивые интонации! Асур явился на зов Альдиры, превратив Вильяру в своего медиума. Как? Почему? Не время разбираться! Только надеяться, что это ей не слишком повредит, и слушать. Очень внимательно слушать! Не упустить возможности, вовремя вернуть своё веское слово. И так уже светлый поганец перехватил инициативу.

Альдира склонился перед Вильярой, то есть перед тем, кто говорил через неё. Склонился почтительно, но не слишком низко.

— Я поступлю, как должно, а прежде выслушаю тебя, о Асми. Почему ты, пришелец, чужак, лежишь на нашем Камне-алтаре, ни жив, ни мёртв? Кто уложил тебя туда? Зачем?

Вильяра ответила, горделиво вскинув голову, сияя глазами и улыбкой. Никогда прежде она так не улыбалась, не выглядела такой величественной, ошеломляюще красивой — и чужой.

— Никто не властен надо мной, о Голкира. Я сам возлѣг на этот алтарь, сам пронзил себе сердце, чтобы спасти твой мир от ужасной, неминуемой гибели.

Мудрый глядел теперь исподлобья, угрожающе:

— А что за дело тебе до нашего мира, о чужак?

Улыбка Вильяры из ослепительной стала печальной:

— Я отдаю старый долг.

— Он подразумевает, что однажды едва не угробил Голкья, а теперь будто бы исправляет содеянное, — вклинился Ромига.

Альдира приоткрыл рот, собираясь что-то сказать...

— В словах Иули есть доля истины, — без тени смущения перебил его асур. — Но, если бы не я, не моя жертва, Иули давно отравили бы Голкья своим присутствием и разрушили. Я

храню равновесие.

Альдира больше не гнул шею перед собеседником, ухмыльнулся дерзко:

— Не слишком-то у тебя получается, о Асми! Или ты скажешь, что миру не хватает второй, равной тебе опоры во Тьме? Ведьма Нархана случайно подсобила, но её изуверство над Иули Онгой — не совсем тот обряд, который нам всем нужен?

Вильярин голос прозвенел сталью о лёд:

— Я восхищён твоей мудростью, о Голкира! Ты снова догадался сам. А ты уже придумал, как достичь искомого?

Мудрый расхохотался, сцапал Ромигу за плечи и встряхнул так, что у того зубы лязгнули.

— Асми, ты считаешь, эта дохлятина ещё на что-то годится? Или ты знаешь, где нам взять другого Иули? Ты, правда, уболтаешь кого-то из них на добровольное жертвоприношение?

Вильяра посмотрела на Ромигу... Нет, это асур в силе взирал на подранка-нава. Вильяриными глазами, однако спутать невозможно! Ощущение присутствия ярче, чем в круге, ярче, чем во сне — и сразу же дурнотный, парализующий страх. Всё, на что Ромига оказался способен — выдержать взгляд, не зажмуриться. И то, возможно, зря.

— Он пока не убалтывается, — издевательски протянул асур. — Однако довольно будет соблюдения внешней стороны ритуала. Вильяра поможет ему лечь на алтарь и не промахнуться ножом. Заодно, она проделает с Иули то, что Иули сделали с ней самой, и тем исцелит свою рану.

— Звучит заманчиво, — хмыкнул Альдира. — Но ты не договорил чего-то важного. Ты бы не явился на мой зов и не почтил беседой, если бы не рассчитывал получить нечто от меня. Не от Иули, не от Вильяры — именно от меня. Что тебе нужно, Асми?

— Твоя догадливость продолжает восхищать меня, о Голкира! Призови алтарь Нарханы. Моя Тень подсказывает мне, что Вильяра уже пробовала, и у неё не вышло.

— Время имеет значение? — деловито уточнил мудрый, не вдаваясь в подробности.

— Для меня уже почти не имеет. Для твоего мира — чем скорее, тем лучше. Ты же не хочешь, чтобы снова началась кутерьма с Повелителями Теней и Солнечными Владыками?

— А она начнётся?

— Непременно. Одной лишь Солнечной опоры мало для истинного равновесия.

— Я услышал и понял тебя, о Асми, — сказал мудрый. — Мне нужно несколько дней, чтобы подготовиться.

— Хорошо, Голкира. За несколько дней не произойдёт ничего существенного. Я подожду.

Альдира смотрит на Ромигу: долго, пристально. У мудрого мучительно тяжёлый взгляд — и совершенно не читаемый. Лицо, тело тоже не дают никаких подсказок. Нав ждёт приговора. Ну, а чего ему остаётся ждать? Конечно, он попробует увильнуть от жертвоприношения: с Онгой же получилось. Но тогда он был в лучшей форме, и мудрые — на его стороне, а не против...

Альдира, безо всяких прелиминарий, отвешивает Вильяре мощную оплеуху. Колдунья отлетает, спотыкается, падает на лежанку. Тут же вскакивает и, рыча, кидается на обидчика. Альдира больше не бьёт её, просто отшвыривает — раз, другой, третий — и что-то истошно вопит... Поёт? Вильяра останавливается посреди комнаты, пьяно пошатываясь. Трясёт

головой, хлопает глазами. Опасливо проверяет, на месте ли скула и челюсть?

— Альдира, я не поняла! Что? Здесь? Сейчас? Произошло?

— Что произошло? А... Мы тут славно побеседовали с тем, кого сказители именуют Пращуром. Вильяра, ты совсем ничего не помнишь?

Колдунья берётся за голову и со стоном садится на лежанку. Альдира присаживается рядом и обнимает её за плечи: жестом, единым для всех миров и рас. Она приникает к нему так же недвусмысленно.

Ромига убил бы их обоих, если бы мог. Не из ревности: ревновать он так и не выучился. Да и самочка голки в любовницах у нава — тот ещё анекдот. Но ядовитый сплав ярости, безнадёги, страха хочется на кого-то выплеснуть, чтобы не жёг изнутри! Больное тело едва держит накал: в ушах — звон, в глазах — круги... Ого! Здравствуй, обморок.

Он ещё слышит голоса голки, но смутно. Вильяра жалуется, что не хочет исцеляться такой ценой. Альдира отвечает, мол, тоже не рад, однако нужно погадать на все возможные расклады.

И песня: на два голоса. Чьи-то ласковые пальцы гладят Ромигин лоб и виски. Нет сил отстраниться, а потом желание пропадает. Мягкие подушечки медленно обводят переносицу и дуги бровей. Скользят по скулам, вдоль челюсти — к подбородку. Касаются губ и век. Массируют уши. Безошибочно находят, где нажать, чтобы уши стали острыми, а нав подскочил, как встрёпанный... Не нажимают, плавно водят кругами, и трудно придумать что-то более расслабляющее. Он не доверяет ни голосам, ни рукам мохнатых тварей. Ещё больше опасается того, кто может явиться к нему в сон. Но передышка не просто нужна, а жизненно необходима. И он выравнивает дыхание, замедляет суматошный стук сердца, успокаивается — засыпает.

Чья-то рука на запястье: ужасно знакомым хватом, знакомо волочит его по каким-то кочкам. Куда? Зачем? Почему?

— Рыньи?!

— Да, это я, Нимрин. Ты не просыпайся, пожалуйста! То есть, у тебя всё равно не получится. Мудрые крепко тебя усыпили, а я добавил. Но ты и не старайся. Сначала выслушай меня.

— Да, Рыньи, я тебя очень внимательно слушаю.

— Нимрин, они не зачаровали комнату! Мудрые, то есть, Вильяра с Альдирой, её не зачаровали. Забыли зачаровать, а я нарочно сел под дверью и всё подслушал. Всё-всё-всё! Как Асми говорил через Вильяру. И как мудрые потом совещались. Они, двое, убрались из тёткиной комнаты в какое-то логово. Они собираются там гадать, но я уже всё понял и всё решил. Ты, Нимрин, мой друг! Я никому не отдам тебя в жертву! Альдира объяснял Вильяре: либо две жертвы на двух алтарях, либо ни одной. Вот, пусть будет — ни одной! Ты же знаешь хрустальный чертог Асми, ты видел его во сне. А я научился ходить изнанкой сна. Я протащу нас обоих по твоему следу. Мы ведь сможем снять этого Асми с алтаря? Ну, как ты снял другого Иули?

— Рыньи, откуда ты знаешь про того Иули?

— Так Альдира же спорил с Вильярой! Они говорили, наше с тобой дело гораздо проще. Просто вынуть из Асми нож, и Камень вылечит его, а потом отпустит. Асми ранил себя чисто, не как злая ведьма — Иули.

Полёт мысли малолетнего сновидца ошеломляет нава. Тем более, Ромига сам

подумывал о таком варианте. Но прямо сейчас, с наскоку, без подготовки?

— Ох, Рыньи, как же у тебя всё просто!

— А чего сложнить-то? — смеётся.

— Не сложнить, а усложнять.

— Да какая разница! Главное, мы уже на месте. Вот теперь, давай, Нимрин, просыпайся... У-у-у-юй!

Мальчишка заорал, и было с чего: неистово-алый, яростный свет выжигал глаза даже сквозь веки. Солнце едва вошло над облачным горизонтом, но мириады хрустальных граней множили сияние до нестерпимого. Что же будет в полдень?

Помня, как тут всё проваливается, нав откатился подальше от скорчившегося на полу Рыньи. Сел. С третьей попытки встал на шаткие ноги. Попутно обнаружил, что одет во что-то охотничье, и оно болтается на нём, как на пугале, а штаны норовят сползти. Стянул вздёржку и пояс, оправил подол куртки, тут-то и глаза немного притерпелись к свету: можно озираться, изучать обстановку.

С ночи — без перемен. Та же башенка, те же горы вокруг. Асур как лежал на своём алтаре, так и лежит. Рассветное пламя тщится перекрасить его в чуда, но увы, безуспешно: само уже перецвело из алого в соломенно-жёлтый, а там и до белого недалеко. Глаза болят, слезятся... Хватит тянуть время! Если что-то делать, то сейчас.

Ромига подошёл вплотную к алтарю. Потрогал холодный мрамор, по-прежнему не ощущая ни следа магии. Заглянул в лицо врага. Одно в нём, пожалуй, поистине прекрасно: вот эта его каменная неподвижность. Если бы поганец спал и не отсвечивал... Смирная отвращение и страх, нав проверил жизненные показатели твари. Напоминает окоченелый труп, но к сожалению, только напоминает.

И снова нечего тянуть время! Либо решиться: совершить то, что Ромига пообещал асуру, и зачем Рыньи притащил его сюда. Либо отступить и принимать то, что с ним самим собираются сделать мудрые. Как лучше для Голкья? Да честно говоря, уже плевать! Этот мир вымотал из нава всё, что не забрал душекрад. Всё, кроме жизни, и на неё посягает. Так пусть подавится!

Ромига вдохнул и выдохнул, размял руки. Попробовал призвать набор инструментов — впустую. Ну и ладно. Рана аккуратная, можно ничего не чистить, не шить. Регенерируют асуры почти так же хорошо, как навы. И Камень ему в помощь!

Осторожно, бережно Ромига разжал холодные пальцы асура, стиснутые на рукояти. Взглянул за неё и плавно потянул вверх. Кинжал вышел, почти не оставив следа. Крохотный надрез с припухлостью по краям, да пара капель серебристой крови... Кровь! Запах! Выпустить её всю, растерзать врага, добить... Не здесь и не сейчас. Не на алтаре!

Нав глянул на клинок, пытаясь понять, из чего он? Не золото, не лунный сплав — что-то полупрозрачное, светящееся изнутри... Истаявшее вместе с рукоятью, при попытке проверить остроту на ногте. Вот же погань! Но клинок — ерунда, важнее состояние врага: пока без перемен. Убраться бы прочь, пока он не очухается, а то благодарности можно не пережить.

— Рыньи!

Нет ответа: мальчишка лежит, не шевелится. Не поворачиваясь спиной к алтарю с асуром, Ромига отступил к своему проводнику. Позвал его ещё раз, потрогал ногой, всё без толку. Сел рядом, вытеребил из комка шкур вялую, холодную и влажную руку, нащупал пульс-ниточку — ругнулся отчаянно. На это они с Рыньи не рассчитывали. То есть, Ромига не успел спросить, на что рассчитывает малолетний балбес. Например, что он думает про магическую защиту, которой в хрустальном чертоге не может не быть? Удивительно, что обоих не испепелило... Нет, вопреки здравому смыслу, в своей безопасности Ромига не

сомневался. И мальчишку своей уверенностью заразил: вместо того, чтобы подумать и предостеречь.

Хорошо, что не насмерть! По крайней мере, не сразу. Возможно, юный сновидец даже оклемается без последствий? Но увы, он не уведёт нава из башенки быстро и незаметно. Ромига его тоже не утащит: выхода для не магов асурская архитектура попросту не предусматривает.

Разве, что аварийный? Нав приник к узорчатому витражному полу, высматривая, далеко ли лететь, если тот снова провалится под ногами? Нет, совершенно не вдохновляет: с милню до облаков и неизвестно, сколько под ними. Скальные отвесы — мечта альпиниста, ветер развеивает снежные шлейфы. Короче, ни зацепиться, ни пережить спуск. Ладно!

Ромига ещё раз проверил состояние Рыньи: не ухудшилось. Уложил мальчишку поудобнее, больше-то помочь нечем. Проверил асура... Этому пациенту явно лучше! Даже любопытно наблюдать, как светлые выходят из регенерационного анабиоза.

Любопытно, только очень уж долго. Дело к полудню, свет режет глаза, ноги подкашиваются. Опирается на Камень-алтарь — дурная идея, хотя Ромига по-прежнему ничего не ощущает. Отошёл, сел рядом с Рыньи, облокотясь о хрустальную стенку. Усталость обволакивает, сковывает тело и разум...

Полыхнуло над алтарём, и асур встал: словно птица взлетела. Всплеснул руками-крыльями — белоснежные, струящиеся одежды облекли стройную фигуру. Коснулся волос — они сами собой перевились в жгуты, косы, и улеглись вокруг головы. Лишь после этого асур с видимым удовольствием потянулся. Посмотрел на свои руки. Огладил лицо. Расправил складочку на одежде... Полуденный свет слепит, скрадывая подробности, но такое ликование, наслаждение собственной телесностью ни с чем не перепутаешь!

И немного дежавю...

Ромига зарычал, взвился на ноги, хотя минуту назад казалось, пальцем не шевельнёт — стена лучей выросла перед ним, отрезая от хозяина чертога.

Тот, наконец, перестал охорашиваться и обратил внимание на своего гостя:

— Осторожно, нав! Будь последователен. Не пытайся испортить свою же великолепную работу. Я тебе этого не позволю, но ты поранишься.

Нав смирил инстинкты и замер в полушаге от сияющей решётки. На всякий случай, загородил собой бесчувственного Рыньи. Асур тоже подошёл вплотную: подплыл, величественно ступая, высоко держа голову. Из-за сложной причёски светлый казался выше нава, но смотрели они — враг врагу — точно в лицо. Мерили взглядами, изучали враг врага ненавистно и жадно. Удовлетворили первое любопытство — сцепились в самом бескровном из поединков, глаза в глаза. Увы, Ромиге слишком жгло, чтобы выиграть в «гляделки» у светлого. Да и жутко: страшнее чем, когда асур смотрел через Вильяру. Уж насколько нав сейчас не ощущает магию, не видит ауры, а мощь этого *присутствия* пробирает до печёнок!

Вытерпел, сколько смог, и отступил, признавая превосходство противника. Асур принял такую реакцию без торжества, но как должное. Позволил наву проморгаться, потом заговорил. Возможно, кто-то вечно бы наслаждался переливами его голоса, даже не вникая в слова, а Ромиге мешает генетическая ненависть.

— Ты исполнил своё обещание, нав. И даже быстрее, чем я рассчитывал. Но скажи мне, зачем ты привёл в мой дом этого мохнатика? Тебе известно, что он умрёт, если останется здесь ещё немного? — в мелодичном голосе светлого прозвучала словно бы печаль,

сожаление.

— Немного — это сколько? — уточнил нав, всеми силами сохраняя нейтрально-вежливый тон.

— До заката. Может быть, до полуночи.

Нехорошо! Но просить асура, чтобы он отпустил их? *Просить? Асура?* Напускная вежливость норовила осыпаться с Ромиги, но нав кое-как держался.

— Вообще-то, в наши планы не входило гостить у тебя так долго. Мы уже сделали всё, что намеревались: помогли тебе слезть с алтаря.

— Мы? — асур удивлённо приподнял белоснежную бровь.

В отличие от нава, он ни капельки не злился. Он был спокоен, как чистая стихия: ясная, совершенная, беспримесная. Заразительно спокоен, и Ромига вдруг тоже поймал этот настрой. Иметь дело со стихией, даже враждебной, легко. Опасно, жутко, но легко. Ромиге — не впервой.

— Я обещал скovyрнуть тебя с алтаря, и я это сделал. Но без мохнатика я не попал бы в твой чертог во плоти. Я не настолько хороший сновидец. А вот он — достаточно хороший. Он первым предложил мне свою помощь и помог. Поэтому я говорю о нас.

— Ну что же, поговорим о вас. Или всё-таки о тебе, нав?

Ромига пожал плечами:

— А что ты желаешь сказать нам? Или мне? Что ещё, кроме: благодарю, вот ваш портал?

Асур рассмеялся. Не обидно, не оскорбительно — ему просто было весело, и реплика нава его позабавила, и он не таил это в себе.

— Благодарю. А неужели, нав, ты ни о чём не хочешь меня расспросить?

— А неужели, асур, твоя благодарность простирается так далеко, что ты ответишь мне правду, и она пойдёт мне впрок?

Глаза-солнца вспыхнули гневом: таким же мгновенным, как веселье, и таким же искренним.

— Пойдёт ли тебе впрок хоть что-то, зависит лишь от тебя самого! Или тебя этому не учили, нав?

Гнев асура подавлял. Однако Ромига нашёл в себе силы не обмереть со страху, не сгореть со стыда — ухмыльнуться:

— Жизнь учит.

Асур поморщился, будто вспомнил что-то мерзкое.

— Некоторых — не учит, — взмахом руки, словно крылом, отмёл воспоминание. — Тебе есть, чему учиться, нав. Однако ты мне нравишься. Поэтому я тоже исполню своё обещание. Я не стану вредить тебе на Голкья... Пожалуй, вовсе не стану. Моя Тень подсказывает, что это слишком нездоровое занятие. А мне моя жизнь ещё пригодится. Нужно предотвратить одну войну.

— Твоя Тень?

Асур указал себе под ноги:

— Конечно, я тоже отбрасываю тени. Из-за нестабильности мира, на Голкья это имеет любопытные последствия. Но ты разбираешься в них лучше меня, о Повелитель Теней. Я уверен, ты уже знаком с моей непоседой.

Ромига вспомнил задорно-глумливый голосок и смех-колокольчик... А пожалуй, что и знаком, но решил не развивать тему. Спросил другое.

— Войну? Ты сказал, предотвратить войну?

— Я долго размышлял, как отомстить тому, кто её развязал. Лучшей мезтью видится мне — вернуться к истоку и сорвать его планы. Время — самая своевольная из стихий. На моём нынешнем уровне знаний, задача выглядит нерешаемой. Но кого, когда интересовали простые задачи?

— Ты... Ты о *той* Войне?

Асур кивнул. Коснулся лучей, разделяющих его с навом — они зазвенели под рукой, как струны.

— Наши Великие Дома не могли не сцепиться, — продолжил враг. — Мы рождены для соперничества. Для соперничества, нава, а не для взаимного истребления! Я найду, кто стравил нас *так*, и сделаю с ним, с ними... Что смогу, то и сделаю.

У Ромиги сердце зашлось от восторга и ужаса. Кого он опять отпустил на волю? Воскликнул:

— Ты сумасшедший, хуже Онги!

Воплощённая стихия взглянула укоризненно, качнула головой:

— Нет, нава. Я никогда не стану ломать мир. Ни этот, ни какой-либо другой. Ни под чужие приказы, ни под свои желания. Я удовлетворяюсь *возможным*. Ты же слышишь миры, ты это чувствуешь, как никто.

Вот тут светлый наступил на больное, и Ромига не сдержал гнева, пополам с горечью.

— Да я сейчас ничего не слышу, кроме твоих сладкозвучных речей!

Ещё один отрицательный кивок:

— Твой душекрад откусил больше рта. Он теряет власть над тобой, и не только. Дни его сочтены. Ты скоро вернёшь себе всё, что потерял, и с прибытком. Прощай, нава! Вам пора. Да пребудет моё благословение на твоём спутнике, а ты обойдёшься. Просто пожелаю тебе здоровья и удачи.

Ромига, забывшись, чуть не пожелал удачи в ответ, но сверкнуло, ослепило, и вот уже нава летит из асурского портала — лицом в сугроб.

Кое-как проморгался, огляделся. Асур вышвырнул его там же, где в прошлый раз. Его и Рыньи.

На холоду, возле родного Зачарованного Камня, мальчишка начал быстро приходить в себя. По крайней мере, удалось поднять его на ноги. И встать самому. И добрести до калитки, держась друг за друга. Калитку Рыньи благополучно открыл и закрыл, а где-то на середине второй лестницы снова скис. Пока Ромига собирался с силами, чтобы взвалить его на спину и тащить дальше, на них наскочил один из старших слуг дома Кузнеца. Этим приключение, в общем-то, и завершилось.

Брань Туньи Ромига, по большей части, пропустил мимо ушей. На вопрос, где были, ответил, что расскажет об этом мудрой Вильяре. Дошёл до комнаты, упал на лежанку и отключился: тоже, как в прошлый раз. Ощущаешь ты вредоносную магию или нет, а она вредит! И не только она — общие условия. Когда и так-то не слишком здоров... Нава понимал: в хрустальном чертоге было слишком много Света, чтобы обошлось без последствий. Но ущерб он станет оценивать, когда отлежится. Об асуре — живом и на свободе — тоже поразмыслит позже. Скорее всего, ужаснётся. Но сейчас, уплывая в горячечный бред, он знает, что поступил единственно верно, и нечего об этом — пора птичек кормить.

Хор-рошие птички: белоснежный павлин и облезлый одноглазый индюк. Ромига отрывает от себя куски плоти и бросает им... Да ни капельки не больно! Зато птички либо подавятся, либо отравятся, либо — шутка Спящего — прикормятся и станут ему служить... Конечно, дурь несусветная! Наву смешно с самого себя, как с клоуна на арене. Мало ли, что не похож? Зато арена — что надо! Круг из постаментов, а на них картинно, будто сторожевые львы, возлежат белые звери Голкья. Лежат — наблюдают за кормлением птиц. А постаменты-то под зверями не простые: Камни-алтари. И не те ли самые, что запомнили вкус Ромигиной крови? Но сейчас они не претендуют, довольствуются зрелищем. Ромиге же почему-то кажется жизненно важным: сосчитать их. Он считает, а птицы, знай, требуют своего — жрать! Хлопают крыльями, щиплют клювами, отвлекают. Он раз за разом сбивается, не досчитав до трёх десятков. Забывает, откуда начал, слишком уж всё одинаковое: и Камни, и звери на них... Нет, один Камень почему-то белый, в Пещере Совета такого не было. Ромига начинает новый подсчёт с него, заметного, однако птички совсем обнаглели! Индюк сшиб с ног и целит клювом в глаза, павлин налетает на индюка сбоку — драка, вопли, когти, пух и перья кружат в воздухе. Одно перо, невообразимо громадное, опускается Ромиге на лицо, загораживая обзор. Оно, внезапно, тяжелее свинцовой плиты, и под его гнётом нав проваливается куда-то глубже, где нет зримых образов, вообще ничего...

Совсем ничего и никого! Ромига не ощущает даже присутствия поганца, который прежде обитал в этом нигде. А и правильно: сам же поганца отпустил. Зато внезапно понимает, вспоминает, что сквозь похожее нигде можно пронырнуть в любой из миров: хоть к душекраду в гости, хоть домой. Нав уже проделывал этот фокус, не отдавая себе отчёта. А когда-нибудь ещё раз проделает, сознательно и целеустремлённо. Но пока ему не хватает то ли духу, то ли дыхания, то ли чего-то ещё. Пустота выталкивает из себя, словно глубокая вода, и снова арена, алтари, птицы, звери...

Птицы насытились, отстали, исчезли. Ромига смотрит в глаза твари, сторожащей белый Камень. Взгляд её — не по-звериному осмысленный, а морда — уже не совсем морда. Звериные черты плавно и красиво — на удивление! — перетекли в черты голки. Мудрая Вильяра взирает на Ромигу высокомерно и загадочно, будто статуя сфинкса... Сфинкс и есть, с поправкой на местные реалии: звериное тело, лицо разумной. Убьёт, сожрёт — или сперва станет загадки загадывать? Молчит, смотрит...

Наву уютно во Тьме, первородной и вечной. После озноба и жара, после полчищ бредовых видений, Тьма ему — долгожданный отдых. Но что-то мешает поживать в объятиях родной стихии... Звуки и запахи. Телесные ощущения — неприятные!

Ну, да: правильная, здоровая регенерация именно такими обычно и сопровождается, он помнит. Он сосредоточивает внимание, где сильнее всего печёт, давит, дёргает... Едва не срывается в панику, понимая, отчего ему так темно: глаз-то у него в данный момент практически нет. Если верить ощущениям, через некоторое время снова будут. Но это время ему предстоит как-то пережить.

Не подавая виду, что очнулся, Ромига ловит и анализирует все доступные ему сигналы внешнего мира. Он по-прежнему в доме Кузнеца, в комнате Туньи: лежит, зарытый в россыпи морского мха. Рядом — двое знакомых голки, и они мирно беседуют о делах целительских.

— Мудрая Вильяра, скажи, а Нимрин теперь точно выздоровеет? — спрашивает Рыньи. Судя по речи, сам он уже вполне оклемался после визита к асуру.

Колдунья со вздохом отвечает:

— Эх, Рыньи! Вмазала бы я тебе подзатыльника! Ума-то всё равно нет, не отшибу. Но боюсь, спугну наиневозможнейшую твою удачу! Вы же с Нимрином сунулись, куда даже мудрым ходу нет! Да ты сам любишь сказывать, какие погибельные чары оберегают такие запретные места. Вас же могло расплющить, вывернуть наизнанку, загнать живьём к щурам. Но вы оба отделались, считай, испугом!

— Нимрин — испугом? — голос подростка звенит возмущённо.

— Да, и Нимрин — тоже испугом. Иули в чертоге Асми досталось хуже, чем тебе. Но ты посмотри, как заживает обожжённое. Сравни с тем, что ты наблюдал раньше.

— Да, я вижу. Быстрее и без рубцов. Мудрая, скажи, а почему так?

— Да знала бы я, Рыньи! Иули покалечился в Светлейшем круге и едва не помер. Потом он поранился о солнечные чары ещё раз — и быстро выздоравливает. Причём, заживают у него не только новые, но и все старые болячки. Ты, наверное, слыхал: некоторые знахари лечат подобное подобным. Обычно выходит у них ерунда, но возможно, иногда такое лечение всё-таки помогает? Или дух Иули перестал стыдиться своей стихии, а тело — враждовать само с собой? Или истинное равновесие целительно для всех живых, а не только для охотников? Я не знаю, Рыньи. Но я уверена, скоро наш Нимрин очнётся и попросит еды. И прожорлив он будет, как дикая стая.

— И попрошу. И буду. Как три дикие стаи!

Радостные возгласы слились в один: возвращения больного со щуровых троп здесь нетерпеливо ждали.

— Нимрин! Нимрин! Сейчас я принесу тебе вкусной похлёбки! — мальчишка подхватывается и убегает.

А Вильяра берёт Ромигины руки в свои и говорит ему тихо, проникновенно:

— Иули Ромига, прозываемый Нимрином! Прости, что мы с Альдирой напугали тебя. Знай! Асми на алтаре больше нет, и на жизнь твою ради равновесия мы не покусимся, не совершим такого беззакония. Я, Вильяра мудрая, верна словам и клятвам, которые я прежде давала тебе. Когда ты сможешь и захочешь, я отправлюсь с тобой на ту сторону звёзд: искать

твоего врага-душекрада и твой дом. А пока я помогаю тебе исцелиться.

— Я услышал тебя, о Вильяра мудрая. Пожалуйста, дай мне воды.

Колдунья начинает поить его, как, наверное, поила в беспомощности. Но он уже сам в состоянии есть, он берёт в руки посудину и мимо рта не промахивается. Сперва глотает жадно, потом смакует, растягивая удовольствие.

Вильяра дождалась, пока он допьёт — спросила:

— Нимрин, ты расскажешь мне, что было с тобой в чертоге Асми? Что ты там делал? Что видел и слышал?

— Нет, Вильяра, не расскажу. Это тайна: между мной и моим кровным врагом. Но ты верно сказала, что Асми на алтаре больше нет. Это я свидетельствую и подтверждаю.

К Ромигиной радости, мудрая принимает его нежелание вдаваться в подробности, как должное. То есть, ей любопытно, но с расспросами она не лезет, с ворожкой не приступает. Просто продолжает разговор.

— Альдира уверен, нашего Асми на Голкья больше нет. Он ушёл от нас и запер за собою дверь, но ключ не выбросил. Иными словами, твой кровник вернётся в обжитое логово, если захочет.

Ромига пожимает плечами, находя подобный образ действия совершенно разумным... И тут же трогает кончики ушей, убеждаясь, что они не заострились на разговор о враге.

Отыщет ли асур путь в тайное убежище себе подобных? Как его там примут? Пожелает ли он остаться со своими? Приживётся ли? Мысли об асурах — асурах вообще — таки вызвали привычную реакцию организма!

А заодно уж с ушами, нав ощупал всю голову и лицо. На глазах — повязка с примочками: по ощущениям, полезными. Зрение восстановится, обязательно восстановится, нужно только подождать...

— Мы, мудрые, не замуруем дверь для Асми, — продолжает, между тем, Вильяра. — Даже если старейшие объединят усилия, нам не по зубам тот, кто был Пращуром. Но мы и не станем изгонять его. Мудрый Нельмара говорит, мол, Асми — не родня нам по крови, но по разуму — истинный прародитель. С незапамятных времён хранил он Голкья и учил охотников песням... Хотя я по-прежнему зла на него! Если я встречу его во плоти, я выскажу, что думаю — от себя, и плюну ему под ноги. А ты, Нимрин?

Нет, никаких комментариев об асурской бестии Вильяра от Ромиги не дожждётся! Решил, что тайна — значит, тайна. Возможно, когда-нибудь он переменит своё решение, но пока — так.

— А я, Вильяра, посмотрю, что он станет делать, освободившись, — говорит нав. — Дальше — по обстоятельствам. Великого Безымянного я изгнал. Иули Онгу мы тоже изгнали. Понадобится, изгоним и Пращура... Или вы сами справитесь, без меня.

Ромига безошибочно, по памяти примостил посудину из-под воды в стенную нишу и лёг. Он всё-таки чувствует себя скверно, а из-за слепоты — вдвойне. Но если он не поспешил принять желаемое за действительное, то некое смутное подобие магической чувствительности к нему вроде бы возвращается...

Мастер Лемба, глава дома Кузнеца, обходит своё жилище после долгого отсутствия. По левую руку бодро семенит старый Зуни, по правую — скользит-плывёт, посверкивая золотыми очами и белыми клыками, любезная Тунья. Понурая, обиженная на всех Аю

плетётся следом...

У ворот дома Лемба одарил обеих жён, как мечталось ему во время учёбы: наворожил и вручил им огромные узорчатые снежинки. Тунья рассмеялась от радости и бережно опустила хрупкий подарок на снег, любуясь им со всех сторон. Аю стояла, дула губки и хлопала глазами, пока талая вода не побежала меж пальцев. Тогда красавица брезгливо отряхнулась, шагнула навстречу мужу, глянула снизу-вверх, как балованное дитя:

— Любезный Лемба, неужели, это все твои гостинцы?

Он облапил её, подхватил на руки, закружил:

— Главный мой гостинец — я сам! Я вернулся, жена! Радуйся!

— А зеркальце? Ты обещал мне зеркальце? — голубые глаза набухли слезами.

Лемба осушил бы их поцелуями, но Аю старательно уворачивалась. Дурёха! Ведь беседовал же с нею по дороге домой, безмолвно. Объяснял, что мастер распродал те зеркала, а новых не наделал, нужно подождать. Не до ремёсел, не до торговли было во дни усобицы и беспокойных стихий. В ярмарочном поселении до сих пор не мирно, по словам Груны. Мудрые не велели Лембе туда ходить, гулять по лавкам, тем более — задерживаться. И домой он отчаянно спешил! По ней же скучал, по Аю... Да, Лемба повторил бы то же самое ещё раз, вслух. Но толку: объяснять, что понимают сеголетки, а жёнушка пропускает мимо ушей и ума, сколько ты ей ни тверди? Лемба с горьким смешком поставил Аю на ноги и отстранил, почти отпихнул от себя.

Обнял Тунью, крепко поцеловал и шепнул ей на ухо:

— Драгоценная моя! Прости, я мало являл тебе своё благорасположение. Не беспокойные стихии промыли мне глаза, продули уши и ноздри. Мудрые научили меня видеть то, на что я смотрю. Ты — тепло моего дома и пламя моего горна, радость моя и надежда! Тунья моя любезная!

Впервые он назвал её любезной: старшую жену, мать четырёх своих дочерей, распорядительницу дома. Ожидал услышать в ответ сердитое бурчание, но Тунья на миг отстранилась, заглянула ему в лицо — глаза полыхнули ярче золотой гривны — обхватила руками-ногами, повисла на нём, прижалась, зашептала горячо.

— Я тоже не баловала тебя благорасположением, мой любезный мастер Лемба. А ныне и луна моя посветлела, радуясь возвращению твоему! Идём же, Лемба, обойдём скорее дом, а после отпразднуем...

Не отпуская его, она обернулась с шальной улыбкой:

— Аю, чего ты плачешь? Приходи третьей на мягкие шкуры, тебе же так нравится!

— Вам бы только шкуры мять! — замахнулся на них клюкой старый Зуни. — Лемба, дом-то без тебя ещё кое-как стоит, не рушится, а вот кузница грустит. Заказов мы накопили луны на три. Металл есть, уголь есть, а ковать некому. Хоть чёрного оборотня к наковальне зови!

— А он здесь? — вскинулся Лемба.

— Да куда же он денется, наш дорогой гость! Вильяра сказала, слаб он ещё — провожать его на ту сторону звёзд. Но хорохорится, бродит в снегах вместе с подростками, стреляет белянок. Из шкурок что-то собирается мастерить, выделяет их, как на барабан.

Лемба не ищет чужака нарочно, но обходя дом снизу доверху, заглядывает в покои Туньи, где теперь обитает гость. Нимрин — там: поправляет узор на разложенной на коленях куртке. Оборачивается на рокот двери, встаёт навстречу хозяину дома, приветствует

его церемонно, честь по чести. Лемба отвечает таким же церемонным пожеланием здоровья — и тут же добавляет от себя.

— Мне сказывали, Нимрин, тебя потрепало, едва не до смерти. А я смотрю, каким я тебя нашёл, такой ты и есть. Только отощал, рёбра торчат, брюхо к спине прилипло. Неужели распорядительница Тунья плохо тебя кормила?

Чужак скалит мелкие острые зубы, зажигает искры в зрачках... Лемба не обратил бы внимания, да мудрый Стира научил подмечать мелочи. Кажется, раньше чёрные глаза Нимрина в полумраке посверкивали жёлтым, сейчас — бело-голубым, словно снег на солнце.

— Тунья кормит меня досыта, о кузнец. Но тебе не соврали, я побывал на пороге смерти и пока не вполне здоров. А ты-то, Лемба, чего так исхудал? Нелегка учёба у мудрых?

— Нелегка, но я доволен. А отъедаться мы теперь станем вместе. Вся зима впереди!

Нимрин кривится, но тут же переводит гримасу в улыбку:

— Да, Лемба. Вся зима — и вся жизнь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net